

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

ФИЛОЛОГИ-КЛАССИКИ О ФИЛОЛОГАХ-КЛАССИКАХ

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

ФИЛОЛОГИ-КЛАССИКИ
О ФИЛОЛОГАХ-КЛАССИКАХ

*Эта книга - о тех, кто спасал и спасает
основы европейской цивилизации в России,
и для тех, кто не понимает значимости сохранения
греко-латинского мира Античности и Средневековья
для **современной** культуры России.*

Москва
2011

УДК 8(092)
Д24

Печатается по решению научно-методического совета
МГХПА им.С.Г. Строганова

Автор проекта и составитель сборника –
СЛАВЯТИНСКАЯ М.Н.

Биографические заметки – ЙОВА Н.М.,
СЛАВЯТИНСКАЯ М.Н.

Ответственный редактор – ЙОВА Н.М.

Д24

**Двойной портрет (филологи-классики о филологах -
классиках): Сб.статей / Сост. М.Н.Славятинская. –
М.: МГХПА им. С.Г.Строганова, 2011. – 192 стр.**

Публикуемая книга предназначена тем читателям, кото-
рые должны и хотят знать о тех деятелях культуры, кото-
рые спасали и спасают основы европейской цивилизации в
России–СССР–России.

Она также предназначена для читателей, желающих боль-
ше узнать о значимости сохранения греко-латинского ми-
ра Античности и Средневековья для современной культу-
ры России.

ISBN 978-5-627-088-7

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	4
Раздел I. «На переломе»	5
<i>Грушка А.А.</i> КОРШ Ф.Е.	6
<i>Нахов И.М.</i> ЗЕЛИНСКИЙ Ф.Ф.	14
<i>Тахо-Годи А.А.</i> ЛОСЕВ А.Ф.	22
Раздел II. «Россия. XX век»	29
<i>Гаврилов А.К.</i> БОРОВСКИЙ Я.М.	30
<i>Цымбурский В.Л.</i> ГИНДИН Л.А.	40
<i>Лукьянова Л.М.</i> ДЕРЮГИН А.А.	48
<i>Крюков А.С.</i> ДОВАТУР А.И.	52
<i>Казанский Н.Н.</i> КАЗАНСКИЙ Б.В.	76
<i>Федорова Е.В.</i> КОЗАРЖЕВСКИЙ А.Ч.	80
<i>Славятинская М.Н.</i> МИРОШЕНКОВА В.И.	88
<i>Радциг С.И.</i> ПОКРОВСКИЙ М.М.	100
<i>Шевченко Л.И.</i> ПОЛЯКОВА С.В.	113
<i>Полонская К.П.</i> СОБОЛЕВСКИЙ С.И.	121
<i>Леушина Л.Т.</i> ТАРАСОВ Л.Д.	130
<i>Герценберг Л.Г.</i> ТРОНСКИЙ И.М.	136
<i>Широкова А.В.</i> ШИРОКОВ О.С.	141
<i>Кацман Н.Л.</i> ЯРХО В.Н.	147
Раздел III. «Недавнее зарубежье»	155
Белоруссия	
<i>Шевченко Г.И.</i> ТАРАШКЕВИЧ Б.А.	156
Грузия	
<i>Петровский Ф.А.</i> ЦЕРЕТЕЛИ Г.Ф.	160
Украина	
<i>Шанин Ю.В.</i> БЕЛЕЦКИЙ А.А.	171
<i>Содомора А.А.</i> КОБОВ И.У.	180
Две кафедры классической филологии	189

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Европейская цивилизация долго и с трудом укоренялась на том пространстве, которое еще недавно исчислялось как одна шестая часть земного шара. Сейчас слабые корни этой цивилизации в России старательно подрубаются. Что это – сознательная цель или недомыслие?

Предлагаемый сборник очерков (далеко не полный и, как предполагается, не последний) рассказывает о тех людях, чьи научные труды (монографии, статьи, учебники, переводы, словари) известны (или должны быть известны) интеллектуальной части населения России, в первую очередь тем, кто работает в области «человекосозидающих» (гуманитарных) наук.

Написанные филологами-классиками, в основном близко знавшими тех, о ком они рассказывают, очерки условно распределены по трем разделам. Первый раздел, «На переломе», включает рассказ о трех ученых. При характеристике их деятельности необходимо всякий раз добавлять приставку «поли-»: полиглот, поликультуролог, полимыслитель – и отнести все эти определения к каждому из них.

Во втором разделе, «Россия. XX век», статьи следуют по алфавиту (согласно фамилии ученого, о котором рассказывается).

В третью часть, «Недавнее зарубежье», помещены статьи об ученых тех государств, которые стали суверенными (Белоруссия, Украина, Грузия), но еще недавно входили в состав единого с Россией государства – СССР.

Основная цель сборника – сделать более понятной личность ученого и преподавателя. Авторы были свободны в выборе формы и объема своих очерков.

Другая цель – познакомить читателей также и с авторами очерков. Поэтому он назван «Двойной портрет».

И третья – показать географию изучения классической филологии в России – СССР – России: от Томска до Львова, от Санкт-Петербурга (Ленинграда) до Тбилиси.

В данный сборник вошли очерки, которыми располагал составитель: доклады, прочитанные на заседаниях методических объединений при кафедре классической филологии МГУ им. М.В.Ломоносова, или доступные публикации. Это позволило быстро сформировать сборник, иначе выпуск подобной работы отодвинулся бы на неопределенное время. А кто знает, что оно принесет?..

М.Н.Славятинская

РАЗДЕЛ I. НА ПЕРЕЛОМЕ

АПОЛЛОН АПОЛЛОНОВИЧ ГРУШКА

Аполлон Аполлонович Грушкá (12 (25) января 1870 – 20 сентября 1929) – филолог-классик, специалист в области исторической грамматики латинского языка, этимологии, римской поэзии.

В 1891 г. окончил с золотой медалью историко-филологический факультет Московского университета, проявив уже в студенческие годы незаурядные способности к научной деятельности. Одним из его учителей в университете был Федор Евгеньевич Корш.

С 1898 г. А.А.Грушка работал в Московском университете и защитил здесь две диссертации, посвященные анализу латинского словообразования: в 1900 г. – «Исследования из области латинского словообразования» и в 1906 – «Этюды по латинскому именному словообразованию». В 1907 г. он стал профессором, а затем (в 1909) деканом историко-филологического факультета. С 1928 А.А.Грушкá – член-корреспондент Академии наук СССР.

Основные труды А.А.Грушка (кроме опубликованных диссертаций): «Спорные вопросы в области латинского языкознания» (1909) и перевод книги М.Нидермана «Историческая фонетика латинского языка» (1910).

После смерти Ф.Е.Корша А.А.Грушка написал в память о своем учителе большую статью-некролог, содержащую подробный и глубокий анализ научной деятельности Ф.Е.Корша и одновременно рассказ о личности великого ученого. Эта статья (в некотором сокращении) публикуется ниже.

ФЕДОР ЕВГЕНЬЕВИЧ КОРШ

Федор Евгеньевич Корш (22 апреля (4 мая) 1843, Москва – 16 февраля (1 марта) 1915, Москва) – филолог-классик, славист, востоковед, стиховед, поэт-переводчик.

Окончил в 1864 г. историко-филологический факультет Московского университета, в 1868 защитил магистерскую диссертацию, в 1877 г. – докторскую диссертацию на тему «Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса». Профессор Московского университета, Новороссийского университета. С 1895 – член-корреспондент, и с 1900 – академик Петербургской Академии наук.

Список работ Ф.Е.Корша включает 207 наименований. Упомянем следующие: «Мысли о происхождении новогреческого языка» (1896); «Римская элегия и романтизм» (1899); «Введение в науку о славянском стихосложении» (1906).

Федор Евгеньевич Корш родился в Москве 22 апреля 1843 г. и скончался там же 16 февраля 1915 г. в преклонном возрасте почти 72 лет. Уже с раннего детства будущий славный русский ученый был окружен высококультурной средой наиболее ярких представителей эпохи 40-х годов прошлого столетия, к которым принадлежал его отец Евгений Федорович, близкий друг Герцена и Грановского, видный и энергичный литератор, человек редкой даже по тому времени широты образования, притом обладающий тонким и острым умом и обаятельными свойствами характера, перешедшими по наследству и к его знаменитому сыну. Из автобиографии Федора Евгеньевича, а также из его интересных воспоминаний о Т.Н.Грановском, мы узнаем о той полной ума, образованности, остроумия и истинного гуманизма атмосфере, которая царила в доме его отца. Мы узнаем также и имена тех приснопамятных для истории русской культуры лиц, которые вместе с Евгением Федоровичем создавали эту атмосферу: Герцен, Грановский, Огарев, В.П.Боткин, Кетчер, Белинский, а по переселении Евгения Федоровича в Петроград (тогдашний Санкт-Петербург) – И.А.Гончаров, К.Д.Кавелин, П.Г.Редкин, братья Милютины и многие другие – таковы были люди, давшие первые впечатления с раннего детства высокоодаренному и необычайно восприимчивому Федору Евгеньевичу.

В 1854 г., когда Федору Евгеньевичу было 11 лет, по совету Грановского, он был отдан своим отцом, в то время жившим в Петербурге, в Московский частный пансион Р.И.Циммермана, отличавшийся, с одной стороны, большой гибкостью программ, а с другой – прекрасной постановкой преподавания языков – русского, французского, немецкого, английского, латинского и греческого. В 1860 г., 17-летним юношей, Федор Евгеньевич поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, причем латинская работа, которую он должен был по тогдашним правилам написать при этом поступлении, была признана экзаменатором, известным в то время латинистом Смирновым, свободной от каких-либо ошибок.

О том, как превосходно владел 16–17-летний Федор Евгеньевич латинским языком, свидетельствует, между прочим, ряд юношеских его тетрадок, найденных при разборе его архива. Среди этих тетрадок одна – под заглавием *Ephemeris* – представляет собой дневник на латинском языке, начинающийся с записи 26 ноября 1860 г., когда 17-летний Федор Евгеньевич только что превратился в студента Московского университета. Дневник этот снабжен несколькими эпиграфами на разных языках, в том числе одним латинским – собственного сочинения:

Iam fortasse senex canus librum hunc videbo
Atque legens risu concutiar tremulo.

Стиль изложения в дневнике (непринужденное, в духе романа Петрония, содержание) – мимолетные наброски из ежедневной интимной жизни жизнерадостного, живого, впечатлительного, остроумного, уже тогда проявлявшего ясные проблески гениальности, юноши.

...Мы видим, как он заносит в свои тогдашние тетрадки тонкие метрические наблюдения над явлениями *synizesis*, *diaeresis*, элизии, зияния, синкопы и т. п., останавливается на различных просодических вопросах, отмечает архаизмы в языке поэтов, делает самые разнообразные грамматические заметки, обнаруживая при этом поразительную начитанность в греческих и латинских текстах и напряженную, острую наблюдательность. Он делал выписки из Гомера, Гесиода, Феогнида, Гиппонакта, Коринны, Софокла, Еврипида, Плавта, Энния, Теренция, Луцилия, Лукреция, Катутла, Вергилия, Горация и Овидия. В тетрадке 1862 г. (под заглавием *Notae philologicae*), наряду с различными наблюдениями над обоими классическими языками, мы уже находим ссылки на языки романские, польский, персидский, татский, курдский и др.; тетрадка 1863 г. озаглавлена *Radices semiticae*, и в ней мы сталкиваемся с некоторыми, по видимому, самостоятельными лингвистическими сближениями и комбинациями. Тетрадка 1864 г. (*Cantilenaes populares*) заполнена записями (иногда даже с нотами) малоросских, сербских, новогреческих, итальянских, а также польской, чешской, перуанской и других народных песен.

В 1864 г. Федор Евгеньевич окончил курс историко-филологического факультета со званием кандидата и по представлению П.М.Леонтьева был оставлен при Московском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре римской словесности. Первые шаги преподавательской деятельности Федора Евгеньевича связаны были с пансионом Циммермана, где он в течение всего нескольких месяцев преподавал латинский язык, и с Александровским военным училищем, куда (опять по рекомендации П.М.Леонтьева) он был приглашен в качестве преподавателя французского языка. Вместе с тем, непосредственно по окончании университетского курса Федору Евгеньевичу, при содействии того же Леонтьева, было поручено преподавание студентам греческого языка. По сдаче в 1867 г. устного магистерского экзамена (причем ответы давались по тогдашнему хорошему обычаю на латинском языке) Федор Евгеньевич в следующем году успешно защитил (на том же языке) магистерскую диссертацию *De versu Saturnio*, после чего был избран доцентом по кафедре греческой словесности и командирован за границу на 2 года.

Активная академическая деятельность Ф.Е.Корша в Московском университете началась с осени 1870 г., после его возвращения из загра-

ничной командировки, и тянулась вплоть до 1900 г., когда, избранный ординарным академиком Императорской Академии наук, он покинул университетское преподавание. Кроме того, следует прибавить, что московская профессорская деятельность его прервалась на два года (1890 – 1892), в течение которых он состоял профессором Новороссийского университета.

Университетские курсы Федора Евгеньевича были посвящены главным образом интерпретации греческих и римских литературных произведений – «Илиады» Гомера, Пиндара и других греческих лириков, Фукидида, Лисия, Плавта, Теренция, Лукреция, Цицерона, Катутла, Горация, Проперция, Овидия, Стация, причем этот список ясно показывает значительное преобладание текстов поэтических над прозаическими. Кроме того, Федор Евгеньевич излагал теорию греческих и римских метрических форм, а также читал курсы по среднегреческому языку и вел семинары по различным греческим и римским писателям.

Главное, что поражало и импонировало в этих лекциях, это – удивительное владение предметом (так, например, все цитаты приводились на память), умение, отбросив ненужные мелочи (в особенности по критике текста), сосредоточить внимание слушателей на существенном, широкий всемирно-исторический фон, на который проецировались отдельные объяснительные замечания. Что касается этих последних, то можно сказать, что Федор Евгеньевич своими лекциями создавал истинно филологическую школу тонкой, точной и реалистической экзегезы, чуждой всего фантастического, вычурного, надуманного, чем так часто грешат многие, даже хорошие филологи. Помимо этого, в своих курсах Федор Евгеньевич сообщал своим слушателям обильные сведения по научному освещению греческого и латинского языков, с большой тонкостью (например, при чтении Плавта и Теренция) раскрывал психологию и характерные особенности разговорного латинского языка, нередко привлекая при этом данные из романских языков (которые он превосходно знал) и тем прививал своей аудитории (пользуясь его остроумным выражением) «понимание той простой истины, что древние языки – тоже языки».

Празднование 30-летия ученой и профессорской деятельности Федора Евгеньевича (в 1896 г.) было ознаменовано избранием его в почетные члены четырех русских университетов: Петроградского, св. Владимира, Харьковского и Новороссийского, к которым в 1902 г. присоединился и его родной Московский университет, наградивший его в день юбилея дипломом доктора сравнительного языкознания *honoris causa*. В ответ на это избрание Федор Евгеньевич обратился к Совету Московского университета со следующим трогательным письмом, лишней раз подтвердившем его «преданность родному университету», отмеченную в тексте преподнесенного ему диплома: «Хотя будучи последовательно

избран в почетные члены университетов Харьковского, Новороссийского, св. Владимира и С.-Петербургского, я при каждом таком избрании, помимо глубокой признательности, неизменно испытывал отрадное чувство посильно исполненного долга перед наукой и перед отечеством, тем не менее ни один из этих знаков отличия, почетнейшего из всех для человека, посвятившего лучшую и, быть может, большую часть своей жизни преподаванию с университетской кафедры, не производил на меня такого сильного и радостного впечатления, как признание моих скромных заслуг Советом Московского университета, снова приобщающее меня, хотя бы только по названию, к тому учреждению, с которым я соединен нерасторжимыми духовными узами. Самое мое детство проникнуто воспоминаниями о старейшем и славнейшем русском университете времен Грановского, Кудрявцева, Гофмана, Крылова, Кавелина, Редкина, Варваринского, Филомофитского, которых я знал лично или, по крайней мере, видел у своего отца в качестве его друзей и знакомых. Отчасти к тем же, отчасти к следующим годам, но еще задолго до моего поступления в университет, относится мое знакомство с Бабстом, Леонтьевым, Погодиным, Ешевским, Соловьевым, Поповым, Шестаковым, Фелькелем, Мюльгаузенем, Чичериным, Дмитриевым, Анке. С тех пор, как я помню себя, я слышал чуть ли не ежедневно имена Крюкова, Шевырева, Бодянского, Морошкина, Орнатского, Рулье, Первозчикова, Иноземцева, слышал и выражения «совет», «факультет», «ректор», «декан» – названия тогда для меня таинственные, но поражающие, может быть, именно своей таинственностью мою детскую фантазию и возбуждавшие во мне какое-то безотчетное благоговение к неведомым предметам, обозначаемым этими загадочными словами. Во все время моего школьного учения мысль о Московском университете была для меня путеводной звездой, которая неослабно поддерживала во мне бодрость духа и мощно окрыляла меня к труду не расчетом на какие-нибудь земные блага, – о них ни я, ни мои товарищи не помышляли, – а мечтою о свободных занятиях настоящей наукой, во всем ее объеме, под руководством истинных ее служителей – профессоров, подобных тем, которых я знал. В стены Московского университета я вступил, как в храм, и первые лекции, которые мне пришлось услышать, казались мне не речью таких же людей, как я, только более умных и ученых, а вдохновенным глаголом неких высших существ, вещающих никому не ведомые и всецело ими добытые истины. Само собой разумеется, что все обесценивающая и опошляющая привычка и смущающий более или менее всех людей бес отрицания мало-помалу умили мои почти безразличные восторги перед всем университетским, но искреннее благоговение и глубокая привязанность к Московскому университету, как к учреждению, к воплощенной идее, к хранилищу возвышенных и благородных преда-

ний, не вымирающих в нем даже в самые тяжкие годы его существования и всегда готовых ожить и вновь проявиться в полном блеске, – эти чувства целы и свежи в моей душе до сих пор и покинут ее только вместе с сознанием. А сознание непрестанно твердит мне, что по своему духовному складу, стремлениям, идеалам, понятиям я – дитя Московского университета, по своему 40-летнему участию в его жизни, в течение которого успели смениться три устава, я – звено в его истории. Отсюда понятно то сильное и отрадное впечатление, которое произвел на меня мой выбор в почетные члены учреждения, воспитавшего меня умственно и нравственно, понятна и та глубокая, сердечная благодарность, которую этими строками я старался выразить воссоединившему меня с дорогим прошлым Совету Московского университета в целом его составе, господину ректору, его помощнику, деканам и каждому члену Совета в отдельности» (5 марта 1903 г.)...

Ф.Е.Корш состоял почетным членом Константинопольского археологического института, Московского археологического общества, Московского Румянцевского музея, членом Копенгагенского филологического общества, Угро-финского общества в Гельсингфорсе и других ученых обществ.

В чем же заключается значение Федора Евгеньевича?

Как ни велики заслуги его как преподавателя-профессора, тем не менее лекции, читанные им в тех или других высших учебных заведениях, а иногда (впрочем, очень редко) и публично, далеко не в полной мере могут характеризовать истинный облик этого ученого и настоящие размеры его несравненных дарований. Крайне впечатлительный ум, чрезвычайная искренность и деликатность характера и полное отсутствие стремления, а следовательно, и умения насиловать чужую волю были причиной того, что безмолвная и, вдобавок (вследствие плохого его зрения), невидимая аудитория не только не поднимала, но до известной степени пригнетала его настроение, и настоящее мастерство Федора Евгеньевича как учителя, обнаруживалось в гораздо большей степени в обстановке интимной научной беседы, которая давала ему возможность в каждый данный момент учитывать то, как реагируют на его слова слушатель или слушатели. В таких беседах Федор Евгеньевич был в полном смысле слова неподражаем, и тут более, чем где-либо, раскрывался бесконечно богатый синтез его свойств и дарований. Мощный, острый, пронизательный, живой, по-женски впечатлительный и вместе с тем непогрешимо точный и всегда стремящийся к обобщениям ум; изумительная способность к быстрым ассоциациям, соединенная с большой трезвостью суждения; одинаковая восприимчивость к самым разнообразным объектам мысли, начиная с осязательно-реальных и кончая мистическими; ослепительное и неистощимое остроумие; феноменальная память и, как след-

ствии, необозримые по количеству и удивительные по качеству теоретические и практические знания; блестящее умение формулировать свои всегда оригинальные и свежие мысли в ясной, меткой и незабываемо яркой речи, а с другой стороны – полная простота тона и глубоко гуманное участие ко всем запросам и интересам собеседника – все это придавало научным беседам Федора Евгеньевича такую степень обаяния, о которой может иметь представление лишь тот, кому выпало на долю счастье быть участником этих бесед. Вместе с этим они были могучим научным фактором, и не подлежит сомнению, что некоторые из этих теорий, выдвинутых современными ему и родственными по направлению своих научных интересов русскими учеными, в известной степени обязаны своим возникновением этим творческим, поистине гениальным беседам.

Особенной, я бы сказал – неподражаемой, виртуозностью отличаются стихотворения Федора Евгеньевича, частью оригинальные, в большинстве же случаев – переводные, на древнегреческом и латинском языках, значительная часть которых (104) напечатана в сборнике, а некоторые – в «Филологическом Обозрении». Эти стихотворения являются истинным венцом глубокого постижения античности, которое доступно в такой мере лишь исключительно одаренным филологам. При этом надо иметь в виду, что как латинская, так и греческая стихотворная речь давалась Федору Евгеньевичу с поразительной легкостью. Все эти античные по форме и языку стихотворения, в которых даже самый пристальный анализ не в состоянии раскрыть хотя бы единую черту, чуждую античной технике, отнюдь не были кропотливой мозаикой, набранной по кусочкам из греко-римских стихотворных текстов, но являлись продуктом органического творчества, основанного на изумительной способности Федора Евгеньевича к перевоплощениям. К такому выводу, помимо непосредственного впечатления при восприятии этих удивительных стихов, приводит и более тщательное рассмотрение сохранившихся от некоторых «античных» стихотворений Федора Евгеньевича черновых набросков, которые заключают в себе иногда немало поправок, но все эти поправки имеют характер не филологических манипуляций ученого, в поте лица своего борющегося с чуждым ему языком, а свободных художественных вариантов, обычных у всех оригинальных поэтов, стремящихся возможно лучше воплотить в слове свои творческие замыслы. В оставшемся после Федора Евгеньевича рукописном материале находится довольно много таких греческих и латинских стихотворений, которые не были опубликованы. Приведу пример одной из наиболее ранних его латинских эпиграмм, относящейся к 1867 г.:

Cum dicis stolidos suam videre,
Thai, stultitiam, negare nolo!

Sed si res ita uti putas se haberet,
Non esses, bona Thai, tam disertā.

Следует отметить, что следом она была переведена на греческий...

Он был прежде всего человек – живой, полный многостороннего гуманизма, страшно умный, необычайно даровитый, безбрежно ученый и совершенно простой, простой в такой степени, в какой бывают длинные рыцари духа, каковым и был Федор Евгеньевич, как моральный тип. Отсюда проистекали, с одной стороны, хорошо подмеченная Г.Э.Зенгером *παρρησία* Федора Евгеньевича, а с другой – в силу Бюффона *le style est l'homme même* – необыкновенная простота и ясность той словесной формы, которой он пользовался одинаково как при устном, так и при письменном изложении своих мыслей. Впрочем, в данном случае, помимо свойств характера, играло роль, несомненно, и то обстоятельство, которое выражено в правильном наблюдении Квинтилиана *plerumque accidit, ut faciliora sint ad intellegendum et lucidiora multo, quae a doctissimo quoque dicuntur*.

При всем разнообразии своих научных интересов Федор Евгеньевич был, конечно, прежде всего филологом-лингвистом, и в этой области во многих отношениях он не имеет себе равных не только в русской, но и в западноевропейской науке. Хотя в некоторых отделах языковедения и даже в общей лингвистике нетрудно найти ученых, оставивших более осязательный след или своими вытянутыми в определенную систему научными трудами или всей совокупностью своей учено-преподавательской деятельности (таков, например, современник и друг Федора Евгеньевича, замечательный русский языковед Ф.Ф.Фортунатов), тем не менее, едва ли можно назвать хоть одного лингвиста, который обладал бы таким огромным захватом и вместе с тем столь углубленной и отчетливой филологической эрудицией, такой, как выражались римляне, *elegantia doctrinae*, таким разносторонне чутким и живым отношением к многообразным явлениям языка, такой исчерпывающей наличностью всех мыслимых точек зрения на эти явления, – начиная с фонетико-физиологической и кончая художественно-литературной. По колоссальной широте научного размаха, по виртуозности обладания материалом (не только в количественном, но и в качественном смысле), по жизненности отношения к этому материалу, по тонкой восприимчивости к столь часто забываемой языковедами эстетической стороне языка Федору Евгеньевичу принадлежит, бесспорно, первое место среди всех русских (да и одних ли русских?) лингвистов. И если Лев Толстой, по меткому определению Д.К.Мережковского, был великим тайновидцем плоти, а Достоевский – таким же тайновидцем духа, то Корша мы назовем великим, несравненным тайновидцем слова.

ИСАЙ МИХАЙЛОВИЧ НАХОВ

Исай Михайлович Нахов (21 января 1920, Херсон – 26 января 2006, Москва) –филолог-классик.

Научные интересы доктора филологических наук профессора И.М.Нахова были сосредоточены в области поздней античной литературы и кинической философии. В последние 10-летия жизни он не ограничивался поздней античностью,

но касался самых различных проблем классической филологии, таких как гомероведение, рецепция античности в русской литературе.

В 1937 г. поступил в Институт философии, литературы и истории. После войны окончил аспирантуру при кафедре классической филологии МГУ им. М.В.Ломоносова. В 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мировоззрение Лукиана Самосатского (Лукиан и киники)», в 1972 г. – защитил докторскую диссертацию на тему «Литература и философия кинизма».

Исай Михайлович был членом Международной академии содействия латинской образованности (Рим) и Винкельмановского общества (Германия), а с 1981 по 1991 годы состоял членом редколлегии издаваемого в Берлине журнала «Philologus».

Он был и незаурядным поэтом, автором разнообразных эссе и художественной прозы (например, историко-философского повествования «Синопский изгнанник»). В последние годы жизни он задумал большой коллективный труд – словарь-справочник «Пантеон филологов-классиков России» (условное название) и успел познакомить коллег с творчеством И.Ф.Анненского, Ф.Ф.Зелинского, И.В.Цветаева, А.И.Пиотровского и других античников.

И.М.Наховым опубликован целый ряд научных статей, а также книги «Киническая литература» (1981), «Философия киников» (1982), «Антология кинизма» (1984), «Лукиан. Собрание диалогов» (1991).

Ниже публикуется эссе И.М.Нахова о Фаддее Францевиче Зелинском.

ФАДДЕЙ ФРАНЦЕВИЧ ЗЕЛИНСКИЙ

Фаддей Францевич Зелинский (14 (27) апреля 1859, около Киева – 8 мая 1944, Шондорф-ам-Аммерзее, Бавария) – филолог-классик, антиковед. Учился в русской филологической семинарии при Лейпцигском университете. В 1880 г. получил степень доктора философии. Занимался исследованием древнегреческой комедии, которой посвящены его работы на русском, немецком и латинском языках. Также занимался творчеством Цицерона, гомеровским вопросом, историей религий, психологией языка и сравнительной историей литературы.

Наиболее значительные работы: «О синтагмах в древнегреческой комедии» (1883); «Die Gliederung der altattischen Komödie» (1885); издания «Царя Эдипа», «Аякса» Софокла с русскими примечаниями; издание переводов речей Цицерона; «Закон о хронологической несовместимости и композиция «Илиады» (1897); «Рим и его религия» (1903); ряд введений к переводам произведений Шиллера, Шекспира и Байрона.

ФАДДЕЙ (ТАДЕУШ) ЗЕЛИНСКИЙ – УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ

Мне хотелось бы познакомить читателей еще с одной яркой и, возможно, самой примечательной фигурой в истории российской классической древности конца прошлого и первой половины нынешнего века, знатоком и страстным пропагандистом античного наследия – Фаддеем Францевичем Зелинским. Это был человек, соединивший в себе талант самобытного, буквально фонтанирующего новаторскими идеями ученого-эрудита и блестящего писателя-публициста, увлеченного и увлекающего, посвятившего себя исследованию культуры Греции и Рима во всем многообразии ее духовных и материальных проявлений – от мифологии и религии, литературы и философии до политики и «мелочей» быта. Этот, как он сам себя характеризовал, «ученый, учитель и писатель» пролагал новые пути нашей старой науки.

Поразительна его напряженная и плодотворная деятельность по пробуждению живого интереса к далекой античности в смутные предрево-

люционные и революционные годы, когда Россию, казалось, целиком поглощали самые обыденные, житейские заботы, социальные и нравственные конфликты, не находившие разрешения. Тут уж было не до «общечеловеческих ценностей», а Зелинский, невзирая ни на что, своими учеными докладами и публичными лекциями, многочисленными книгами и статьями, вопреки смятению умов, призывал к возрождению былых идеалов и переустройству мира на принципах красоты, добра и истины, отмечая варварскую теорию тотального разрушения, пренебрегавшую успехами человеческого разума и таланта там, где он проявил себя так ослепительно, – на благодатной почве древней Эллады. Эта деятельность упорно продолжалась даже в начале 20-х гг., когда в России свирепствовала гражданская война и пролетариат, солдаты и обнищавшие мужики, опьяненные безнаказанностью, подстрекаемые революционными вождями, крушили «дворянские гнезда», громили дворцы и гадили в храмах, садистски уничтожали памятники архитектуры и искусства, сотворенные народом за сотни лет своей истории.

Для Ф.Зелинского особенной притягательностью обладали те стороны античной жизни, которые были созвучны его собственному времени, звали к «возрождению» и созиданию. «С тех самых пор, – говорил ученый, – как мои занятия античным миром приняли сознательный и самостоятельный характер, он был для меня не тихим и отвлекающим от современной жизни музеем, а живой частью новейшей культуры; я видел преимущественное значение античности в том, что она была родоначальницей тех идей, которыми мы и ныне живем». По выразительному признанию Фаддея Францевича, он всегда изучал античность «с наклоном к современности». Древняя история под талантливым пером ученого и писателя становилась и в самом деле «наставницей жизни», как утверждал Цицерон. Она призывала людей довериться разумным законам природы и опыту прошлых поколений, а не устраивать кровавые эксперименты над судьбами живых, ибо, как утверждал Зелинский, в классическом мире «впервые предстала перед человечеством... упоительная троица – радость, красота и любовь, как высшая ценность жизни...». Подобные слова в эпоху революционного переворота звучали вызывающе, ибо звали к согласию и дружбе. А не к классовой ненависти.

Фаддей (Тадеуш) Зелинский, поляк по национальности, родился на Украине, в селе близ Киева, в 1859 г. После окончания немецкой гимназии св. Анны в Петербурге он был отправлен для получения высшего филологического образования в Германию, где успешно окончил отделение классической филологии Лейпцигского университета (в 1880 г.). Годы учения в Германии и Австрии (Лейпциг, Мюнхен, Вена) помогли усовершенствовать знание немецкого языка, на котором он писал так же легко и охотно, как по-русски. Значительно расширило горизонты молодого ученого

его почти двухлетнее пребывание в Греции и Италии, этой Мекке античников. Свою первую степень, доктора философии, он получил за диссертацию на немецком языке «Последние годы Второй Пунической войны» (1880). Но главные интересы Зелинского с первых же шагов связаны с эллинизмом и, в частности, с историей и теорией аттической комедии. В Петербурге была защищена магистерская диссертация «О синтагмах в древнегреческой комедии» (1883), в Лейпциге – «Членение древнеаттической комедии», написанная по-немецки (1885). К ним примыкают и другие работы этого круга – «Комедии-сказки в Афинах» (1885) и «Вопросы искусства комедии» (1887). Следует заметить, что задолго до повального увлечения структурализмом Зелинский занимался вопросами структуры, композиции и техники организации текста любимейшего жанра.

В 1886 г. Ф.Ф.Зелинский стал профессором Санкт-Петербургского университета, где преподавал до 1921 г., т. е. до обретения Польшей независимости. В связи с этим историческим событием он переселился на родину предков и занял должность профессора Варшавского университета. Еще в России за научные заслуги он был избран членом-корреспондентом Академии наук, затем членом Польской и других иностранных академий, а также почетным профессором ряда западноевропейских университетов. Его имя было окружено почетом и признанием коллег и любовью учеников, среди которых немало русских ученых, прославивших мировую науку об античности – М.Ростовцев, Б.Тураев, Б.Богаевский, С.Жебелев, И.Толстой, Б.Варнеке и другие. К 25-летию научно-педагогической деятельности своего учителя они издали в Санкт-Петербурге в 1909 г. список его трудов, насчитывавший 312 названий.

В 1930 г. ученый мир отмечал 50-летие защиты проф. Ф.Зелинским его первой диссертации. В Варшаву съехались знаменитости из многих стран; те же, кто не смог приехать, прислали свои поздравления по почте. Среди последних был всемирно известный русский историк античности, эмигрировавший в США, Михаил Ростовцев, завершивший свое послание такими словами: «Моему вечно юному учителю от старого ученика».

Последние страницы жизни ученого трагичны. Начало Второй мировой войны принесло народам земли много смертей и горя, и не в последнюю очередь полякам, принявшим на себя в 1939 г. первый удар фашистов. Во время осады Варшавы сгорел дом, где жил и работал старый профессор, погибла его библиотека. Под варварскими бомбежками столица Польши превратилась в каменные руины. Больной и беспомощный ученый не мог понять, что происходит: немцы, высоколобые интеллектуалы, сентиментальные поклонники Гете, Вагнера и Ницше, кичившиеся своей культурой, огнем и мечом стирали с лица земли европейскую цивилизацию. Ему, учившемуся у лучших профессоров Германии, все происходя-

щее представлялось непостижимым, абсурдным. Древность была ему понятнее, чем действительность.

Старший сын Зелинского, издавна живший в Баварии, с разрешения гитлеровских властей перевез отца в небольшой поселок под Мюнхеном. Старик писал письма на родину, свидетельствующие о том, что он совсем не ориентировался в событиях текущего времени. Так, например, своих варшавских друзей спрашивал о культурной жизни в столице, об университете, театрах и музеях, а город лежал в развалинах, многие из друзей уже ничего не могли ответить – они были убиты или замучены в гетто. Придя немного в себя, Зелинский сел за письменный стол и до самой кончины работал над завершением своей монументальной «Истории античных религий», торопясь подготовить к печати два последних тома, хотя университетского издательства уже давно не существовало. Последнюю страницу дрожащей рукой ученый гордо подписал: «Т.Зелинский, профессор Варшавского университета».

...Годы работы Зелинского в России были самыми плодотворными – здесь он сделал более, чем кто-либо другой в области исследования и пропаганды идейного и эстетического богатства античной культуры, для разъяснения ее роли в нашей умственной жизни и аргументации необходимости гуманитарного классического образования в современном обществе. Этому вопросу он посвятил ряд содержательных статей: «Да здравствует университет!» («Vivat universitas!»), «Классическая школа и демократия», «Наука утилитарная и бескорыстная», «Классическое образование в Древней Греции». Ко многим его идеям мы приходим только сегодня.

Сфера научных интересов Фаддея Зелинского отличалась исключительной пестротой и многогранностью. Это была не разбросанность дилетанта, а целеустремленная жажда высокого профессионала познать явление в деталях и целостности, как это делал, например, Вилаговиц. Занимаясь гомеровским эпосом, Зелинский внес свой вклад в сложнейший и многократно обследованный (и, кстати, вечно актуальный) «гомеровский вопрос», открыв «закон хронической несовместимости», получивший признание специалистов. По этому закону, выведенному из особенностей архаической эпохи, величайший из народных мировых поэтов воспроизводил события одновременные как последовательные («Старые и новые пути в гомеровском вопросе», 1900).

Зелинский умел находить во всем, к чему прикасался, свое, не замеченное другими. Ранние изыскания в области комического творчества греческих драматургов дополнились свежими наблюдениями над трагедией, завершившиеся в 1925 г. предложением нового метода реконструкции утраченных пьес Эсхила, Софокла и Еврипида, основанного на выявлении рудиментарных сюжетных мотивов в сохранившихся трагедиях. Прекрасные отзывы получили русские переводы Софокла и Еврипи-

да, сделанные замечательным поэтом Иннокентием Анненским под редакцией Зелинского, с его глубокими вступительными статьями и обширными комментариями. Зелинский и сам переводил трагедии Софокла «размером подлинника», опубликовал монографию о его творчестве. Он был не только великим ученым, но и великим популяризатором, всегда проповедуя то, во что верил и что любил, – глубоко свое, выверенное, – и не говорил с чужого голоса.

Зелинский жадно интересовался всем, что имело отношение к античности, знакомился сам и знакомил других с последним словом классической науки, с новейшими открытиями археологов и новонайденными в песках Египта папирусами – рукописями «воскресших» древнегреческих авторов – Вакхилида, Менандра, Аристотеля, Геродота – и публиковал рецензии на новые труды коллег.

Как ученый-классик, Зелинский не мог ограничиться одной лишь эллинской тематикой. В римской литературе он видел отблеск греческого гения и не обходил ее своим вниманием. Переводил и толковал Овидия, Горация и особенно Цицерона, над «конструктивным», ритмическим построением речей которого им были сделаны фундаментальные наблюдения, включая открытие закона клаузул. Всеобщую известность и признание получила его большая монография «Цицерон в беге столетий» («Cicero im Wandel der Jahrhunderte»), написанная по-немецки, переведенная на многие языки и неоднократно переизданная.

Широкую известность получили также краткие, почти конспективные книги Зелинского обобщающего характера – по истории древнегреческой литературы, религии и культуры, – ставшие в буквальном смысле учебниками для гимназий и университетов, как и для всей читающей публики. Все они отмечены авторской позицией. Отличаются оригинальностью взгляды ученого на характер древнегреческой религии, которая, как он полагал, была не понята христианами, ибо растворялась в общеизвестной, эстетически совершенной антропоморфной мифологии. Только благодаря достижениям классической филологии стало возможным оценить по достоинству религиозные воззрения древних в эпоху расцвета. Нельзя, пренебрегая историзмом, противопоставлять эллинское язычество христианству. В своей глубинной сущности античная религия родственна христианству и вошла в него. «Античная религия, – утверждал Зелинский, – преодолевая конфессиональную косность ортодоксов, – настоящий Ветхий завет нашего христианства». Христианская религия – вера и мировоззрение человеколюбивых и терпимых людей, чуждых ненависти, – унаследовала лучшие черты духовного облика древних эллинов.

Независимостью суждений отличается и другая насыщенная мыслями и информацией небольшая книга Ф.Ф.Зелинского «История античной культуры» (1915), где автор, не отвергая расхожего и удобного взгляда на

культуру как на «совокупность условий окружающего быта», т. е. материальных, социальных и духовных ценностей, считает необходимым делать основной упор (не без влияния выдающегося немецкого философа и психолога Вильгельма Вундта) на главное, что, по его мнению, объединяет всю гуманитарную сферу, присущую только человеку, – на индивидуальную и коллективную психологию народов. Движущая сила истории культуры – не только жажда материального благосостояния, но и стремление к идеалам красоты, истины и добра, постигаемым как коллективной человеческой душой (религия, язык, нравы), так и индивидуальной (науки и искусства). Все указанные области человеческой деятельности регулируются одной стихией – нравственным сознанием. Можно по-разному относиться к изложенной концепции идеологизма или психологизма, но именно она способна объяснить и культивировать в человеке человеческое, пробуждать совесть, призывать к индивидуальному творчеству и внушать чувство ответственности за него.

Зелинский не замыкался в эзотерическом кругу ученых-классиков. Он не только сам понимал, но и других старался убедить, что без знания античного наследия нельзя не понять ни русской, ни мировой культуры вообще, нельзя даже мечтать о возрождении духовности. Отсюда его активное участие в публикации мировой классики – собраний сочинений Шекспира, Шиллера, Байрона, – где во вступительных очерках он всесторонне анализировал влияние классической древности на каждого из них. Привлекают внимание статьи Зелинского о мотиве разлуки у Овидия, Шекспира и Пушкина, о переводах Иннокентия Анненского и об античности в связи с творчеством Ницше и Иммермана.

Центральной своей задачей Зелинский считал выявление контактов и воздействия античности на современность. Он стремился показать, насколько духовно близки они друг другу. Отсюда его настойчивая и последовательная пропаганда классического образования в России. В этом контексте понятно его творчество для детей – книги, где в художественной форме рассказывались древнегреческие мифы и легенды («Иресиона», «Античный мир»).

В Ф.Зелинском ключом была творческая энергия. В нем не было брезгливой спеси академического ученого, затворника книжных цитаделей, пишущего для немногих на «птичьем воляпюке». Он охотно обращался к самым широким читательским слоям. В нем всегда искала выход писательская и даже, можно сказать, журналистская жилка. Начиная с 90-х гг. прошлого века, он печатался в самых популярных журналах и газетах своего времени, выходящих на русском и немецком языках. Это – «Вестник Европы», «Мир Божий», «Северный курьер», «Перевал», «Современный мир», «Русская мысль», «Православное русское слово», «Школа и жизнь», «Журнал Министерства народного просвещения», «Гермес»,

«Франкфуртер цайтунг», «Филологус», «Берлинский филологический еженедельник» и др. Многие статьи из этих изданий были им собраны, дополнены новыми данными и появились в его известном четырехтомном труде «Древний мир и мы», выдержавшем три русских и три немецких издания, переведенном на французский, английский, итальянский и чешский языки.

В этой знаменитой книге по-своему раскрываются особенности античности, ее психологический и нравственный тип, ставящий в центр мироздания человеческую личность как «меру всех вещей», близкий к современным представлениям. Вопреки давно бытующему мнению о приоритете полисного коллективизма в эпоху расцвета Древней Греции Зелинский утверждал: «Античность и индивидуализм – понятия родственные». Такой подход помогает понять суть всемирно-исторической роли античного наследия и разобраться как в прошлом, так и в настоящем.

В годы безраздельного идеологического господства марксизма-ленинизма мы, в отличие от профессора Зелинского, не желавшего замечать ни этого «всепобеждающего» учения, ни иррациональных революционных бурь, вслед за Винкельманном и Марксом зачарованно и горделиво повторяли, что «античность – это «норма и образец», которые следует копировать или творчески подражать им. Герой моего очерка, углубляя эту концепцию, выдвигает новую формулу: античность «не норма, а семья». Идеалом, эталоном, нормой все завершается, античность же – не конец, а начало – брошенное некогда греками в плодородную почву семья, которое следует возвращать и лелеять, чтобы оно давало свежее и крепкие всходы, сулящие возрождение. Зелинский, таким образом, разрывает, размыкает рамки античного мира и поворачивает его к будущему. На свой манер он утверждал идею единства человечества, проповедуемую фанатиком античности, мыслителем и поэтом Вяч. Ивановым.

Однажды Зелинский воскликнул: «Мы любим человека, мысль которого, крепко коренясь в слоях прошлого, сильная почерпнутыми из него соками ... горделиво парит в чистом, голубом эфире... Ему наш привет – ему, всечеловеку!» Поляк, родившийся на Украине, живший, воспитывавшийся и созидавший в России, получивший образование в Германии, путешествовавший по Греции и Италии, учивший в Польше и сошедший в могилу в далекой германской земле, по сути дела, был европейцем, а, если выразиться точнее, – гражданином мира, «всечеловеком». Духовная родина профессора Ф.Ф.Зелинского – древняя и всегда юная Эллада, открытый университет цивилизованного мира.

АЗА АЛИБЕКОВНА ТАХО-ГОДИ

Аза Алибековна Тахо-Годи – филолог-классик, доктор филологических наук, заслуженный профессор.

Окончив в 1944 г. отделение русского языка и литературы Московского государственного педагогического института им. В.И.Ленина, Аза Алибековна поступила в этом же институте в аспирантуру по кафедре классической филологии.

Ее научным руководителем стал А.Ф.Лосев, ученицей, соратницей и спутницей жизни которого она стала впоследствии. В 1949 г. защитила кандидатскую диссертацию «Поэтические тропы Гомера и их социальный смысл», в 1959 – докторскую диссертацию «Рецепция античности в русской литературе». С 1962 по 1996 гг. Аза Алибековна заведовала кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Трудно перечислить те проблемы антиковедения, включая влияние античной культуры на русскую, которые бы не входили в круг научных интересов Азы Алибековны.

А.А.Тахо-Годи автор учебника «Античная литература», выдержавшего 4 издания в России и переведенного на несколько иностранных языков. Она автор монографий «Греческая мифология», «Платон и Аристотель», биографии А.Ф.Лосева, вышедшей в серии «ЖЗЛ». Библиографический указатель всех ее работ (от отдельных книг до многочисленных интервью), изданный к 85-летию со дня рождения (М., 2007), содержит (на тот год) 751 название.

Свой нелегкий и примечательный жизненный путь Аза Алибековна описала в книге «Жизнь и судьба. Воспоминания» (2009 г.), отрывки из которой публикуются ниже.

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ ЛОСЕВ

Алексей Федорович Лосев (10 (22) сентября 1893, Новочеркасск – 24 мая 1988, Москва) – философ и филолог, профессор, доктор филологических наук.

В 1915 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета по двум отделениям – философии и классической филологии.

Был профессором Нижегородского университета, Московской консерватории, действительным членом Государственной академии художественных наук, преподавал античную эстетику во 2-ом МГУ, Московском государственном педагогическом институте.

А.Ф.Лосев – автор переводов Аристотеля, Платона, Секста Эмпирика, Прокла и Николая Кузанского на русский язык. Основные труды: «История античной эстетики» в 8 томах, 11 книгах; «Античная мифология в ее историческом развитии»; монографии о Гомере и Владимире Соловьеве. Библиографический список работ А.Ф.Лосева включает около 900 наименований.

...Вот я и переступила через порог кабинета и села напротив человека в черной шапочке и шотландском пледе (осень сырая, промозглая). Руки крепко удерживают львиные головы черного кресла, и стук ноги нетерпеливый, совсем как на экзамене, но здесь, в этом мрачном, темном кабинете, в сто раз хуже экзамена. «Ну-с, приступим», – сказал профессор Лосев.

И началась моя новая жизнь. Началась она в доме разоренном, где собраны слабые признаки единого и целого прошлого бытия. Меня встречает полный хаос разбитых вещей, груды гниющей картошки в прихожей, где на стенах трогательный греческий орнамент – волна и меандр (это постарались ребята из бывшей Строгановки), что называется – подсластить жизнь. Недаром и в дальнейшем: как беда – так Валентина Михайловна¹ покупает что-нибудь сладкое, приятное, да и я так же стану поступать.

Куда ни глянешь – груды рукописей, на подоконниках, по углам; а в закоулках каких-то немислимых – о, ужас! – иконы разбитые. Кастрюли,

¹ Валентина Михайловна Лосева (1897 – 1954), жена А.Ф.Лосева.

чайники, посуда – на полу, на табуретках; рядом у печки дрова навалены, уголь, и среди этого нагромождения разбитых осколков прежней жизни в глубоком кресле – ясноглазый старец, Михаил Васильевич, отец Валентины Михайловны, тот, которого спасли из-под развалин дома. Хорошие глаза смотрят ласково на девочку, как он сразу стал меня называть. Он и скончался при мне в декабре 1945 г., девятидвулетний, в полном разуме, от скоротечного рака пищевода, умер голодной смертью, а глаза смотрели с мучительно-терпеливой лаской и на дочь, и на меня, только еще начинавшую жить в свои двадцать два года, на ту, которая займет вскоре короткий диванчик (ноги можно поджать – это все пустяки), где он, Михаил Васильевич, почивал.

Вот и я обрела уголок на этом диванчике, где пребывала в неизъяснимом счастье многие годы. И не нужны мне были ни ласкающие сны, ни Лознгрин, ни белый лебедь. Я попросту обрела в разоренном лосевском гнезде свою духовную родину во всей ее полноте, умозрительную, но родину.

Здесь и строгость, и дисциплина, и взыскательность Алексея Федоровича (его мы с Валентиной Михайловной именовали Ханом за самовластие – покорялись, признаться, вполне охотно). Но здесь же – теплота и ласка поистине родная, материнская Валентины Михайловны, моей Мусеньки, как я ее называла, зная, что есть еще у меня и любящая мама, далеко за тысячи верст. Вот и приходилось разрываться: лета не дождусь – к Маме, на Кавказ, на южное приволье, хотя там господствует свой строгий порядок, а здесь при внешней неупорядоченности материи – стройная упорядоченность духа. И к ней влечет меня неодолимая сила, когда приближается конец утомительного от осязаемых всем существом радостей лета.

Так незаметно раздваивается душа – здесь и там, там и здесь. И перед моим очередным отъездом на Кавказ, печально и выжидательно глядя на меня, говорит Валентина Михайловна: «Ну, вот, опять уезжаешь. Ты красивая, выйдешь там замуж». А мне смешно. Там? Замуж? Да никогда. И я смело отвечаю: «Я вас обоих никогда не покину. Здесь останусь». О, как помню я этот момент в дверях, на пороге, перед моим отъездом туда. Как помню мой храбрый ответ, ответ девочки, заранее принимающей все будущее, по молодости о нем и не думающей. Будущее для меня – вечно настоящее, с Валентиной Михайловной и Алексеем Федоровичем. А вечно настоящее, я поняла это каким-то шестым чувством, – сама вечность и, значит, вечная радость троим.

...Но вернемся в далекие 50-е, когда начались наши скитания по подмосковным дачам, памятные книгами, над которыми то там, то здесь работал Алексей Федорович. Попали мы в Домодедово, в «Елочки», к Николаю Ивановичу Либану (тогда еще – в цвете лет), известному историку русской литературы на филфаке Московского университета (его ре-

комендовал наш друг профессор А.М.Ладыженский), в кирпичный дом с огромной верандой и шведской печью, обогревающей верх и низ, с большим, почти пустым участком – деревья еще молодые. Говорят, что теперь там настоящий лес, но зато и город добрался до этих мест. Там завершает Лосев «Античную мифологию». Работаем допоздна: лето, светло, а потом – при керосиновой лампе. Как приехали – свет отключили, в поселке меняют столбы, все лето идет дождь, а мы навезли квасу для окрошки, один раз и попробовали, потом весь скис. Каждый вечер перед сном Алексей Федорович пьет по два нембутала, голова полна мыслей, как всегда, заснуть невозможно. Наша помощница Шура в рюкзаках везет книги из московских библиотек, надо закончить работу за лето и сдать «Античную мифологию» в «Учпедгиз» Ивану Михайловичу Терехову.

Алексей Федорович пытался отдать рукопись в «Худлит», но главный редактор, А.И.Пузииков, отказал решительно. В этом издательстве все еще помнят Лосева, и кое-кто помнил какую-то невнятную историю с попытками печатать огромную «Античную мифологию» с собранием текстов еще в конце 1930 и в 1940-х гг. Больше всего потешались над четвероруким Аполлоном. Ну и выкопал Лосев такое чудище! Этого быть не может. У Аполлона две руки, он прекрасен.

О, как тяжело было нам с «Античной мифологией», которой мы усиленно занимались еще в Акри (хотя и там распевал – уж это мне радио! – любимый хозяином сладкоголосый мещанский Бунчиков)! Но ведь устроить никуда нельзя. А собственно говоря, куда? В издательствах Лосеву нет места. Уж очень всем мешает четверорукий Аполлон, нигде такого не найдешь.

И тут я вспомнила, что Алексей Федорович был когда-то, в годах 1920-х, знаком с Мариэттой Шагинян. Она живет рядом с нами, на Арбате. Дай, думаю, попробую к ней обратиться, вдруг эта влиятельная особа поможет. Алексей Федорович написал письмо, и я сама отнесла вместе с рукописью в квартиру большого дома (номер 45, квартира 9), где внизу прекрасный магазин «Диета» (давно его нет, зато – ресторан «Му-му» и корова картонная, мертвая, стоит рядом, народ привлекает). Отнесла – ответа нет. Тогда я уже сама написала письмо от себя. Ответ получила неутешительный. М. С. приехала больная из Крыма, лечится, не может ответить профессору, пока не прочтет рукопись книги. Однако независимо «от возможности или невозможности ему помочь» письмо напишет завтра. Мне же М. С. высказала полное понимание. Она писала: «Ваши чувства разделяю вполне. О проф. Лосеве слышала как о замечательном ученом, единственном в своем роде (двусмысленность – подумала я). И рада бы всей душой помочь, да самой сейчас плохо. Эти несколько слов шлю на Ваш адрес, чтобы Вы не волновались из-за моего молчания, а завтра

буду писать проф. Лосеву. Шлю Вам сердечный привет. Мариэтта Шагинян (1.06.1954)». Увы, наступило завтра и послезавтра, и далее шли дни, но ответ так и не пришел.

Помог старый друг Николай Матвеевич Гайденков (потом профессор МГУ, скончавшийся в 1970-х гг., безвременно, тоже за всю жизнь много пришлось ему перенести). Он сагитировал директора «Учпедгиза» И.М.Терехова и превратил высокого чиновника, но человека с добрыми задатками, в лосевского поклонника. Терехов с энтузиазмом взялся за дело, выделил симпатичного редактора Сергея Алексеевича Ненарокова, интеллигента прежней закалки, и книга вышла в 1957 году на хорошей бумаге, с супером – ее сразу расхватали, вышла под более лаконичным названием «Античная мифология в ее историческом развитии». Социальность испугала редактора, лучше быть от нее подальше.

В «Античной мифологии» А.Ф.Лосев имел возможность впервые после многолетнего перерыва спокойно изложить свою собственную теорию мифологического процесса, основываясь на смене родовых отношений первобытного общества древних греков, исходя из бытия и сознания в их единстве, изучая в мифах личную историю, данную в словах, живой телесный дух в его развитии.

Следует сказать, что Лосев исследовал именно мифологическое развитие, не касаясь религии, области, которую часто по незнанию и спутанности понятий подменяют мифологией. Мифология как форма освоения мира человеком родовой общины была полна чудес, в реальности которых никто не сомневался. Каждый миф расцветивался безудержной фантазией человека, погруженного в загадочную жизнь живого тела природы, частицу которого он и сам был, общаясь с таинственным и могущественным миром демонических стихий и богов.

Миф был полон выразительности, то есть имел огромное эстетическое значение, и поэтому был закреплен, живо воспринят, расцветчен, разработан в греческой поэзии и прозе, интерпретировался философами и учеными на протяжении всей античности, доходя от чисто художественных образов до невероятно сложных и отвлеченных символических умственных конструкций.

В своей книге Лосев доказывал на основе собранных им бесчисленных текстов (недаром он любил кропотливую науку, классическую филологию), что мифомышление возникает на ранней ступени общины – родовой формации, когда на мир переносятся родственные отношения древнего человека (иных он не знает) и весь космос представляет собою одну огромную родовую общину, одно огромное живое тело.

Лосев ввел в отечественную науку получивший потом большое распространение термин «хтонизм», указывающий на первенствующую

роль Матери-Земли в порождении ее первопотенций, сил, управляющих миром; это был мир архаической, доолимпийской мифологии, с ее фетишизмом (понимание всего неживого как живого), миксантропизмом (соединение животного и человеческого начал), тератоморфизмом, то есть миром чудовищных форм. Здесь звериные и человеческие начала были нераздельны, ибо человек сам не отделялся от природной материи и не ощущал себя как «я», как некую субстанцию, будучи только атрибутом этой материи. Поэтому превращаемость, оборотничество в пределах единого живого тела природы, было одним из главных принципов архаического, доолимпийского, хтонического бытия. Этот хтонический мир основывался на таких «вечных законах», которые требовали «постоянных чудес и превращений, постоянных сверхъестественных совмещений и разъединений, рождений и уничтожений»².

Алексей Федорович обосновал периодизацию, связанную с переходом от материнской общины к отцовской, патриархальной, которая стала основой антропоморфной классической мифологии, где господствовала олимпийская семья богов, победившая стихийных, рожденных землей титанов.

Для нас было величайшей редкостью появление благожелательных рецензий на первые книги, на «Олимпийскую мифологию» и «Античную мифологию в ее историческом развитии». Это о Лосеве, вечно гонимом, – вот чудеса!

Академик А.И.Белецкий в «Литературной газете» (1955, 4 июня) опубликовал большую рецензию «Новое о древних мифах», а В.В.Соколов в «Вопросах философии» (1958, № 10) выступил со статьей «Мифологическое и научное мышление». Потом и чудаковатый Г.Панфилов – в «Вестнике истории мировой культуры» (1959, №3) – почему-то на английском языке. Дальше пошли румыны, греки, поляки, венгры, чехи. Книгу, можно сказать, приняли.

Именно в это время у нас завязалось интенсивное общение с давними знакомцами и знатоками мифологии и загадочных тайн жизни древних греков, с теми, кто внутренне был близок Лосеву, даже если не всегда согласен с его взглядами на античность. Общность глубокая, культура одна, все выросло на почве Серебряного века.

Для меня же, молодой, тенями из прошлого приходили в наш дом Владимир Оттонович Нилендер (1883–1965) и Яков Эммануилович Голосовкер (1890–1967). Оба захаживали часто – Нилендер по дороге в поликлинику (он жил на Остоженке, неподалеку от нас). Голосовкер жил по соседству, в Кривоарбатском переулке, совсем рядом, в квартире у племянника, Сигурда Оттовича Шмидта, сына арктического исследователя

---

² Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993. С.302.

О.Ю.Шмидта, академика. Нилендер – тот самый «вечный» студент, который когда-то привел Алексея Лосева к Вячеславу Иванову, уже в Москве, на Зубовской площади, в доме, где я бывала (у профессора Марии Евгеньевны Грабарь-Пассек).

В последний раз помог Алексей Федорович старому другу, когда явилась к нам на Арбат родственница Владимира Оттоновича с просьбой дать отзыв об архиве Нилендера, чтобы Ленинская библиотека его приняла. Архив оказался небольшой (списки принесла), но были некоторые ценные рукописи самого Владимира Оттоновича, например, «Сценическая ритмическая композиция древнегреческой трагедии», реконструкция театральной постановки («Электра»), где измерен каждый шаг актеров в соответствии с каждым произнесенным словом (об этом я всегда на лекциях вспоминаю вместе с именем Владимира Оттоновича). Алексей Федорович дал не просто формальный отзыв, а внимательный и научно серьезный, да такой, что (как нам потом сообщила благодарная родственница) Ленинка не только согласилась принять архив (об этом шла речь), но даже купила его, деньги заплатила, и совсем неплохие, к удивлению скромной нашей благодарной посетительницы. И неслучайно в «Краткой литературной энциклопедии» (1968) есть небольшая статья «Нилендер».

РАЗДЕЛ II. РОССИЯ. XX ВЕК

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ ГАВРИЛОВ

Александр Константинович Гаврилов – филолог-классик, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

В 1964 г. окончил классическое отделение филологического факультета ЛГУ. Занимался у профессоров А.И.Доватура, Я.М.Боровского, А.И.Зайцева. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Плутос» Аристофана» и в 1995 г. – докторскую диссертацию «Театр Еврипида и афинское Просвещение». Перевел на русский язык сочинения Марка Аврелия, Феогида и «Сатирикон» Петрония.

В 1994 г. основал Санкт-Петербургский Античный кабинет (*Bibliotheca Classica Petropolitana*), является консультантом международного журнала по классической филологии «*Hypoboreus*» и входит в редакцию альманаха «Древний мир и мы».

Автор многочисленных работ по истории древнегреческой и римской литературы, эпиграфике, а также по истории науки об античности.

В 2009 г. А.К.Гаврилов, В.В.Зельченко, Т.В.Шабурина подготовили сборник статей Якова Марковича Боровского «*Opera philologica*», который начинается словами: «Тонкий знаток обоих классических языков, изощренный стилист и пронзительный толкователь античных текстов, Яков Михайлович Боровский, – как по условиям времени, так и в силу особенностей своего исследовательского темперамента, – не оставил ни одной монографии. Его статьи и заметки, нередко опубликованные в труднодоступных изданиях или эфемерных сборниках, ни разу не были собраны воедино».

Далее помещен отрывок из статьи А.К.Гаврилова «Наследие Я.М.Боровского. Становление ученого»³.

---

³ Я.М.Боровский. *Opera philologica*. – С-Пб, 2009. С. 565 – 573. Отрывок дается без постраничных комментариев.

ЯКОВ МАРКОВИЧ БОРОВСКИЙ

Яков Маркович Боровский (1896, Кременец – 1994, Санкт-Петербург – филолог-классик, новолатинский поэт, переводчик и педагогический публицист. По окончании Петроградского университета защитил диссертацию, получил степень (1928) и с 1932 г. преподавал латинский язык на романском отделении филологического факультета, а затем – и на историческом факультете. Проработал в университете 35 лет. Список его опубликованных работ включает 159 наименований.

Основные труды: «Учебник латинского языка», написанный вместе с А.В.Болдыревым (1940), выдержал 4 издания; «Словарь латинских крылатых слов» (совместно с Н.Т.Бабичевым) (1982) – 3 издания; перевод книг П.Шантрена «Историческая морфология греческого языка» (1953) и М.Нидермана «Историческая фонетика латинского языка» (1949); многочисленные переводы с латинского и древнегреческого античных авторов.

Фундаментом учености и достижений Якова Марковича Боровского были знания и умения, приобретенные рано и необыкновенно счастливо. Его отец, Меер Вольфович Боровский (1870 – 1920), высокообразованный и энергичный военный врач, изучал в гимназии оба древних языка; Яков Маркович с детства слышал его декламации из античных авторов, что иной раз лучше всякой парэнезы. В 1906 г. семья переехала в Петербург, где М. В. собирался защищать диссертацию по медицине, а сыновья должны были начать учебу в гимназии. Влияние отца, на которого Яков Маркович был разительного похож – не только физически, но (судя по бравому выражению лица Меера Вольфовича) и темпераментом, а может быть, и складом ума – было велико; о том же говорит нежная любовь отца к сыну, видная по нескольким сохранившимся открыткам. Что М.В. на словах не советовал заниматься филологией, не могло быть решающим: более того, в подобных случаях действие нередко оказывается как раз обратным.

Учился Яков Маркович в Санкт-Петербургской 6-ой классической гимназии при Министерстве просвещения, где с первого класса преподавался немецкий, со второго – французский, с третьего – латынь, и с пятого – древнегреческий. Учителем латинского языка в начальных классах был чех Йозеф Кабеле; после него древние языки преподавал А.А.Турчинович. Директор образцовой гимназии, известный петербургский педагог и историк педагогики Густав Густавович Зоргенфрей казался Якову Марковичу, как он сам вспоминал, «существом другой породы». Однажды, вызвав Якова Боровского в свой кабинет и сделав ему какое-то дисциплинарное замечание, директор прибавил: «Что же, Боровский! *Noblesse oblige*». Благоустроенность гимназии; коридоры, в которых, постоянно обновляясь, вывешивались копии знаменитых произведений живописи; класс фехтования – все это наполняло Якова Марковича чувством восхищения и благодарности вплоть до последних лет его жизни.

Греческий язык был факультативным, и преподавал его учитель психологии Федор Андреевич Гартц. Под его руководством братьями Боровскими – другие гимназисты, записавшиеся было на греческий, постепенно отпали – прочтен был длинный ряд авторов; дошли уже и до Фукидида. Слава об этом «греческом чуде» разошлась по городу: вундеркиндов собирались представить Ф.Ф.Зелинскому во время устроенной ради этого визитации, однако близнецы заболели и, конечно, оба разом. Этот эпизод примечателен, в частности, тем, что успехи, вроде достигнутых Яковым Марковичем и его братом, были диковиной даже в то, не лучшее для греческого языка, но все еще немислимое без классического образования, время: Якова и Григория Боровских в тогдашнем ученом Петербурге заметили, учителя ставили их в пример следующим поколениям гимназистов.

Основание было положено необыкновенно солидное и вместе творческое. Яков Маркович вспоминал, что свои первые стихи – греческую эпиграмму о Фаэтоне – он написал по заданию учителя на гимназическом уроке. Казалось, путь в классическую филологию был предопределен, однако существовала процентная норма для лиц, относимых к «иудейскому вероисповеданию» (к которому Яков Маркович, вместе с большинством, был не менее равнодушен, чем к христианскому). Заодно отметим, что страстного национального чувства у Якова Марковича не было и до старости, а по мировоззрению он со временем ближе всего стоял к учению Эпикура. Отец, хоть и соблазнял неволью своей ученостью, распространявшейся и на древние языки (в 1880-х гг., когда он учился, торжествовал школьный классицизм, не всегда, как видим, мертвящий), как медик предпочитал специальности, польза которых не нуждается в доказательствах. Так, Яков Маркович после окончания гимназии

в 1915 г. поступил в Политехнический институт, где отучился несколько семестров, как об этом свидетельствует сохранившаяся «Лекционная книжка студента механического отделения Петроградского политехнического института имени Петра Великого г-на Боровского Якова Мееровича» с зачетами по начало 1917 г.

Курс на механическом отделении имел специальности: машиностроительную, заводскую и железнодорожную. В перечне дисциплин встречаем словосочетания, вызывающие невольное уважение: технология металлов, металлические конструкции, сопротивление материалов. Из 43 наименований молодой политехник прослушал 18, а 13 были ему зачетны (последние уже в начале 1917 г.). На последних страницах той же «лекционной книжки» находим список книг, которые Яков Маркович по май 1917 г. брал в библиотеке Политехнического института, – в основном это сочинения классиков философии (Аристотель, Хрисипп, Спиноза, Бергсон и т. д.), включая и отечественных (В.С.Соловьев, И.И.Лапшин и др.); примечательно, что молодой политехник берет в библиотеке и труд знаменитого филолога-классика У. Виламовица.

Склонность к универсализму в сфере знания и уверенность в том, что все можно понять и однозначно сформулировать, шли у Якова Марковича, помимо раннего развития разнообразных способностей, наверное, и из этого политехнического опыта, поневоле занявшего около двух лет его жизни. Яков Маркович оказался «галантнее» брата Григория: тот поставил филологию после химического и нефтяного машиностроения, а Яков Маркович пропустил ее вперед. При открывшейся после Февральской революции возможности перейти на историко-филологический факультет Петроградского университета, чтобы заниматься классической филологией, отец смирился с решением сына. Вот как он писал из действующей армии 13 августа 1917 г.: «Дорогой Яша! Наконец-то до меня дошло твое заказное письмо. Я все-таки остаюсь при том мнении, что тебе лучше было бы кончить Политехнический, но раз тебе это так не любо, то из этого все равно ничего не выйдет, и я нехотя уступаю твоему желанию, если только мама тоже согласна. Вижу, что мое упрямство поведет только к тому, что потеряешь еще год. Надеюсь, что ты мою открытку получишь еще вовремя. Ну, всего хорошего, мой дорогой. О себе я тебе не пишу, т. к. пишу об этом маме. Пиши мне почаще. Крепко целую тебя, маму, Гришу и Иню. Твой папа».

Взгляды Якова Марковича были – как теперь приходится догадываться, разбирая скудные свидетельства, – скорее леволлиберальными. Более левых убеждений держался, как кажется, отец Якова Марковича. Важнее, пожалуй, что Меер Вольфович был человеком профессии и долга: это запечатлено его смертью в деятельном возрасте при исполнении

служебных обязанностей – в борьбе с эпидемией тифа в 1920 г. Примечательно сохранившееся именное приглашение Боровского-отца на торжественное заседание Петрогубсовета в Смольном по поводу трехлетней годовщины советской власти. Рецензией на рассуждение социалиста о роли классической филологии в реформированном обществе открывается список работ Якова Марковича; обращают на себя внимание порученный ему перевод политического памфлета и служба в Коминтерне (впрочем, в отделе, где подвизалось в ту пору немало представителей либеральной интеллигенции). Как Яков Маркович понимал в дальнейшем роль гражданина и человеческое достоинство, отчетливо выявится ниже.

Еще учась в Политехническом институте, Яков Маркович сумел стать участником воскресных семинаров Фаддея Францевича Зелинского; после перехода на историко-филологический факультет университета он, продолжая заниматься у Зелинского, начал учиться у Александра Иустиновича Малейна, Сергея Александровича Жебелева, Григория Филимоновича Церетели, Ивана Ивановича Толстого-младшего. Университет Яков Маркович окончил в 1922 г. и тогда же был привлечен к работе в Институте литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), где состоял научным сверхштатным, а с 1924 по 1927 гг. штатным сотрудником. После защиты квалификационной работы «De Vergilii codice Golizuniano» в 1928 г. он был допущен к преподаванию в университете, но работал в основном в качестве переводчика в Госиздате и в редакции «Ленинградской правды». Научно-преподавательская деятельность стала по-настоящему главной для Якова Марковича с 1933 г., когда была воскрешена кафедра классической филологии Ленинградского университета. В 1938 г. он по совокупности работ получил ученую степень кандидата филологических наук и ученое звание доцента.

Из петербургских филологов той поры, занимавшихся общими проблемами языка, сильное впечатление на Якова Марковича произвел Л.В.Щерба. Следы этого остались до конца жизни Якова Марковича, поскольку Щерба, понимавший необходимость взаимодействия филологической интерпретации и лингвистического подхода при анализе произведений словесности, оказался, конечно, особенно близок филологу-классику Боровскому. Так в Якова Марковича проникло влияние великого (ибо оно было внутренне свободно) десятилетия двадцатых годов; в его анализе латинской речи чувствуется это вольное веяние, даже если сам он, кажется, не упоминал об этом.

Были и другие наставники, о которых впоследствии вспоминал Яков Маркович. С латинистом Николаем Августовичем (или Карловичем) Гельвихом (1868 – ?), прежде преподававшим в Историко-филологическом институте, в университете и на Высших женских курсах, Яков Маркович

вместе с А.М.Миханковым и некоторыми другими читал Плавта, которым профессор занимался всю жизнь. Яков Маркович рассказывал, что, начав слепнуть, Гельвих обходился без книги, читая наизусть и затем обсуждая текст по-латински. Из устных рассказов Якова Марковича известно, что с Е.М.Придиком (1865 – 1936), служившим в Эрмитаже, он упражнялся в переводе с латинского на греческий.

В целом ясно, что в молодые годы Яков Маркович имел и желание, и способности, и возможность оттачивать свое знание древних языков, причем активное овладение ими, как видим, поощрялось старшими филологами. Можно сказать, что благодаря Малейну, Гельвиху, Гельду Яков Маркович усвоил и продолжил традиции не университета только, но и Историко-филологического института, – те самые, что были заложены А.К.Науком и Л.А.Мюллером. Существенно, что при этом в течение многих лет под руководством мастеров экзегезы он осваивал великие произведения античной литературы, не упуская ни деталей, ни целого.

Для развития всякой индивидуальности бесспорно значимы сверстники. Семинар Зелинского или, шире, его круг объединял – наряду с ученицами Высших женских курсов – таких людей, как Витольд Клиндер (1875–1962, Познань), Стефан Сребрны (1890–1962), Эрих Диль (1890–1952, Йена), Сергей Радлов (1892–1958, Рига), Адриан И. Пиотровский (1898–1937 или 1938). Примечательно, что кроме строгих филологов, как Сребрны и Диль, в семинаре формировались крупные деятели театра Радлов и Пиотровский; видно и то, что здесь выросли ученые, сыгравшие впоследствии заметную роль в различных странах Восточной и Центральной Европы.

А вот имена филологов-сверстников Якова Марковича, со временем определивших лицо петербургской школы ленинградского периода: С.Я.Лурье, А.В.Болдырев, А.Н.Егунов, И.М.Тронский, в 1919 г. окончивший Новороссийский университет в Одессе, А.И.Доватур (по приезду в Петроград из Саратова). Адриан Пиотровский был знаком и по семинару, а после, как и Ю.Н.Тынянов, стал коллегой Якова Марковича по отделу Коминтерна, где они вместе занимались обработкой иностранной прессы. Почти все сотрудники иностранного отдела «Ленинградской правды», где реферировались сперва всяческие, а после 1926 г. в основном прокоммунистические западные газеты, были до этого времени беспартийными. Сюда заходили многие представители тогдашней интеллигенции: Пиотровский возглавлял театральный отдел, Яков Маркович вел италийскую прессу, рядом с обоими работали С.Я.Лурье и другие. Позже Яков Маркович близко сошелся с П.Н.Берковым, М.П.Алексеевым, москвичом Ф.А.Петровским и другими выдающимися филологами середины XX в.

Разумеется, в послереволюционное время обычный ход филологических занятий был нарушен на многие годы. В 1918 г. Яков Маркович был призван в Красную Армию и преподавал в воинских частях Петроградского укрепленного района, пока не был демобилизован в 1920 г. Ему случалось работать также в Морском техникуме и других учреждениях этого рода; к одному из них восходит принадлежавший какому-то дореволюционному собранию бюст Гомера, который долгие годы стоял у Якова Марковича дома. Занятия классической филологией получили более эпизодический характер, однако продолжались. Кроме уже названных Гельвиха и Придика, Яков Маркович продолжал филологическое общение с превосходным знатоком латинского языка и римской поэзии Германом Готфридовичем Гельдом (1875 – 1938), которого в свое время высоко ценил Зелинский. В пору революционной разрухи Гельду пришлось разбираться в грудях собранных отовсюду в центральные хранилища книг; Яков Маркович помогал ему при разборке завалов библиотеки историко-филологического факультета.

Хотя в научном отношении Яков Маркович ориентировался больше на британскую и немецкую традиции, из новых языков он смолоду предпочитал французский, а за ним с особенным усердием изучал итальянский; в зрелом возрасте итальянскими занятиями Якова Марковича руководил Берлович. Яков Маркович рассказывал, как на экзамене по итальянскому языку в присутствии В.Ф.Шишмарева ему встретилось неожиданное в отношении рода слово *una dramma*, и тут (как сам он, повествуя о себе, выразился) «соображено было», что итал. *una dramma* происходит от лат. *drama* < греч. δραμα (ср. р.), между тем как из лат. *drac(h)um*, заимствованного из др.-греч. δραχμή (ж. р.), в итальянском должно было получиться и получилось существительное женского рода в значении «крупинка, малое количество». Эпизод этот не зря запомнился Якову Марковичу – ему, конечно, нравились эти математически элегантные цепочки, выстраиваемые исторической фонетикой, грамматикой и этимологией. Знание итальянского помогло ему найти работу по реферированию итальянских газет при Коминтерне и выжить в трудное время.

Поддержала Якова Марковича и хорошая математическая подготовка, полученная в гимназии и Политехническом институте, что позволило ему некоторое время преподавать математику, с которой революционному сознанию вскоре пришлось смириться, – месть за неуважение к этой науке сказала бы гораздо раньше, чем своевольное обхождение с гуманитарным знанием. Это совсем не тривиально в перспективе последующей эпохи, когда стало обычным сразу после средней школы забывать математику, а предметы историко-филологического цикла расчленились

сперва на филологию и историю, пока и самоё филологию не сочтено было нужным разорвать на языкознание и литературоведение.

И университет, и классическая гимназия в дореволюционную пору развивали привязанность к культурному наследию как единому целому; сохранение традиции при творческом отношении к ней не исключало, а предполагало веру в новое знание. Гармоничное сочетание этих ценностей составляло черту тогдашней науки, в частности, петербургской. От Зелинского, который, имея собственные западноевропейские корни, деятельно участвовал в академической жизни, шло понимание античности как живой силы, воздействующей на мысли, вкус и поступки людей. Для выбора пути Якова Марковича это, несмотря на утраквизм Зелинского в отношении обоих классических языков, означало гуманистическое расположение к латинской речи при всем уважении к греческому языку и искусству в качестве предмета научного исследования и фактора, формировавшего римскую культуру.

Более сложное отношение было у Якова Марковича к А.И.Малеину, который произвел на младшего впечатление многообразием интересов, отражающих множество применений латинского языка в различные эпохи европейской культуры, а с другой стороны, разочаровывал отсутствием лейтмотива при исследовании древности, недостаточным как будто бы различием первостатейного и второстепенного. Еще в конце 20-х гг. Яков Маркович как-то высказал А.И.Доватуре сожаление, что смолоду он слишком много внимания уделил Малеину и не пошел решительнее по стопам Зелинского с его широкими перспективами при исследовании большой и единой темы, прежде всего – античной религии. Аристид Иванович был склонен с этим согласиться и вспоминал, как во время ведшегося по-латыни диспута после доклада Якова Марковича по поводу одной петербургской латинской рукописи Малеин, оставив в стороне суть разбираемого вопроса, обстоятельно занялся каким-то языковым недосмотром докладчика. Если, однако, посмотреть на то, как писал Яков Маркович, пока на свой лад развивал интересы и идеи Зелинского, то да будет нам позволено усомниться в правоте этих оценок. Прочитируем для примера одну фразу из статьи молодого Боровского «Преодоление религиозного элемента в древнегреческом праве»: «Если представление о боже-стве, которое можно рассматривать как объективную сторону религиозного переживания, лишь в результате длительного развития приобретает признаки, ставящие его содержание вне пространственно-временной ограниченности, общей всему миру вещей, и таким образом позволяющие этому содержанию включить в себя мир как часть или сделаться его первоосновой, то для субъективной стороны религиозного переживания – «религиозного чувства» или «религиозного сознания» в узком

смысле – черта всеобщности, превращающая это чувство в основу всей душевной жизни индивидуума, не в меньшей степени характерна и в первичной, докритической стадии развития религии».

Вот как, оказывается, влияние Зелинского, с одной стороны, и математическая дисциплина ума – с другой, выразились в первых научных опытах Якова Марковича! Своей герметичностью этот слог напоминает не Зелинского, который умел и запутанные вещи выразить внятно, а нарочито затрудненные пассажи Фукидида. Такая дикция неожиданна для тех, кто привык к зрелому Боровскому (начиная с «Учебника латинского языка»), а главное, непригодна для передачи мыслей о таких тонких предметах, как религиозные чувства: не зря творцы религиозных учений пользуются афоризмами или даже притчами, а не дискурсом в духе процитированного отрывка.

Если выразить то же соображение на языке истории петербургской традиции в классической филологии, это будет означать, что ученая всеядность Малеина (живая латынь, библиология, библиография, внимание к латинским памятникам по отечественной истории и т. д.) оказалась ближе собственным задаткам Якова Марковича, чем бесприютный и вечно ищущий самоотжествления дух Зелинского. И если неожиданно для самого Якова Марковича склонность к охранению традиции возобладала в нем над поисками новизны, а скромное обаяние Малеина кое в чем потеснило впечатление от горделивых исканий Зелинского, то случилось это к счастью для его будущих учеников и читателей. Возможно, этому способствовало то, что Зелинский оставил Россию, но, наверное, небезразлично оказалось сродство исследовательских темпераментов, а то еще то, что филология Малеина больше понадобилась на том культурном переломе, который принесло с собой советское время. В самом деле, что было важнее: улавливать влияние эллинизма на историческое христианство или способствовать тому, чтобы общий язык культуры не исчез напрочь из поля зрения сотрясенной двумя мировыми войнами Европы?

Другое дело, что Зелинский оставил свой след в стремлении Якова Марковича, толкуя тексты, представлять себе общие черты античной «духовности»: Яков Маркович всегда охотно выявлял у авторов знаки традиционного уклада идей или философских умонастроений. Отсюда, помимо дружеских чувств, то внимание, которое Яков Маркович проявил к демокритовским штудиям С.Я. Лурье, когда ему надо было доводить их до издания в качестве главы редакционной коллегии. Еще определеннее внимание к мировоззрению видно в цикле статей о Лукреции.

Как бы там ни было, рабочее поле Боровского переместилось в сферу латинского языка и литературы, будь то римской или новолатинской. Ра-

боты, посвященные непосредственно греческой литературе и языку, становятся у Якова Марковича исключениями. Конечно, в статьях, посвященных латинской литературе, мы то и дело встречаем греческих авторов, однако само эллинство у Якова Марковича впредь как прямая цель его работы обычно не выступает.

ВАДИМ ЛЕОНИДОВИЧ ЦЫМБУРСКИЙ

Вадим Леонидович Цымбурский (17 февраля 1957, Львов, Украина – 23 марта 2009, Москва) – филолог-классик, лингвист, этрусколог, политолог.

Окончил с отличием в 1981 г. филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Гомеровский эпос и этногенез Северо-Западной Анатолии».

Его научные интересы включали проблемы интерпретации гомеровского текста и связей греческого мира с Малой Азией и ареалом распространения палеобалканских языков. Этимологические исследования составляли исключительно широкий пласт в творчестве В.Л.Цымбурского. Автор первой на русском языке научной грамматики этрусского языка (в печати). Работал в Институте философии АН РАН. Помимо филологической науки, очень активно занимался политологией и считался одним из выдающихся политологов-геополитиков последнего десятилетия.

За свою недолгую жизнь успел написать 84 филологических и 100 политологических работ, из них 4 монографии.

Основные труды: «Гомер и история Восточного Средиземноморья» (1996, в соавторстве с Л.А.Гиндиным); «Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы» (2007).

Студенческими работами, дипломом и кандидатской диссертацией В.Л.Цымбурского руководил Леонид Александрович Гиндин.

Ниже в сокращении помещается статья В.Л.Цымбурского, написанная к 75-летию со дня рождения учителя⁴.

---

⁴ Цымбурский В.Л. Этно- и лингвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы. // Вопросы языкознания. 2003, № 3.

ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ ГИНДИН

Леонид Александрович Гиндин (25 июля 1928, Москва – 23 апреля 1994, Москва) – филолог-классик, фраколог, хеттолог, византинист и славист, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Л.А.Гиндин учился сначала в Московском государственном педагогическом институте, а затем на кафедре классической филологии МГУ им. М.В.Ломоносова, которую окончил с отличием в 1952 г. Кандидатская диссертация на тему «Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова» защищена в 1966 г., докторская диссертация «Древнейшая ономастика Восточных Балкан. Фрако-хеттолувийские и фрако-малоазийские изоглоссы» была защищена в 1974.

Велики заслуги Л.А.Гиндина в развитии фракологии. Он возглавлял работу 5-го Международного конгресса по фракологии, проходившего в 1988 г. в Москве, был членом Международного комитета по фракологии им. В.Томашека, входил в состав правления Международной ассоциации «Terra antiqua balcanica» и в редакционную коллегию журнала «Orpheus».

Л.А.Гиндин опубликовал около 200 работ, основные из которых (монографии) – «Древнейшая ономастика Восточных Балкан» (1981, София), «Население гомеровской Трои» (1993), «Гомер и история Восточного Средиземноморья» (1996, в соавт. с В.Л.Цымбурским), «Троя, Фракия и народы древней Малой Азии» (1999, Инсбрук; на немецком языке).

...На протяжении всего научного пути Л.А.Гиндина этноязыковые судьбы Трояды – региона на стыке Анатолии и Балкан, Эгеиды и Причерноморья – оставались предметом его неслабеющего интереса. Он был твердо уверен, что история страны, воспетой Гомером (тут явно сказывалось образование филолога-классика), способна дать ответ на многие вопросы, связанные с индоевропейской прародиной, диалектным членением индоевропейской общности и миграциями ее народов...

В 1970-х гг. позиция Гиндина среди его старших современников и просто современников, высказывавшихся по троянской проблематике, была однозначна до жесткости: вразрез со сторонниками идеи «гре-

ческой Трои» (К.Блеген и на рубеже 50–60-х гг. – Дж. Меллаарт) или «Трои хетто-лувийской» (В.Георгиев, Л.Палмер, с 1962 – Дж. Меллаарт, а в СССР тех лет – В.В.Шеворошкин и, в какой-то мере, Вяч. Иванов) он отстаивал видение гомеровской Трои как города, примыкающего к миру ранних фракийцев.

С середины 80-х гг. Л.А.Гиндин шаг за шагом расширяет свой «фракийский тезис», распространяя его и на вклад в троянскую историю, внесенный такими балканскими племенами, которые едва ли могут быть причисляемы к фракийцам в собственном смысле. В поздних работах он много внимания уделяет дарданцам (Δάρδανοι, Δαρδάνιοι) – центральнобалканскому этносу неясного лингвистического статуса, когда-то, в книге 1981 г., вынесенному за рамки обсуждения в силу часто предполагаемого для дарданцев «иллиризма». Между тем, в античное время наглухо отрезанные от Эгеиды пеонийцами и македонцами, дарданцы в какую-то более раннюю эпоху оставили заметный след на троянской земле – в местных названиях Δάρδανος, Δαρδανία, в мифическом образе Дардана – якобы предка троянских царей. Традиционно данный этноним, как и родственное название двух кастелей Δαρδάλαρα в балканской Дардании и в Верхней Мезии, сближаются с алб. dardhë «груша», широко представленным в албанской топонимике.

Первоначально гиндинский образ «фракийской Трои» не предполагал древних контактов фракийцев с хетто-лувийскими племенами на этой земле. Самое большое – не исключался вторичный миграционный инфильтрат из исторических хеттских и лувийских областей Анатолии в Троеде, возможно, ответственный за такие известные переклички, как троян. Πρίατος, имя-титул царя Илиона ~ лувийский ономастический элемент Pgijata «Первый, Лучший», или Πέρυαα, название троянского акрополя ~ хетт. rakus «высокий». Такое мнение было пересмотрено, когда открылось, что имя гомеровского персонажа, пришельца из Фракии в Трою и грозного камнеметателя Πεῖρωσ<*Perwos (II, II, 544-545; 517-544), товарища вождя Акаманта, в чьем облике у Гомера выступает «фракийский» Арес (II, V, 461 и сл.), генетически идентично хетт-лув. ⁴Rigwa, имени конного бога, почитавшегося хеттами и лувийцами на скалах и возвышениях (< хетт. rigwa, reguna «скала, камень»). Патроним же Пейроса Ιμβρασίδης (как Гиндин, вслед за А. Гётце, отметил еще раньше, не вдаваясь в этимологию имени героя) соотносится не только с названием близкого к Троеде острова Имброса и эпиклезой его покровителя Гермеса Имбраса, но и с лувийскими наименованиями божеств сельской местности (лув. immara ~ хетт. kimmara): DINGIR MEŠ Imrašši, ⁴Immaršiya. В свете же родства имени Пирвы с именами индоевропейских божеств грозы – славянского Перуна и т. д. – особую значимость

приобретает параллелизм имен гомеровско-фракийского Пейроса Имбрасида и одного из лувийских грозовых божеств – Полевого Бога Грозы *Tarhunts Imrassis (KUB XXXV 54, II, 35/37: imrašša ḫIM-unti). Дело в том, что за именованим Пейроса Имбрасида проступал раннелувийский прототип вроде *Pirwas Imrassis, который мог быть древнейшим прообразом имени Полевого Тархунта. В данной формуле старый индоевропейский теоним оказался замещенным анатолийским новообразованием со значением «Бог-Герой, Победитель». Открытие пережитка образа Пирвы на Геллеспонте, да еще в характерно (пра)лувийском формульном воплощении стало свидетельством пребывания здесь пралувийцев и их древнего адстратного вклада в традицию ранне-фракийских обитателей этого края...

Итак, «лувийская Троя» для Л.А.Гиндина стала мыслима, когда он усмотрел в пралувийцах допустимую часть племен прафракийского (восточнобалканского) пространства. Но, сходным образом, предположение вероятного соседства пралувийцев-лукка и прагреков в Причерноморских степях с последующим поэтапным движением сперва первых, затем вторых, на восток Балкан и к проливам открыла для него принципиальную возможность говорить не только о «Трое лувийской», но также и о «греческой Трое»...

Впервые в фокусе нашего совместного интереса оказался непосредственно «Лаомедонтов город», Троя, с ее могучими стенами, с самого начала своего существования ориентированная на Балканскую Грецию множеством примет культурного стиля и пристрастиями в сфере импорта...

С позиции лингвистов мы смогли показать, что троянская топонимастика и мифологическая традиция содержат весьма архаические греческие формы. Если иметь в виду характеристики древнемакедонского языка – ближайшего к греческому, но сохранившего этимологический интервокальный -s- (др.-макед. τέλεσιός «военный танец» < и.-е. *k^weles-ya-, ср. греч. τέλος, -εος «цель, поворотная мета», слав. *kolo, -ese; Εβέσσα < *Wedes-ya «Водная Местность») и передающего в ряде случаев индоевропейские придыхательные в виде звонких (др.-макед. δάνοϝ = греч. θάνατος «смерть», др.-макед. адη «небо» = греч. αἴθρη и др.) – некоторые троянские грецизмы могут быть отнесены ко времени до распада греко-македонской общности, т. е., условно, к концу III тыс. до н. э. Иные же из них несут явную печать тех (пра)греко-индо-иранских контактов, которые должны были предшествовать началу движения племен «курганной волны IV» в сторону Эгеиды. Рассмотрим эти случаи.

1. Троян. Αλέξανδρος «Защитник мужей», второе имя Париса, сюда же Alakšanduš – хеттская передача имени царя, правившего в Вилусе

(Илионе) на рубеже XIV–XIII вв. до н.э. Практически неизвестное как антропоним в архаической и классической Греции до эпохи македонской гегемонии, оно зафиксировано в микенских табличках (MY.V 659 a-*re-ka-sa-da-ra* = Aleksandrā), в легендах, относящихся к микенским Персеидам и упоминающих некоего Александра как сына Эврисфея (Ard. II, 8, 1), а кроме того, как популярное царское и аристократическое имя в Македонии. Бытование этого композита в постмикенской Греции в качестве прозвания героини Александры – «защитницы мужей» в Лаконике и эпиклезы Геры Αλέξανδρος в Сикионе (Ard., III, 19, 6; Schol. Pind. Nem, IX, 30) дополнительно подтверждает его статус глубокого раннегреческого архаизма, в частности, охватившего Трояду II тыс. до н.э.

2. Троян. Κασάνδρα, вар. Κασάνδρα – имя мифической Илионской пророчицы – македонское аристократическое имя Κάσσανδρος, популярное в Греции с конца IV в. до н.э., когда ею правил Касандр, сын Антипатра. А. Хойбек показал, что троян. Κασάνδρα <*k'ḡsti-əngā (с тем же первым элементом, что сохранен у греков, например, в гом. Ναυσικάα <*Nausi-k'ḡsā «Славная кораблями») представляет точное соответствие ведийской формулы *naḡām çāmsah* «слава (от) мужей» и, далее, др.-инд. *Naḡāçāmsah*, эпитета Агни и Пушана, посредников между людьми и богами, а также авест. *Nairyo-saḡha*, имени Бога-Вестника (Heubeck A. Weitere Bemerkungen zu den griechischen Personennamen auf den Linear B Tafeln // Beiträge zur Namenforschung. 1957. Jg.8). Надо сказать, что вариант Κασάνδρα может быть возведен к и.-е. *kḡs-əngā как сохраненная троянским преданием (пра)греко-македонская форма с интервокальным -s-, а сам образ троянской Кассандры, вёщей, но проклятой Аполлоном и непонятной современникам пророчицы, способен выражать кризис мифологического мотива, истоками уходящего в пору греко-индо-иранской общности.

3. Названия двух рек в Миссии к югу от Трояды Κάικος, тур. *Bakir-çay* «Медная река», т. е. «река с рыжей водой», и Κάυστρος, тур. *Ak-su* «Белая вода», т. е. «пенящаяся, кипящая», прозрачно объясняются через греч. καίω «пылаю» и.-е. *kH₂e-u-*o-*, а во втором случае прямо через сближение с греч. καυστήρ «прижигатель», καύστειρα «горячая, кипящая (о битве)».

4. Троян. Ιλιος, -ov, ср. идентичные топонимы в Македонии и Фессалии (St. Byz.) – очаге расселения греков по Балканскому полуострову, и далее на Пелопоннесе Ιλίου όρος, гора со святилищем в Лаконике (Paus., III, 24, 6-8). Учитывая восстанавливаемый зрительный образ Трои VI как города на высоком холме, обвитом цепями террас, в его названии позволительно усмотреть тот же корень, что в литовск. *vielóti* «крутить», русск. *влиять*, белорусск. *вилиць* «отклоняться от прямого пути»,

потенциально и в греч. ἰλλω «кручу» <*wīl-yo. Если такая этимология греч. ἰλλω правильна, то за хетто-лувийской передачей названия Илиона в виде Wiluša, вар. Wilušiya вскрывается прагреческая форма перфектного причастия женского рода *wilusyā (polis) «крутая, закрученная (крепость)» – образование, аналогичное греч. «ведающая» <*widusyā, др.-инд. viduṣī.

5. Названия рек: в Трояде Αἰδανός, в Фессалии Νῆιδανός или Αἰδανός, на Пелопоннесе Αἰδών, сюда же прозвище аркадян Αἰδανηλες (St. Byz. s.v. Αἴα; Hdt. VII, 129; Strabo, VIII, 3, 32, IX, 5, 6), все восходят к композиту *Neri-dānu «водный поток» (ср. др.-инд. dānu «поток, жидкость», авест. dānu «река», осет. дон то же) с формульными соответствиями в ведийском (RV, V, 31, 6 apo .. dānucitrāḥ «воды ... блещущие потоками» и т. д.). Эта устойчивая гидронимическая формула в Греции и Трояде представляет такой же рудимент контактов прагреков с индоиранцами, как и эпическое обозначение ахейских героев Δαναοί «данайцы», идентичное – с метрической метатезой долготы – авест. Dānava, названию неких приречных кочевников, вед. Dānavā как имени группы демонов. Перед нами явный след прагреческого передвижения на Балканы из Северного Причерноморья, изобилующего гидронимикой от данной основы, причем этот след захватывает Трояду.

Эти дополнительные факты подтверждают главный вывод, к которому мы с Л.А.Гиндиным пришли в 1994 г. – о том, что прагреки появились в Трое еще до размежевания с прамакедонцами, а значит – до начала широкого освоения Греции, скорее всего, еще в конце III тыс. до н. э. Опираясь на этот вывод, мы сделали следующий шаг – попробовали, вслед за О.Каррубой, пересмотреть отношение между греческим этнонимом Αχαιοί и его хеттским соответствием Aḫḫiya, вар. Aḫḫiyawa, Aḫḫiyawa. Обычно сторонники тождества Аххиявы с Ахейской Грецией видят в хеттских вариантах просто попытки передачи греческого слова – и это несмотря на то, что из греческого имя Αχαιοί никак не объяснимо, а варьирование Aḫḫiya: Aḫḫiyawa типично для малоазийской топонимастике с такими дублетами, как Naššu : Naššuwa, Zalpa : Zalpuwa.

Видя в Аххияве хаттусасских документов исключительно Ахейскую Грецию с центром в Микенах, с контролируемыми ею средиземноморскими островами и поселениями-колониями на малоазийской земле, мы, тем не менее, допускали, что в конце III – начале II тыс. до н. э. топоним Aḫḫiya/Aḫḫiyawa мог иметь иное применение. Эта «Пра-Аххиява», как ее предложил называть Л.А.Гиндин, могла примерно совпадать с областью распространения «серо-микенской» керамики в Малой Азии, непосредственно охватывая земли будущей Эолиды, с Троядой, Мисией, частично Лидией до Бейджесултана. Мы предположили, что часть пра-

греков, придя в Эгеиду с «Курганной волной IV», заселила области «Пра-Аххиявы» и превратила туземное название этой своей промежуточной прародины в свое собственное имя. Причем и название «Пра-Аххиявя» у греков закрепилось в двух вариантах – воплотившись в этнонимах как ахейцев, усвоивших его в древнейшем облике с ларингалом, переданным через χ, так и их сородичей эолийцев, каковые переняли от пралидийцев, по правдоподобной догадке Каррубы, вариант наименования страны с выпавшим ларингалом...

Монография «Троя, Фракия и народы древней Малой Азии», будучи взята вместе с последними статьями 1994 года написания, позволяет сполна оценить достижения Л.А.Гиндина в той сфере, где он, без сомнения, сделал больше, чем любой иной автор конца XX в. В принципе каждый из трех образов Трои, в разное время разрабатывавшихся им, мог бы развиваться самостоятельно при игнорировании других. Троя – часть раннебронзовой «Пра-Фракии», археологическая родственница Эзеро, Юнаците, Караново VII, земля, покрытая фракийскими названиями, то обособляющаяся, то вновь интегрируемая часть восточнобалканского пространства. Троя – первый лувийский плацдарм в Анатолии, земля «Малой Ликии» под Идой, охраняемая Пирвой-Пейросом, сохранившая память о киликийцах и о зелейских Τρωτες (возможно, том самом племени, что принесло в южную Ликию «трусый» язык и имя реки Ксанфа). Наконец, Троя – вероятное ядро «Пра-Аххиявы», эгейской «промежуточной прародины» прагреков, сохранившая языковые реликты эпохи греко-македонского единства, культурно породненный с Грецией город времени средней и поздней бронзы. Но для Гиндина в конце его пути ни один из этих образов не отрицал других. Идущие из III тыс. до н. э. лувийские элементы выступали частью прафракийского наследия троянцев, можно сказать, модификациями прафракийской этнолингвистической темы в троянской истории. Так, Пейрос Имбрасид, в реконструкции «Пирва на Геллеспонте», хозяин зелейского Пейроса и покровитель пришлых лука-пралувийцев предстает у Гомера фракийским вождем, напарником того героя Акаманта, в котором воплощается «фракийский Арес». С другой стороны, общая культурная ситуация Трои – несомненное усвоение ее жителями имени «троянцев», отсутствие военных потрясений при обновлении стиля, плана и облика города, его погребальный обряд – трупосожжение, сближающий его и с Фракией и с хеттской Анатолией, но резко отличающий его от микенской Греции, бытовые керамические формы, во многом общие для Трои VI и Фракии и резко оттеняющие парадную «серо-минийскую» и микенскую посуду, – все работает на мысль о «слиянии отколовшейся части протофракийцев с обособившейся группой прагреков» в новую, хотя, возможно, вну-

тренне напряженную, конгломератную общность. Такой виделась тогда Л.А.Гиндину «гомеровская Троя». Правота этого взгляда, как я полагаю, подтверждается тем, что за важными сюжетными линиями «Илиады» (линии, связанные с героями-дарданцами, «Диомедия») прослеживается конфликт и борьба между северобалканским (с пралувийской инфильтрацией) и греческим вкладом в историю региона.

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ЛУКЬЯНОВА

Лариса Михайловна Лукьянова – филолог-классик, преподаватель древнегреческого и латинского языков и античной литературы.

В 1960 г. после окончания классического отделения Ленинградского государственного университета была направлена в Саратовский государственный университет преподавателем, где и работает до сих пор. Она руководит семинаром по чтению латинских и древнегреческих авторов для преподавателей древних языков.

В соавторстве с А.А.Дерюгиным ею создан учебник латинского языка для русского отделения филологических факультетов, выдержавший три издания.

Сфера научных интересов Л.М.Лукьяновой – анализ переводов римских авторов русскими поэтами. На эту тему ею сделано два десятка докладов на научных конференциях и опубликовано несколько статей.

В 1986 г. Л.М.Лукьяновой по совокупности трудов присвоено звание доцента.

В течение многих лет Л.М.Лукьянова сотрудничает с кафедрой Средних веков и занимается переводами с латинского языка многочисленных документов, относящихся к XII-XIII вв. Эти переводы позволили ввести в научный оборот важнейшие источники по политической и социально-экономической истории. В 1998 был издан впервые переведённый на русский язык «Картулярий тулузского консулата».

В конце 90-х гг. Л.М.Лукьянова стала участницей исследовательского проекта, целью которого была подготовка переводов философских и полемических сочинений Петрарки. Результатом работы явились впервые осуществленные переводы латинского трактата «Об уединенной жизни», четырех объемных инвектив и нескольких диалогов из сочинения Петрарки «О средствах против превратностей судьбы». Был также сделан перевод биографии Петрарки, написанный Боккаччо.

Вниманию читателей предлагается отрывок из воспоминаний Л.М. Лукьяновой об Александре Александровиче Дерюгине.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕРЮГИН

Александр Александрович Дерюгин (22 ноября 1928, Елабуга – 22 сентября 1988, Саратов) – филолог, специалист по латинскому языку, латинскому стихосложению, доктор филологических наук, профессор.

Окончил филологический факультет Казанского государственного университета. Работал преподавателем латинского языка в Удмуртском медицинском институте.

В 1958 г. был приглашен в Саратовский государственный университет преподавателем латинского языка и античной литературы, и с этого времени его жизнь и деятельность были связаны с Саратовом.

С 1969 по 1978 гг. А.А.Дерюгин руководил кафедрой романо-германской филологии, затем до 1980 г. заведовал кафедрой романской филологии.

В 1963 защитил кандидатскую диссертацию на тему «Язык Квинта Энния и его место в истории латинского литературного языка», в 1988 г. в качестве докторской диссертации защитил монографию «В. Тредиаковский – переводчик».

Основные публикации: Учебник «Латинский язык» (в соавторстве с Л.М.Лукияновой), изданный в Саратове в 1979, 1986, 2003 гг.; «В.К.Тредиаковский – переводчик» (1985).

Александр Александрович был одним из первых людей, с кем я познакомилась по приезду в Саратов в 1960 г., и кто на всю жизнь стал моим старшим другом, готовым всегда прийти на помощь и в делах университетских, и в делах житейских.

Расспрашивая меня о годах учебы в Ленинграде и узнав, что Яков Маркович Боровский ведет там семинар, в котором читают и комментируют древних авторов, А.А.Дерюгин тут же загорелся этой идеей и предложил устроить такие же чтения и у нас. Уже через несколько дней мы определили авторов для чтения и стали собираться каждую неделю своей «латинской компанией». Такие чтения позволили нам как специалистам сохранить те знания, которые были получены во время учебы, мало того, обогатить их.

Кто, как правило, преподавал (да и сейчас положение не изменилось) латынь в провинциальных вузах? Это поручалось выпускникам романо-германского отделения. Дело нехитрое: преподаватель вызубривал тему на неделю раньше своих учеников, готовил учебные тексты и через два-три года уже считался знающим латинский язык. Да и выпускники классических отделений, уехавшие по распределению и оказавшиеся лишенными той особой среды, которая присуща «классикам», в большинстве случаев были вынуждены ограничивать круг чтения только учебными текстами.

Саратовский университет в этом плане оказался уникальным: в 1960-гг. годы латынь здесь преподавали только выпускники классического отделения. Поэтому предложение Дерюгина было встречено с большим энтузиазмом. Для чтения были сразу же выбраны трудные тексты: комедия Плавта «Псевдол» и «Об обязанностях» Цицерона.

В маленьком старом корпусе, где размещался филологический факультет, свободных помещений не было, и мы стали собираться для наших занятий в общежитии, где жили преподаватели. Каждая семья имела одну комнату, в длинном полутемном коридоре у двери стоял примус или керосинка, бегали дети, взад и вперед сновали жильцы, а мы, четверо преподавателей древних языков, сидели у кого-нибудь в комнате и предавались возвышенному занятию: с упоением разбирали Цицероновские периоды или архаические формы Плавта. В этом было нечто сюрреалистическое.

Вскоре к нашим занятиям присоединились молодые преподаватели кафедры древнего мира и медиевисты, потом стали ходить те, кто вел латинский язык в медицинском институте. За несколько лет было прочитано много труднейших текстов, мы никогда не изменяли нашему любимому Цицерону и полностью прочитали «Тускуланские беседы», «О пределах добра и зла», несколько речей и писем. Со временем на этих семинарах стали обсуждаться и новинки литературы по нашей специальности. Все это позволило сохраниться нам как специалистам.

По инициативе А.А.Дерюгина мы стали ездить на научные и методические конференции, что чрезвычайно важно, особенно для «классиков», которым так не хватает профессионального общения. Благодаря таким поездкам я приобрела десятки единомышленников, мы до сих пор обмениваемся опытом и с чувством признательности вспоминаем нашего Александра Александровича.

Научные интересы А.А.Дерюгина были широки и разнообразны. В аспирантские годы под руководством И.М.Тронского он стал заниматься проблемами латинского языка архаического периода. Предметом его исследования был язык Энния, Акция и Пакувия. На основе тщательного анализа фрагментов произведений этих авторов А.А.Дерюгин пишет

статьи, посвященные латинскому произношению, формированию латинского литературного языка эпоса и трагедии. Результатом этих исследований явилась кандидатская диссертация «Язык Квинта Энния и его место в истории латинского литературного языка», защищенная в 1963 г. в Ленинградском университете.

В 1979 г. в соавторстве с Л.М.Лукияновой был создан учебник латинского языка для студентов-русистов, в котором впервые были обозначены точки соприкосновения латинского языка с древнегреческим, старославянским и русским. При изложении грамматики в учебнике прослеживается общность происхождения форм и случаи аналогичного их развития. При описании римского стихосложения традиционное изложение материала дополнено сопоставлением римской метрики с русской и сведениями о судьбе античных стихотворных размеров в русской поэзии. В 1986 г. учебник вышел вторым изданием, а в 2003 г. – третьим и получил высокую оценку, как в нашей стране, так и за рубежом.

Наряду с этим А.А.Дерюгин занимался изучением связей русской литературы XVIII–XIX вв. с античной литературой. Почти ежегодно он выступал на научных конференциях с докладами, посвященными влиянию античных авторов на творчество В.Тредиаковского, В.Жуковского и др. Исследуя переводы Гомера, Вергилия, Овидия, сделанные этими поэтами, А.А.Дерюгин начал заниматься общими проблемами перевода, прослеживая усвоение русской поэзией античных метрических форм и эволюцию поэтических принципов. Результатами этих исследований он активно пользовался в учебной работе: вел семинары по теории перевода, создал учебно-методическое пособие «Основы римского стихосложения».

В 1983 г. выходит его монография «В.К.Тредиаковский – переводчик», в которой на примере поэтического творчества В.Тредиаковского, А.Капниста, М.Ломоносова он проследил рождение русского стихотворного перевода. Особое внимание уделено описанию переводческой техники В.Тредиаковского. Монография вносит весомый вклад в изучение истории художественного перевода.

Благодаря творческой натуре Александра Александровича и вся его семья была вовлечена в орбиту научной работы: его жена врач Тамара Ивановна защитила кандидатскую диссертацию, уже имея двоих детей (без поддержки мужа это было бы совершенно невозможно); дочь Наташа стала кандидатом филологических наук, а Люся, прекрасный детский хирург, – доктором медицинских наук.

Безвременный уход из жизни в расцвете творческих сил прервал научную работу этого разностороннего ученого, тонкого исследователя латинского языка и античной литературы.

АЛЕКСАНДР САМУИЛОВИЧ КРЮКОВ

Александр Самуилович Крюков – филолог-классик, специалист по римской исторической прозе, доктор филологических наук, профессор.

Окончил классическое отделение филологического факультета Ленинградского университета в 1966 г. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию по классической филологии «Жанр и композиция анналов Тацита» (руководитель А.И.Доватур).

В 2002 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Поэтика исторической прозы Тацита».

Печатался в «Вестнике древней истории», журналах «Нева» (СПб), «В мире книг», «Волга» (Саратов), «Подъем» (Воронеж), «Филологические записки» (Воронеж) и в других изданиях.

В 1997 г. выпустил монографию «Летопись первого века», в 2010 г. – сборник критических статей «Пушкин выпил со старушкой».

В настоящее время работает на кафедре истории русской литературы, теории и методики преподавания литературы Воронежского государственного педагогического университета. С 1996 г. является организатором и неизменным председателем оргкомитета международных конференций «Эйхенбаумовские чтения», ответственным редактором сборников, содержащих материалы конференций.

Публикуем воспоминания А.С.Крюкова об Аристиде Ивановиче Доватуре.

АРИСТИД ИВАНОВИЧ ДОВАТУР

Аристид Иванович Доватур (23 октября (5 ноября) 1897, Рени, Бессарабской губернии – 17 марта 1982, Ленинград) – историк античности, филолог, доктор исторических наук, профессор.

Окончил историко-филологический факультет Саратовского университета, преподавал в Саратовском и Ленинградском университетах В 1937 г. осужден

за контрреволюционную пропаганду на 10 лет, освобожден в 1947 г., полностью реабилитирован (за отсутствием состава преступления) в 1955.

В 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Научный и фольклорный стиль Геродота», в 1964 г. – защитил докторскую диссертацию «Политики Аристотеля». С 1958 по 1971 г. заведовал кафедрой классической филологии филологического факультета ЛГУ.

Переводческую деятельность начал в 1925 г., переведя с древнегреческого языка роман Ахилла Татия Александрийского «Левкиппа и Клитофонт», затем в 1932 г. осуществил перевод двух книг Гелиодора «Эфиопика».

Опубликовано свыше 130 его работ. Основные из них: «Повествовательный и научный стиль Геродота» (1957); «Политика и Политики Аристотеля» (1965); «Рабство в Аттике в VI–V вв. до н. э.» (1980); «Феогнид и его время» (1989).

НАСТАВНИК

Я помню год, месяц, число, даже часы нашей первой встречи: 1 сентября 1960 г., вторая половина дня, скорее всего, около четырех часов, когда все занятия в университете кончились и корпус был непривычно пуст в этот первый день нового учебного года.

Билеты на ленинградский поезд удалось достать с большим трудом, да и тот приходил в середине дня. Поэтому я пропустил свои первые университетские занятия, но решил непременно зайти на факультет, чтобы узнать расписание. Отыскав в малознакомом еще здании (это потом оно станет родным и близким) кабинет классической филологии, я робко открыл дверь и, поздоровавшись, начал что-то лепетать о поезде, занятиях, расписании.

В кабинете находились двое: женщина средних лет (как оказалось, лаборант кафедры милейшая Ольга Самойловна) и странный, необыкновенно подвижный человек, показавшийся мне тогда достаточно строгим и достаточно старым. Я еще ничего не успел рассказать и спросить, как этот человек, приблизившись ко мне, вытянул в мою сторону указательный перст и не без пафоса произнес: «Вот он, Крюков, пятый!».

Передо мною стоял кругленький, круглоголовый, уже в возрасте человек (как выяснилось чуть позже, заведующий кафедрой классической филологии Аристид Иванович Доватур) и, не опуская указующе-осуждающий перст, строго сообщал, что все мои однокурсники в количестве четырех человек на занятиях по греческому языку присутствовали.

– А Вы? Где были Вы?

Я кратко изложил свою железнодорожную эпопею и тут же был прощен. Осуждающий перст опущен. По указанию Аристида Ивановича мне был тотчас выдан учебник древнегреческого языка Соболевского и строго наказано учить алфавит, о котором я имел весьма смутное представ-

ление, помня со школьных времен лишь четыре буквы: «альфу», «омегу», знаменитую «пи» и почему-то «дельту». На этом мои познания в греческой азбуке заканчивались.

Аристид Иванович весьма сурово, но в глазах я заметил лукавство, предупредил, что, если я не освою греческую азбуку, меня непременно покарает Зевс. И тут его указующий перст для убедительности оборотился на Зевса. Лишь тогда я заметил, что четвертым, кроме меня, лицом в кабинете был большой бюст Зевса, стоявший в простенке между окон и как будто обративший на меня внимание.

Познакомив, таким образом, меня со всеми присутствующими, Аристид Иванович открыл портфель, который был не намного моложе своего хозяина, и протянул мне книгу: «Это Вам! У нас такая традиция, всем, кто поступает к нам на кафедру, я дарю книги».

Впервые в жизни я держал книгу на латинском языке и, честно говоря, не знал, что мне с ней делать. Это была поэма Лукреция «О природе вещей».

– Когда-нибудь дорастете и до Лукреция, — успокоил меня Аристид Иванович. Открыв книгу, он прочитал обращенную ко мне надпись, сделанную четким и аккуратным почерком: «Laboremus! – Давайте работать!». Под надписью стояла дата – «1.09.1960».

С этого дня (тогда я этого не понимал, подобно многим своим однокашникам) началась для меня новая жизнь, освященная вниманием, заботой и любовью нашего нового наставника.

Справедливости ради скажу, что отнюдь не всегда был хорошим учеником, в таких случаях Аристид Иванович грустно замечал: «Друг мой, Вы мне не нравитесь» – или еще короче – «Я Вас не люблю».

Непривычно и странно читать о человеке, которого знал почти четверть века, с которым постигал основы греческой грамматики и греческой политической мысли, с которым от первого до последнего стиха прочел «Антигону» Софокла и многих других греческих и латинских писателей, который за день до смерти написал рецензию на мою первую работу по классической древности, и статья была напечатана в академическом журнале благодаря отзыву Аристида Ивановича.

Радостно читать о человеке, который наставлял и поддерживал в самые трудные минуты жизни, с безупречной аккуратностью отвечал на письма (качество, почти утраченное в наше время) и радовался сам полученному письму. Он был столь добрым, простым и (как нам казалось тогда, хотя мы уже многое знали о своем учителе) понятным, что невольно удивляешься, как мог этот человек настолько сохранить в себе все лучшее, чем наградила его природа.

Аристид Иванович умер 17 марта 1982 года. С его смертью ушла эпоха, еще не понятая и не осознанная нами до конца, ушел не передаваемый

по наследству дух времени и дух поколения, о котором хорошо написала Марина Цветаева:

До последнего часа
Обращенным к звезде –
Уходящая раса
Спасибо тебе!

Петербургский историк А.Н.Васильев выпустил замечательную книгу: «Аристид Иванович Доватур. Документальное наследие ученого в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН» (СПб., 2000). Длинный и обстоятельный подзаголовок не должен смущать, он отвечает нормам академической науки. Читатель получил редкостную для наших дней возможность познакомиться с архивом (точнее с описанием архива) человека, который вошел в отечественную и мировую науку, в историю и литературу XX столетия.

Вошел как автор превосходных работ о греческом поэте и законодателе Солоне, монографиями об отце истории Геродоте и философе Аристотеле, превратив «свой личный жизненный опыт в инструмент исторического исследования».

Вошел как автор блестящей статьи о римском государственном деятеле и писателе Юлии Цезаре, статьи, написанной в советском концлагере, когда в распоряжении автора был только текст Цезаря.

Вошел как первоклассный переводчик греческих и латинских писателей.

Вошел как удивительный наставник и неподражаемый учитель: «Я Вам бесконечно благодарен за Верочку. Привить интерес к греческому языку на первом году обучения может только художник» (Из письма академика Д.С.Лихачева А.И.Доватуре. Верочка – дочь Д.С.Лихачева – А. К.)⁵.

Вошел поразительным подвижническим трудом: будучи уволенным из Ленинградского университета и работая в Институте истории, Аристид Иванович с 1971 года до самой смерти – 11 лет – выполнял полную профессорскую нагрузку в Университете *gratis* – безвозмездно и руководил студенческим научным кружком.

Вошел как человек с удивительно цельным мужественным характером и безупречной честью:

«Вот профессор Аристид Иванович Доватур – чем не чудак? Петербуржец, румыно-французского происхождения, классический филолог,

⁵ Письма Д.С. Лихачева, С.А.Поповой, М.Е.Сергеенко, фрагменты воспоминаний и дневника А.И.Доватура, документы из его архива приводятся по книге А.Н.Васильева.

отроду и довеку холост и одинок. Оторвали его от Геродота и Цезаря, как kota от мясного, и посадили в лагерь. В душе его все еще – недоистолкованные тексты, и в лагере он – как во сне. Он пропал бы здесь в первую же неделю, но ему покровительствуют врачи, устроили на завидную должность медстатистика, а еще раза два в месяц не без пользы для лагерных свеженабранных фельдшеров поручают Доватуру читать им лекции! Это в лагере-то – по латыни! Аристид Иванович становится к маленькой досочке – и сияет как в лучшие университетские годы. Он выписывает странные столбики спряжений, никогда не маячившие перед глазами туземцев, и от звуков крошащегося мела сердце его сладострастно стучит. Он так тихо, так хорошо устроен – но гремит беда и над его головой: начальник лагеря усмотрел в нем редкость – честного человека. И назначает ... завпеком (заведующим пекарней)! Самая заманчивая из лагерных должностей! Завпеком – завжизню! Телами и душами лагерников послан путь к этой должности, но немногие дошли. А тут должность сваливается с небес – Доватур же раздавлен ею. Неделю он ходит как приговоренный к смерти, еще не приняв пекарни. Он умоляет начальника пощадить его и оставить жить, иметь нестесненный дух и латинские спряжения! И приходит помилование: на завпека назначен очередной жулик» (А.Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. Глава 18. «Музы в ГУЛАГе»).

Трудно представить, о чем думал, как чувствовал себя Аристид Иванович, отказываясь от хлебной должности завпека. Может быть, об отце, расстрелянном чекистами; о матери, которой он строго запретил навещать его в лагере, чтобы не волновать ее напрасно; о своих учителях – академиках С.А.Жебелеве и И.И.Толстом, о М.Е.Сергеенко и Я.М.Боровском, которые отваживались с ним переписываться и даже отправляли книги ссыльному другу. Об этом в книге А.Н.Васильева ничего нет, но есть документы, позволяющие уточнить текст А.Солженицына.

Итак, «петербуржец, румыно-французского происхождения». На первый взгляд звучит несколько странно, но, по сути, совершенно верно.

Сам Аристид Иванович с любовью вспоминал о своем родном городке Рени, в Бессарабской губернии, где он родился 5 ноября 1897 г. Семья была многонациональной и многоязычной: «в доме говорили по-французски или по-румынски, греческий язык служил тайным языком взрослых»; русским пользовались реже. Аристид Иванович с юмором рассказывал о возникавших в семье «лингвистических конфликтах». Однажды он услышал, как мама и тетя Лукреция спорили, решая, как правильно написать письмо по-русски: «Мы встретили на улице Вашего папа... нет, нет: Ваш папа или Вашу папу?». После некоторой паузы Аристид услышал возглас: «Лукреция, я знаю: «Мы встретили на улице Ваше-

му папу». Взрослые так ничего не решили и обратились за консультацией к юному Аристиду.

Жизнь семьи обретает историческую значимость, ее судьба – одна из трагических страниц еще не написанной истории отечественной интеллигенции XX столетия. Вспомним «Белую гвардию» Михаила Булгакова: «Мать сказала детям: «Живите». А им придется мучиться и умирать!».

После Рени Аристид Иванович попадает в Варшаву, где служил его отец, и продолжает образование в Первой русской гимназии. К знакомым с детства французскому, румынскому, новогреческому и русскому языкам добавляются польский, немецкий и латинский. Так постепенно уже в юношеском возрасте закладывается база прочных гуманитарных знаний.

Начавшаяся мировая война – первое испытание для семьи: отец – Иван Михайлович Доватур отправляется в действующую армию, мать с сыном перебираются в Саратов, где, закончив гимназический курс, он поступает на историко-филологический факультет сначала Киевского, а потом открывшегося Саратовского университета, тесно связанного в те годы с университетом Петроградским. Тогда там работали В.М.Жирмунский, впоследствии академик, Макс Фасмер, приват-доцент Петроградского университета, позднее принужденный уехать из Советской России и создавший в Германии самый обстоятельный «Этимологический словарь русского языка». Кроме них непосредственными учителями Аристида Ивановича были С.И.Протасова, С.В.Меликова, М.Е.Сергеенко, профессор В.Я.Каплинский, который в 30-е гг. работал в Воронеже. Аристид Иванович любил вспоминать семинарские занятия с Василием Яковлевичем, на которых читали римского историка Тацита. Если в тексте встречался какой-то трудный для понимания и перевода пассаж, Василий Яковлевич грозно спрашивал: «А как это перевести по-русски? – и неизменно замечал: – А черт его знает, как это перевести!».

После чего следовало подробное объяснение и перевод самого Василия Яковлевича, который всегда завершался словами: «Хотя, можно еще подумать!».

На первом году моей аспирантуры Аристид Иванович дал мне задание, сначала показавшееся странным: перевести с латинского языка начальные 10 параграфов из «Анналов» Тацита. Задание удивило: только что появился новый перевод А.С.Бобовича, да и старый перевод, выполненный В.И.Модестовым во второй половине XIX в., был хорошо знаком. «А Вы подумайте, как лучше передать латинский текст, – заметил мой руководитель, прочитав на лице недоуменный вопрос, – меня не все устраивает в новом переводе». Тоненькую школьную тетрадку с переводом А.И. внимательно прочитал, что-то поправил, что-то разъяснил, что-то подчеркнул, а кое-где оставил знаки вопроса. Когда теперь тетрадка

попадаетея на глаза, задумываюсь – читает ли кто-нибудь столь же заинтересованно и пристрастно работы (даже, в сущности, не работы, а черновые материалы, заметки) своих учеников?

В те годы, когда сын постигал Гомера и Тацита, отец – кадровый офицер – оказался заложником бездарно-бездумной российской военной машины.

Отец: «Русский комендант Найденбурга полковник Доватур только случайно, от телеграфиста, узнал, что армейский штаб из города уехал, последние уезжают сейчас, телеграф снят. А ему – никто не оставил распоряжений. За делами стратегическими о нем забыли». (В оставленный русскими войсками Найденбург вступает немецкий корпус под командованием генерала Германа Франсуа – А.К.).

«Перед отелем генералу представились вместе немецкий бургомистр и русский комендант. Комендант доложил об окончании своих обязанностей, о состоянии госпиталей, складов немецкого же снаряжения и устройстве военнопленных. Бургомистр высоко оценил деятельность коменданта по сохранению порядка в городе, жизни жителей и их имущества. Генерал поблагодарил коменданта и просил его избрать себе команду, где и самоограничиться в качестве тоже военнопленного. И еще переспросил его фамилию.

– Доватур, – доложил полненький, черненький полковник.

Рыжие брови Франсуа подвижно отозвались.

– А зовут?

– Иван, – улыбнулся полковник.

Еще больше взвились брови Германа Франсуа и в созерцательную усмешку сложились губы.

Два рассеянных семени аристократической Франции двух времен ее несчастной эмиграции, гугенотской и бурбонской, на минуту встретились на краю Европы, один отдал рапорт, другой отпустил его под арест» (А.Солженицын. Август четырнадцатого).

Сын, поступив в университет, начинает прилежно изучать историю французского абсолютизма, приведшего страну к революции. Однако чтение латинских авторов, занятия древнегреческим языком меняют его привязанности, и окончательный выбор остается за классической филологией, историей классических древностей, где юный Аристид Иванович пытается отыскать истоки и корни современной ему политики и цивилизации.

Трагическая гибель отца не помешала Аристиду Ивановичу завершить образование. Студенческие годы не были легкими, сытыми, беззаботными, но они были праздничными: «Насчет ощущения праздничности, которое испытывал студент нашего поколения, переступая порог университета, – Вы вполне правы. Университетские будни были, ко-

нечно, для нас праздником» (Из письма А.И.Доватура Е.А.Миллиор от 21.03.1948 г.)⁶.

В 1921 г. Аристид Иванович оканчивает Саратовский университет и за сочинение «Личность и деятельность Солона в греческом историческом предании» получает золотую медаль и командировается в Петроград «для продолжения занятий при Петроградском университете». С этого времени становится он петербуржцем.

...Отступление о Солоне. Греческий поэт и государственный деятель Солон провел свои реформы в 594 г. до н. э. Усобицы и гражданские распри терзали Афины. Солон повелел упразднить все долги между гражданами, убрать с земли долговые столбы и воспретил на будущее давать и брать деньги под залог собственного тела, что превращало свободных граждан в рабов. Солон открыл путь к управлению государством всем гражданам, лишив аристократию родовых преимуществ.

Это была революция, но революция бескровная, открывшая Афинам путь превращения в самое демократическое государство классической Греции. Солон установил равенство граждан перед законом и дал право каждому гражданину обращаться в суд.

«Благозаконие, – так называется одна из элегий Солона, – всюду являет порядок и стройность!». Слова Солона, его элегии, его законы равно актуальны в 594 г. до н.э., в 1921 и в наше время.

В Петрограде, помимо аспирантуры, Аристид Иванович заканчивает Высшие курсы библиоковедения, работает в Публичной библиотеке и в Библиотеке Академии наук. Аспирантские занятия дополнялись традиционными для Петербургского–Петроградского–Ленинградского университета (вопреки голоду, революции, террору и гонению на историко-филологическую науку) домашними семинарами, которые обычно проводились в непринужденной обстановке на квартире у кого-либо из известных профессоров и носили название *privatissima*.

Вот как вспоминал Аристид Иванович такие занятия у Ивана Ивановича Толстого. «По субботам, раз в две недели у него на квартире происходили заседания, в которых участвовали только окончившие университеты... Само собой разумеется, читались доклады (работа состояла в чтении и обсуждении докладов)... Руководитель время от времени (притом довольно часто) прерывал читавшего, задавал ему вопросы, предлагая или настоятельно советуя внести в текст исправление или дополнение, вычеркнуть спорное или лишнее. Проверялась точность цитирования, для чего снимались с полки книги – иногда для этого профессор (а впо-

---

⁶ Из писем А.И.Доватура к Е.А.Миллиор // Вестник Удмуртского университета. 1995. Спецвыпуск. С. 56.

следствии академик) становился на стул или даже взбирался на стол (собеседнику это не разрешалось)».

И еще об И.И.Толстом как научном руководителе: «При выборе темы для научных занятий Иван Иванович охотнее всего выслушивал собственные предположения своего молодого собеседника. Его радовала инициатива, самостоятельность, как в выборе темы, так и выработке плана работы. Руководитель был чужд мелочной опеки над ходом научной работы ученика».

Разнообразные академические штудии, литературные интересы, склонность к творчеству сближают Аристид Ивановича с Андреем Николаевичем Егуновым и Александром Васильевичем Болдыревым. Дружеские встречи превращаются в дружеское сотворчество, результатом которого стали переводы на русский язык двух греческих романов: «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия (М., 1925 г.) и «Эфиопика» Гелиодора (1932). В переводе «Эфиопики» (помимо А.Болдырева, А.Доватура, А.Егунова) приняли участие А.Миханков и Э.Визель. Книга вышла в столичном издательстве «ACADEMIA». Переводчики избрали коллективный псевдоним — АБДЕМ, где первая буква «А» означала сокращенное имя автора перевода, а все последующие указывали начальные буквы фамилий участников перевода.

Аббревиатура АБДЕМ стала свидетельством высочайшей переводческой культуры авторов (впервые на русском языке воспроизводились все стилистические тонкости и нюансы греческого оригинала, и свидетельством обвинения).

После убийства С.М.Кирова, которые послужило поводом для открытых репрессий в стране, Аристид Иванович был арестован «как член контрреволюционной группы АБДЕМ» и «в порядке очистки города от социально чуждых элементов» выслан на 5 лет в Саратов. Годы саратовской высылки оказались лишь передышкой перед более суровыми испытаниями.

Со свойственной ему обстоятельностью Аристид Иванович (об этом он всегда рассказывал с улыбкой) приготовил баул, сложив туда все необходимое, но арест в октябре 1937 г. произошел столь внезапно, что арестованного увели без баула и в домашних тапочках. Особое совещание без суда и следствия, без статьи уголовного кодекса осудило А.И.Доватура к лишению свободы на десять лет. Срок достаточный, чтобы вспомнить «благодать» Солоника и задуматься над необыкновенными перипетиями в греческих романах. Позднее, вспоминая годы, проведенные в лагере, Аристид Иванович неизменно замечал: «Я находился там в очень приличном обществе, но слишком продолжительное время».

Освобождение пришло 20 ноября 1947 г., почти совпав с полувековым юбилеем осужденного, из определенных ему 10 лет Аристид Иванович не отсидел лишь 26 дней.

Возвращение в Ленинград было запрещено, он поселяется в Луге – «у ворот Рима», – как выразился сам в одном из писем. С помощью старых друзей выполняет ряд договорных работ для Академии наук – переводит латинские сочинения Ломоносова, Гильберта, Рихмана, принимает участие в переводе на русский язык писем Цицерона. Благодаря хлопотам академика И.И.Толстого Аристид Иванович получает возможность готовиться к кандидатским экзаменам и по особому разрешению бывать в Ленинграде.

Когда человеку уже 50, подготовка требует необычайной сосредоточенности, воли, упорства. И еще подготовка эта требует денег, которых у недавнего лагерника просто не было. Учителя, друзья, родные помогали не только советами, но и книгами, попадавшими в Лугу из крупнейших ленинградских библиотек, деньгами.

Аристид Иванович долго хранил большую конторскую книгу, заведенную в Луге, куда аккуратно вписывались цифры – они означали деньги, которые посылали или передавали известные ученые В.В.Струве, Д.А.Ольдерогге, И.И. Толстой, Д.П.Каллистов, двоюродный брат А.И. – А.Н.Дейч. Впоследствии Аристид Иванович аккуратно отдавал эти деньги, хотя никто не напоминал ему и даже не рассчитывал на их возвращение. Он говорил: «Я возвращаю не деньги, я возвращаю память».

Однажды, вероятно, уже в аспирантские годы, я спросил Аристида Ивановича, сколько же времени потребовалось ему для подготовки к кандидатским экзаменам, и получил абсолютно точный ответ: на подготовку к экзамену по марксистской философии (каково бывшему зеку, узнавшему на практике учение победившего социализма, было осваивать теорию коммунизма?) ушел год; на немецкий язык понадобилось три дня, чтобы подобрать необходимые книги; «к экзамену по специальности я был готов». И когда я выразил недоумение, почему был выбран немецкий язык, А.И., улыбаясь, ответил: «Понимаете, французский принимали люди, которых я сам когда-то учил, мне не хотелось ставить их в неловкое положение».

Ни годы лагеря, ни годы ссылки не смогли уничтожить в этом человеке достоинство, такт, честь. Острее всего переживал он не материальные и физические лишения, не тяжесть лет, проведенных в лагере, острее и больше была постоянная мысль о безвозвратно потерянных, вычеркнутых, лучших и плодотворных годах человеческой жизни.

Об этой трагедии, пережитой не одним поколением, беспощадно написала Ольга Михайловна Фрейденберг – первая в советскую эпоху за-

ведущая кафедрой классической филологии Ленинградского университета, коллега Аристид Ивановича, кузина Бориса Пастернака: «Двадцать пять лет советской власти... для моего поколения это половина жизни. Арифметически. А по существу – ее три четверти, ее наиболее полнокровные жатвенные годы. Ее расцвет. Ее сочная зрелость.

Боже мой! Сколько позади садизма и каторги: для тела, для разума, для лучших человеческих чувств. Сколько страданий и несчастий всех кулёров (франц. *couleur* – цвет, оттенок – А.К.), какие только могли придумать мозги преступников. Чистки, слежка, преследования, маскировка зла под ангельскую чистоту, удушение заживо людей, науки, искусства. Но самое нестерпимое – это торжество негодяев на всех поприщах, но самое убийственное – расцветка порока под самое дорогое на земле...

Когда читаешь Светония, не веришь его правдивости. Считаешь, что он или Тацит сгущали краски. Что не могло быть таких развратников и негодяев, какими они изображали своих современников, особенно Цезарей и придворных.

Ужасна была деморализация наших людей, проходивших 25 лет горнила чеки, доносов, голода и нищеты. Экзамен по морали был сдан на балл ниже нуля⁷.

Аристид Иванович принадлежал к числу людей, которые блестяще сдавали не только академические экзамены, они выдержали самое главное испытание жизни — экзамен на звание Человека, оставаясь свободными в абсолютно несвободных нечеловеческих условиях.

...Отступление об экзаменах, или Как их принимал Доватур.

Не помню случая, чтобы Аристид Иванович поставил неудовлетворительную оценку. Даже если экзаменуемый проявлял полную неосведомленность, экзаменуемый предлагал ему прийти еще раз, добродушно замечая: «Вам сегодня не повезло».

Однажды мой сокурсник на экзамене по специальности никак не мог справиться с переводом действительно трудного пассажа из письма Плиния Младшего, запутавшись в причастных оборотах. Аристид Иванович, словно забыв об экзамене, со светской любезностью обратился к нему: «Позвольте Вам помочь, друг мой». Переведя, разъяснив и прокомментировав вызвавший затруднение текст, экзаменатор удовлетворенно закончил: «Теперь, надеюсь, Вам все понятно».

Обычно же экзамен по специальности превращался в веселое соревнование, все стремились получить отличную, либо хорошую оценку, чтобы заслужить похвалу нашего Учителя. Завершался экзамен традицион-

---

⁷ Фрейденберг О.М. Осада человека / Публикация К. Невельского // Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. № 3. С. 33.

ной раздачей подарков. Особо отличившиеся получали в качестве презента тетради, ручки, книги или угощались кофе со сладостями.

На четвертом, по-моему, курсе у нас возник конфликт с лектором, читавшим историю советской литературы П.С.Выходцевым – личностью малосимпатичной, одиозной и ортодоксальной. Итогом конфликта стал экзамен, который принимала представительная комиссия из 3 или 4 человек. Выйдя после экзамена из аудитории, я увидел ожидавшего меня А.И., который, поняв по моему лицу, что все завершилось благополучно, воскликнул: «Друг мой, Вы не уронили честь нашей кафедры». После чего я был приглашен на кофе с пирожным.

Мы знали привычку А.И. ходить на экзамены к своим коллегам, чтобы помочь тем, кто принимал экзамен, и тем, кто его сдавал. Студенты других отделений иногда начинали волноваться, как это случается всегда, когда приходит кто-то посторонний да еще в ранге заведующего кафедрой. Волнение, однако, быстро прекращалось, и устанавливалась своеобразная очередь, чтобы отвечать именно А.И. Однажды на экзамене по античной литературе, где присутствовал Аристид Иванович, студент весьма бойко рассказывал о политической комедии Аристофана. Принимавшая экзамен Н.А.Чистякова задала традиционный в таких случаях вопрос: «Какая из комедий Аристофана наиболее ярко выражает литературные пристрастия автора?» Наступила почти мхатовская пауза. И тут Наталия Александровна обратила внимание, как сидящий рядом А.И., пристально глядя на молчащего студента, стал медленно произносить «ква – ква – ква...».

– «Лягушки!» – радостно выпалил студент. На том все и закончилось.

Не было случая, чтобы Аристид Иванович отказался кого-то проконсультировать, проверить перевод (часто перевести заново или отредактировать!) как с новых европейских языков, так и с классических – древнегреческого и латинского. Однажды я с несказанным удивлением наблюдал, как А.И., будучи уже и заведующим кафедрой и профессором, помогал студенту-заочнику выполнить контрольную работу по латинскому языку. Он консультировал студентов и аспирантов не только нашей кафедры, консультировал кандидатов и докторов наук, сотрудников различных академических институтов: филологов, историков, правоведов, философов, искусствоведов, археологов. Два слова «Аристид прочитал», «Аристид одобрил», «Аристид похвалил» – становились наградой, вызвали желание работать, побуждали к дальнейшим размышлениям, помогали жить.

В академических вопросах Аристид Иванович был принципиален, суров и строг. Запомнились два его высказывания. Одно – по поводу чьей-то статьи или диссертации: «От этой работы пахнет тремя бес-

сонными ночами, черным кофе и табаком». В другой раз, слушая доклад, основанный на работах сотрудников Института истории, А.И. неожиданно перебил докладчика возмущенным вопросом: «Откуда Вы все это знаете?». Не ожидавший подобной реакции докладчик тут же ответил: «Об этом подробно пишут Ваши коллеги по Институту! – подразумевая, видимо: – Разве Вы их не читали?» – «А Вы им не верьте, обратитесь лучше к источникам – ad fontes!».

Это крылатое выражение я услышал от А.И. на I курсе и много позже осознал: для него оно было не просто латинской пословицей, оно являлось принципом научной работы – ничего не брать из вторых и третьих рук, а всегда обращаться к первоисточникам. Этому же он учил и нас, учил с I курса.

Возвращаясь, однако, к прерванному повествованию, как выражался в подобных случаях римский историк Тацит.

Существование в Луге было для Аристида Ивановича окном в жизнь, постепенно растворяющимся благодаря поддержке учителей и друзей, а также строжайшей самодисциплине, самоограничению, неукротимому желанию вернуть и восполнить отнятое. От лагеря осталась привычка быстро и аккуратно расправляться с любой едой, ничего не оставляя на тарелке. Нас, юных несмышленишей, это удивляло и поражало. По студенческому преданию, даже если это легенда, она имеет основу в реальной жизни, в Луге Аристид Иванович заведовал соляным складом. По крайней мере, мой старший товарищ Никита Шебалин, побывавший в Луге лет через 15 после него, рассказывал о встречах с людьми, получавшими соль на складе у Доватура.

Отказ от всего, кроме книг, живое общение с людьми, редкие (по специальному разрешению) поездки в Ленинград с неизменным обходом букинистов в поисках греческих и латинских авторов скрашивали существование в Луге. В 1952 году после десяти лет лагеря и фактической пятилетней ссылки Доватур защищает кандидатскую диссертацию, позднее вышедшую отдельной книгой «Повествовательный и научный стиль Геродота». Приведу лишь одно положение из книги А.И. и комментариев, сделанный другим моим учителем – А.И.Зайцевым.

А.И.Доватур пишет: «Наблюдения над обыденной речью приводят к заключению о том, что умение излагать просто, ясно, деловито, последовательно, без прикрас и необоснованных отклонений приходит не сразу: оно предполагает известную вышколенность ума и предварительное усвоение определенных навыков».

А.И.Зайцев комментирует: «Факт бесспорный, отлично известный лингвистам. В подтверждение его Аристид Иванович мог бы легко сослаться на авторитетнейшие источники. Между тем мы не находим

у Аристида Ивановича, всегда тщательно цитирующего своих предшественников, подтверждающей ссылкой. Причина здесь в том, что это общеизвестное положение, если бы оно было просто воспринято Аристом Ивановичем со стороны, едва ли бы дало ему ключ к раскрытию истоков стиля Геродота. Сформулированное Аристом Ивановичем положение о трудности овладения простой ясной речью явилось для него, конечно, результатом его личного опыта. Нужно было многие годы размышлять об особенностях стиля Геродота, нужно было изо дня в день страдать от беспомощности и письменной и устной речи малообразованных людей и, самое главное, нужно было суметь соотнести друг с другом эти принадлежащие как бы к двум разным мирам факты».

Аристид Иванович видел в Солоне и Геродоте не античных авторов, отделенных от нас тысячелетиями, он видел в них живых людей, размышляющих о тех самых вопросах, которые волнуют нас в начале XXI в. Он видел человека в каждом, с кем его сталкивала судьба, и стремился понять каждого. Он любил Солона и Геродота, писал о них так, словно и Солон, и Геродот были нашими современниками, добрыми знакомыми. Отсюда особый аромат, особая аура в работах Аристида Ивановича, то, что Л.Я.Гинзбург называла интимным отношением к материалу, т. е. к предмету исследования.

8 декабря 1953 г. академик И.И.Толстой отправляет письмо ректору Ленинградского университета А.Д.Александрову: «Обращаюсь к Вам с большой просьбой – допустить Аристида Ивановича Доватура к преподаванию в нашем Университете, на классическое отделение филфака. А.И.Доватура, учившегося у меня в свое время, я давно и хорошо знаю как замечательного преподавателя и подлинного, чрезвычайно солидного ученого, обладающего широким научным кругозором. Поэтому я горячо поддерживаю перед Вами ходатайство о нем античной кафедры. Совсем недавно он блестяще защитил кандидатскую диссертацию, а одним из ценнейших качеств, характеризующих его преподавание, следует признать его умение быть “доходчивым”, нисколько не снижая научного уровня лекции или практикума...».

Путь в университет, однако, был открыт не письмом академика члену-корреспонденту и ректору, а другим документом, полученным Аристом Ивановичем в марте 1955 г.: «Верховный суд СССР, рассмотрев по протесту Генерального Прокурора СССР дело, по которому Вы осуждены в 1937 г., прекратил его производством за недоказанностью обвинения. Вы полностью реабилитированы».

В сентябре 1955 Аристид Иванович возвращается в университет, с сентября 1957 г. становится заведующим кафедрой классической филологии. Лучшего подарка к собственному 60-летию он едва ли ожидал.

Сохранился дневник Аристида Ивановича, охватывающий годы его правления (1957–1971) – лучшие годы кафедры классической филологии во второй половине XX века. Часть текста на французском языке. Общий объем дневника поражает – тысяча двадцать пять листов!

А.И. Доватур. «Дневник по заведованию кафедрой» (приведу лишь некоторые записи – А.К.).

Пятница. 6 ноября 1959 года. «Не найдя своих учеников V курса, которые должны заниматься в 9–11 ч. утра, я ходил по коридору и узнал, что I курс филологов-классиков ожидает С.В.Полякову, которая не пришла. Поэтому я занимался с ними греческим языком».

Вторник. 21 февраля 1961 года. «Получил бумагу – предлагается дать ответ, кто из членов кафедры какие связи имеет с зарубежными учеными. Бумага будет обсуждена завтра на заседании кафедры...».

Пятница. 2 июня 1961 года. «Занятия МПВО (если мне не изменяет память, эта аббревиатура означает – Местная противовоздушная оборона – А.К.) – врач объясняла, как нужно оказывать скорую помощь, с практическими занятиями (4–7 ч.)».

Пятница. 23 июня 1961 года. «Сдал зачет по МПВО (2–3 ч.)».

Суббота. 25 ноября 1961 года. «Был в институте растениеводства, где беседовал с заменяющей находящегося в отпуске ученого секретаря института Е.А.Кочетовой о предстоящем чествовании Марии Ефимовны Сергеенко (М.Е.Сергеенко – учитель, коллега и друг А.И. – А.К.). Потом мы пошли в кабинет, где работали две сотрудницы Николая Ивановича Вавилова еще по Саратову. Одна из них показала мне свою печатную работу, в которой она ссылается на перевод Феофраста, сделанный Марией Ефимовной. Она же вспомнила, что Николай Иванович, в кабинет которого сотрудники входили в любой час, запрещал беспокоить его только в те часы, когда он занимался с преподавателем латинского языка, а это была Мария Ефимовна Сергеенко».

Понедельник. 1 июня 1963 года. «Медицинские процедуры я пропустил, т. к. Д.П.Каллистов возил Александра Исаевича Солженицына и его супругу Наталию Алексеевну, а вместе с ними и меня, в Зеленогорск с заездом в «Пенаты» Репина. Начал знакомиться с присланным мне из издательства Московского университета трудом С.И.Радцига «Введение в классическую филологию»».

Четверг. 23 апреля 1964 года. «Прозкзаменовал в перерыве между занятиями одного студента немецкого отделения по истории античной литературы. Заседание Ученого совета факультета – я защищал свою докторскую диссертацию на тему «Политии Аристотеля» (5–8 ч.)».

Понедельник. 12 апреля 1965 года. «Вечером ездил в общежитие студентов – принимал домашнее чтение по Ксенофонту у студентов II к. классического отделения – В.Пизане (больна, нога в гипсе) и В.Вильцане».

Вторник. 13 мая 1969 года. «Утром до ухода в университет недолго занимался рабством. Занятия с I курсом прошли нормально. V курс – была конференция вместо занятий. Перед диссертацией В.В.Каракулакова – длительная беседа с Ю.В.Откупщиковым об успеваемости на I курсе. В промежутке между защитой и шмаусом (немецкое Schmaus – пиршество, здесь банкет – А.К.) – дома очень недолго занимался Феогнидом, Геродианом и составлением программы завтрашнего заседания кафедры».

Сдав благополучно первую сессию, перед отъездом домой я пришел попрощаться с Аристидом Ивановичем. Он поздравил меня и взял обещание – непременно написать, как и чем буду заниматься на каникулах. Сохранился обстоятельный ответ Аристида Ивановича, требующий необходимых пояснений. Без них письмо не понять. Напомню: пишет заведующий кафедрой студенту I курса!

« Дорогой Саша.

Получил (вчера) Ваше воронежское письмо – воронежское не только по месту своей отправки, но и по духу, местному патриотизму, вложениям (вложения – набор открыток с видами Воронежа – здесь и далее комментарии А.К.).

Прежде всего, благодарю Вас за то, что Вы меня не забыли. Ученикам (а студенты – те же ученики) свойственно, попав домой, забывать или, вернее, выбрасывать из поля своего сознания всё, что связано со школой, обучением, обучающими. Я очень рад, что Вы не поддались этому трафарету.

Прежде чем перейти к разбору Вашего письма (т.е. к составлению комментария к Вашему письму) сообщу новость, которая, впрочем, не совсем является новостью для Вас. Т. Т. (в официальных случаях А.И. всегда использовал традиционное советское именование «товарищ») Иванов и Исаев покинули классическое отделение. На их заявлениях об уходе красуются три нужные подписи: отпускающего (т. е. моя), принимающего (т. е. Э.О.Каратаевой), высшего (т. е. декана – Б.А.Ларина). Всё прочее – формальности. Таким образом, двери классического отделения широко раскрыты для столь любезной Вашему сердцу геологички и не столь любезного моему сердцу юноши с вечернего отделения. Могу себе представить Ваше ликование!

(Геологичка – это Леночка Клепикова, которой я со своей будущей женой помогли перейти с геологического на филологический факультет. Лена успешно закончила университет, позднее в 70-е годы вместе с мужем, критиком Владимиром Соловьевым эмигрировала в США, где они вдвоем выпустили несколько книг о советских и российских государственных деятелях – чтение весьма занимательное, особенно, для американского обы-

вателя. Нелюбезный Аристиду Ивановичу юноша, как вскоре выяснилось, был тесно дружен с первым отделом и получил в нашем кругу ласковую кличку «Витюля», вероятно потому, что ласково приглядывал за нами и нашими старшими коллегами).

Ваше письмо. Во-первых, Вы отоспались. Приветствую это состояние.

(Желание выспаться стало преследовать меня после первых двух недель университетской жизни. Времени катастрофически не хватало, его надо было как-то делить между университетом, филармонией, театром – в первую очередь БДТ, – «Публичкой», где, по тогдашним моим представлениям, можно было прочитать все, и Городом, который становился знакомым, близким, осязаемым.

Сфинксы у Академии художеств – вот они, можно постоять рядом, а при желании потрогать. «Исакий в облачении из литого серебра» – не миф, не литература – хорошо виден из 10 аудитории. Эрмитаж с поразившими навсегда жестоко-жесткими лицами римских императоров и Роденом на третьем этаже. «Всадника длань в железной перчатке»; Сенная, еще хранящая запахи 19 в.; оснеженные колонны и Елагин мост... В университетскую библиотеку, где регулярно встречался с Аристидом Ивановичем на выставке новых книг, путь проходил по второму этажу главного здания:

Коридор Петровских Коллегий
Бесконечен, гулок и прям.
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там).

Город входил в меня, я читал и впитывал Город. И все-таки первое место занимал университет. Ежедневные семинарские занятия (8 часов латинского, 6 часов греческого, 6 часов немецкого в неделю) оказались поначалу делом непривычно трудным, требуя подготовки, времени, внимания, иного ритма жизни. После филармонии или театра садились за книги почти все мои однокашники. Помогали молодость и первое мое ленинградское пристанище – в двадцати минутах ходьбы от университета. Будильника не было. Роль будильника исполнял сосед четырех или пяти лет от роду. Каждое утро он исправно заходил в комнату, где я спал, и, забравшись ручонками ко мне под одеяло, радостно верещал: «Дядя Шаша, я в шадик ухожу». Дома я оказался без будильника, совершенно в ином ритме, словно попал в другой часовой пояс).

Дни летят быстро, – продолжает А.И., – это значит, что они хорошо заполнены (в известную пору жизни хорошо заполненными можно считать даже дни, целиком или частично заполненные пустотой).

Одиночество и книги. (Скорее всего, я писал, что наконец-то остался один на один с любимыми книгами, поскольку в Ленинграде у меня почти не было возможности побыть одному и почитать в свое удовольствие Блока).

*Первое вызывает у меня недоумение – разве Вы не дома? Или Вы считаете родственников особыми существами? Книги – хорошо, но кое-что в Ваших словах мне не понравилось. (Для убедительности, как я теперь понимаю, с чисто дидактическими намерениями А.И. добавляет по-латыни – *minime placuit*, – чтобы не забывал способы образования латинского перфекта и усвоил ходячее латинское выражение). Вы говорите только о поэзии (Блок), как будто книга и сборник стихов – синонимы. Во-вторых, одной высказанной Вами мысли одобрить не могу: «да и не предугадаешь, что захочется почитать через час или два» – Кто это пишет? Никак не филолог. Так может говорить поэт, фантаст, дилетант и т. подобный. В Вашем возрасте человек должен утром знать, чем он сам заполнит свой день (ведь у Вас сейчас нет расписания обязательных занятий и т. под.).*

За снимки благодарю. Они дают мне некоторое представление о Воронеже, в котором есть красивые здания и даже красивые ансамбли. Во всяком случае, о парадном Воронеже Ваши снимки говорят достаточно красноречиво (само собой разумеется, есть и непарадный Воронеж).

Нахожу в своей памяти еще одно место, которое может быть направлено против Вас, но уже не как воронежского ультра-патриота, а как любителя чтения стихов в полулежащем состоянии на диване. «Я люблю умственные наслаждения – чтение, театр, – но значит ли это, что я люблю умственный труд?» – так говорит один из героев Чехова. Подумайте над этим. Кончаю. Скоро увидимся.

Ваш А. Доватур»

Пытаюсь отформулировать простую мысль: чему же он учил? Учил радости жить, радости узнавать новое, радости человеческого общения. При всей своей мягкости, доброте, отзывчивости Аристид Иванович учил стойкому гуманистическому миропониманию. Стремился сохранить, упрочить разрушенную и разрушаемую гуманистическую традицию. В книгах и статьях Аристид Иванович никогда не пытался определить собственный научный метод, он его блестяще демонстрировал на конкретном историческом, фольклорном, литературном материале, учил бережно относиться к традиции и делать сноски.

Маленькое отступление о сносах в научной работе. В реферате диссертации Аристид Иванovich первоначально не было ни одной ссылки на классиков марксизма-ленинизма и творения отца народов, что в 1952 г. было совершенно недопустимо. Все советы сделать необходимые ссылки он вежливо отклонял. И.И.Толстой, приложивший много сил, чтобы бывший лагерник мог защитить диссертацию, уговаривал его сделать необходимые ссылки: «Ну, Аристид Иванovich, дорогой, ведь это же у них как «Осподи, помилуй, Осподи..., Осподи...». Требуемые ссылки в автореферате все-таки появились, но были убраны все ссылки на труды предшественников, т.е. все указания на предшествующую научную традицию были исключены. Как точно заметил в связи с этим А.К.Гаврилов, Аристид Иванovich не пожелал «смешивать строителей будущего с исследователями прошлого». Это не было фрондерством бывшего заключенного, это было позицией исследователя, хотя многие продолжали уснащать свои опусы ссылками на классиков марксизма даже тогда, когда это перестало быть «патентом на благородство».

В сущности своей метод Аристид Иванovich – это традиционный историко-филологический метод, восходящий к эллинистической традиции, освоенный эпохой Возрождения, проверенный рационалистическим XVIII в., не поколебленный скепсисом века XIX и блестяще развитый отечественной историко-филологической школой века XX. Совершенствуясь, изменяясь, критически осваивая все наиболее ценное, что было создано мировой гуманистической традицией, метод пережил более двух тысячелетий, доказав свою жизнеспособность. Суть метода Аристид Иванovich формулировал в разных аудиториях: «Историк без филологии витает в воздухе, филолог без истории прижат к земле». Каждое явление может быть понятно и истолковано только в широком историко-литературном, либо историко-культурном контексте. Поэтому такое, в общем-то, скучное занятие, как объяснение латинского перфекта, сопровождалось у Аристид Иванovich занимательным историческим анекдотом о Наполеоне, сумевшем в нужном случае в нужное время правильно употребить латинское речение. Комментарий солоновской элегии «Саламин» дополнялся стихами Осипа Мандельштама:

Собирались эллины войною
На прелестный остров Саламин –
Он, отторгнут вражеской рукою,
Виден был из гавани Афин.

Перед нами сопрягались история, география, грамматика и политика, древние Афины и отечественная поэзия. Цивилизационный путь,

о котором вдруг стали так много говорить, становился удивительно наглядным, обретал историческую перспективу.

На каких-то занятиях, или в перерыве между ними (ведь перерыв тоже можно использовать в дидактических целях) услышал от Аристида Ивановича строки из поэмы Андрея Белого «Первое свидание». Темы занятий не помню, стихи остались навсегда:

Передо мною мир стоит
Мифологической проблемой:
Мне Менделеев говорит
Периодической системой.

Чтение писем Цицерона перерастало у Аристида Ивановича в рассказ о гражданских войнах в Риме, о письме как литературном и историческом источнике, о римских нравах и обычаях, о французском исследователе Гастоне Буасье, написавшем поучительную книгу «Цицерон и его друзья».

Аристид Иванович, следуя средневековой и возрожденческой традиции, любил давать своим ученикам латинские прозвища. Когда мы уже одолели 3 латинское склонение, он тут же перевел мою фамилию на латинский язык, объяснив: «Латинское *cardo* означает “крюк”, следовательно, в средневековом университете Вас бы именовали *Cardinius*».

Одного из выпускников нашей кафедры, успешно подвизавшегося на общественном поприще, отправленного за эти заслуги в заграничную командировку, Аристид Иванович окрестил *Durissimo*. Здесь иронически обыгрывается фамилия Дуров, латинское прилагательное *durus*, что означает «суровый, грубый», суффикс превосходной степени – *issim* и безличное окончание – *o*, которое не может по нормам латинской грамматики быть приложимо к существительному мужского рода. В результате возник чрезвычайно выразительный ядовитый макаронизм – соединение слов и форм русского и латинского языков. Когда на кафедре случалось какое-то выпадавшее из норм событие (независимо хорошее и плохое), Аристид Иванович повторял: «Вот вернется *Durissimo*, у нас запляшут лес и доли!».

Не менее выразительно звучало у него порицание, высказываемое по поводу любого пустого оригинальничания или откровенного фрондерства – «*Non est выпирандум!*». Комизм заключался в том, что к латинскому отрицанию добавлялась образованная от глагола «выпирать» форма, усиленная латинским суффиксом с оттенком долженствования. Видимо, по-русски это лучше всего передать просторечием – «не высовывайся!».

Занятия с Аристидом Ивановичем, особенно в аспирантские годы, редко завершались звонком. Обычно они продолжались, переходя в форму неспешной беседы на Университетской набережной, по дороге к дому нашего наставника. Частенько заходили в книжный магазин, расположенный в начале Невского проспекта, где появлялись периодически произведения греческих и латинских авторов. Аристид Иванович всегда советовал, что необходимо купить, что не только не следует покупать, но даже вредно держать в руках, добавляя для убедительности афоризм, приписываемый известному историку Е.В.Тарле: «Названия отдельных книг и фамилии их авторов следует постоянно держать в уме, чтобы не прочесть по ошибке».

Однажды в магазине старой книги на Литейном проспекте я обнаружил на полочке под прилавком солидную пачку книг, поверх которой лежала записочка: «Для Доватура». Через несколько дней пачка эта появилась у нас на занятиях, и Аристид Иванович провел обряд торжественного вручения книг всем присутствующим, заметив при этом, что довольные могут поменяться между собой подаренными книгами, если подобные у них уже имеются.

Еще несколько штрихов к портрету. Рядом с университетом располагалась сберкасса. Здесь Аристид Иванович аккуратно оплачивал свою комнату в коммунальной квартире за полгода вперед. Как-то в очереди весьма представительная дама, услышав, что кто-то платит заранее за столь продолжительное время, заметила, имея в виду преклонный возраст Аристида Ивановича: «Как Вы можете платить деньги вперед, а если что-нибудь случится?». Аристид Иванович развернулся лицом к даме, сделал галантный полупоклон и совершенно серьезно ответил: «Мадам, если что-то случится, деньги мне уже не понадобятся».

На экзамене студент жалуется Аристиду Ивановичу, что трудно читать учебник И.М.Тронского по античной литературе. «Да, – замечает Аристид Иванович, – это не История античной литературы, это Гробница античной литературы».

Встречаю Аристида Ивановича в академической столовой и на его вопрос, что я собираюсь брать на обед, отвечаю, что еще не решил. Тогда Аристид Иванович громко заявляет кассирше, несмотря на мои протесты, чтобы она посчитала за два обеда, и, наклонившись ко мне, трагическим шепотом произносит: «Друг мой, не будем ссориться перед лицом торжествующего врага!». Вид у него при этом был весьма довольный.

Аристид Иванович любил сладкое, иногда он вел нас в кондитерскую, расположенную в начале Невского. Сперва он обстоятельно производил осмотр, затем выбирал пирожные, стараясь доставить всем ма-

ленькую радость. Как-то, надевая нас сладостями, он положил одному из нас два пирожных и, усмотрев удивление на моем лице, торжественно заметил: «Гаврилову полагается два, у него ведь два ребеночка, а у Вас только один!».

Наставник учил нас думать и чувствовать, по-новому видеть мир, по-иному относиться к людям. Мы, сами не замечая того, становились другими, лучшими, чем были прежде. Осознание встречи с Аристидом Ивановичем как события значительного, может быть, главного в жизни, оставалось почти у всех, с кем сталкивала его судьба.

Мы проходили школу Доватура – академическую, нравственную, эстетическую. Уроки, полученные в этой школе, запоминались навсегда. Свидетельство тому – письма Наставнику, которые он аккуратно сохранял. Приведу лишь одно – письмо Софьи Аполлоновны Поповой.

«Глубокоуважаемый Аристид Иванович!

Уже много лет собираюсь Вам написать, но всякий раз сдерживало понимание того, что письмо незнакомого человека, неделовое, а даже очень эмоциональное вряд ли принесет Вам какое-нибудь удовлетворение. Я сейчас преподаю русский язык в Мурманском педагогическом институте, а в прошлом, в 1932–33 учебном году – Ваша студентка в ЛИФЛИ. Моя фамилия Попова, зовут меня Софьей Аполлоновной. Мне 57-й год. Не за горами конец жизненного пути. Почему же и сейчас я должна сдерживаться, почему не написать просто человеческое письмо. 1932–33 учебный год – это для меня I курс. Вы у нас преподавали древнегреческий язык. Со мной вместе учились Кучинский, Пантелеев, оба в 37 г. арестованные вместе со многими студентами и погибшие, Сорокин Ю.С., ныне доктор филологических наук, Теплов Е.Ф., доцент Петрозаводского университета... Но вряд ли Вы нас помните. Вы не пришли на занятия. Разнесся печальный слух. Моим друзьям и мне было грустно. Поверьте! Меня, может быть, как профорга, «командировали» к Вам на Сенную площадь с Вашими книгами, которые Вы дали некоторым из нас. Нашла Вашу квартиру. Кажется, это был второй или третий этаж. На звонок вышли Вы, провели в свою комнату, где до моего звонка Вы вместе со своими знакомыми укладывали вещи. Кажется, Вам был дан трехдневный срок. Часы, минуты короткие, но Ваш знакомый вышел из комнаты. Вы от книг отказались: «Передайте им же от меня на память!». Вы проводили меня до дверей, поцеловали руку и заплакали или почти заплакали. На лестничной площадке я на минуту задержалась, осмысляя понятное... Виденное в течение нескольких секунд запечатлелось в мозгу, как на фотопленке: тяжелая, безотрадная печаль на Вашем лице, озабоченное, хмурое лицо Вашего знакомого, корректность Вас обоих...

На другой день я Вас встретила в коридорах второго этажа. Я приветствовала Вас и сделала движение в Вашу сторону, но Вы предостерегающе махнули рукой и тихо, явно сказали, чтобы я не подходила. Вы пробирались как-то странно, по стенке... И так отверженный и все-таки заботящийся о других...».

И еще письмо. Письмо человека, учившего Аристиды Ивановича в молодости, позднее ставшего коллегой, другом, человека, наставлявшего и мое поколение – Марии Ефимовны Сергеенко – талантливого исследователя римской цивилизации, превосходного переводчика.

«Дорогой Аристид, Вы знаете, что я не охотница до писем (тем более к лицу, которое живет в том же городе и которое я вижу каждую неделю) – значит, если пишу, то чем-то душа взволнована. Я не могу сказать, что Ваш доклад доставил мне удовольствие: это не то слово и его мало. Это было не только наслаждение чисто интеллектуальное; к нему в сильной мере примешивалось еще что-то, что я не могу определить, но что я чувствую, читая прекрасные стихи, неотрывно глядясь на тихо гаснущее зарево заката...».

Мой дорогой старый друг (хотя Вы иногда вели себя по отношению ко мне свинья-свиньей, Вы неизменно оставались старым, любимым другом), разница между нами велика: я гораздо меньше Вас. Но в одном мы равны: и для Вас и для меня наука всегда была жизнью жизни, а не дойной коровой и средством к чему-то вроде теплого местечка, и эта “жизнь жизни” требовала полной отдачи себя и на большое (“проблемы”) и на малое: все было дорого и любимо, все было ценно, и без “малого” не могло стать крепко на ноги и “большое”. И вот, выйдя из нашей 18-й (аудитория в Ленинградском отделении Института истории, где А.И.Доватур читал доклад – А. К.), я почувствовала такое одиночество, такую заброшенность в этом мире, где существуют только “проблемы”, где учиться некому, потому что все всё знают, а если есть что-то, чего они не знают, то это мелочи, что-то ничтожное и неважное, чему учиться не то, что не стоит, но просто их недостойно... И мне захотелось уцепиться за Вашу руку, последнюю опору в безнадежно разваливающемся храме, который мы когда-то со спокойной гордостью называли “классической филологией”. Жму лапу. М. Сергеенко. 27 октября 1968 г.».

Нет Аристиды Ивановича, давно уже нет Марии Ефимовны, нет многих, наставлявших и учивших не одно поколение.

Главное, нет Авторитета, академического, эстетического, нравственного.

Остается надежда, что наше будущее – это не только прошедшее, что после хаоса, общественного безумия и полной социальной безответственности наступит хоть какой-то светлый день. «Жаль, только жить в эту пору прекрасную, – как заметил классик, – уж не придется ни мне, ни тебе», дорогой читатель!

И все-таки *laboremus!* – давайте работать!

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КАЗАНСКИЙ

Николай Николаевич Казанский – филолог-классик, академик Российской академии наук, директор Института лингвистических исследований РАН, член Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, член бюро Отделения историко-филологических наук РАН, член Совета по русскому языку при Президенте РФ, глава Объединения региональных центров греко-латинской лингвокультурологии, профессор Санкт-Петербургского университета, специалист по сравнительно-историческому языкознанию и классической филологии.

Окончил отделение классической филологии филологического факультета ЛГУ в 1974 г. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древние греко-анатолийские языковые связи на территории Малой Азии (памфилийский диалект древнегреческого языка)», в 1990 г. – докторскую диссертацию «Проблемы ранней истории древнегреческого языка: языковые реконструкции и проблемы языковой нормы».

Основными темами научной работы Н.Н.Казанского являются ранняя история древнегреческого языка, исследование микенского греческого в сопоставлении с языком Гомера, реконструкция индоевропейского языкового состояния.

Наряду с научной деятельностью ведет и преподавательскую работу – читает курсы на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета и на филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова.

Автор около 200 работ. Основные: «Диалекты древнегреческого языка» (1983); «Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Очерк грамматики» (в соавт. с В.П.Казанскене; 1986); «Principles of the Reconstruction of a Fragmentary Text (New Stesichorean Papyri)» (1997).

Несколько слов Н.Н.Казанского о Б.В.Казанском.

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ КАЗАНСКИЙ

Борис Васильевич Казанский (31 октября (12 ноября) 1889, Новозыбково – 4 февраля 1962, Ленинград) – филолог-классик, пушкиновец, профессор.

Окончил в 1913 г. – историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1917 г. зачислен приват-доцентом университета, до 1920 г. работал в Пермском университете, затем после закрытия кафедры классической филологии в 1921 г., до 1931 г. работал ученым секретарем в Институте истории искусств. В 1953 – 1957 гг. являлся заведующим кафедрой классической филологии Ленинградского университета.

Занимался изучением античного театра, римской биографической литературы, античным стихосложением. Переводил античных авторов – Лукиана и Горация.

Значителен вклад Б.В.Казанского в пушкиноведение.

Известен как автор научно-популярных книг по языкознанию, с 1934 г. являлся членом Союза писателей СССР.

Некоторые работы: «Нынешнее состояние гомеровского вопроса» // Классическая филология (1959); «Гибель Пушкина» // «Звезда», 1928, № 1; «Приключения слов» (1931); «В мире слов» (1958).

Борис Васильевич Казанский был выпускником кафедры классической филологии историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, где занимался в семинарах у Ф.Ф.Зелинского и М.И.Ростовцева, под руководством которого написал серию статей об Александре Севере. Из работ дореволюционного времени известна также статья об арсисе и тесисе у Аристотеля. К этому же времени относится его перевод Лукиана для издательства М. и С. Сабашниковых.

После возвращения в Петроград в 1920 г. из Пермского университета вошел в Петроградский совет ОПОЯЗа вместе с В.М.Жирмунским, В.Г.Корди, А.Л.Слонимским, В.Р.Ховиным, Л.В.Щербой.

В университете читал курсы по античной литературе, фольклору и исторической поэтике.

Свою первую книгу «Метод театра (анализ системы Н.Н.Евреинова⁸)» выпустил в 1925 г.

Начиная с 1930-х годов, много работал в области пушкиноведения. Ряд статей Бориса Васильевича посвящен обстоятельствам дуэли и гибели Пушкина. Соображения автора легли в основу записки, представленной в художественное бюро Севзапкино в начале января 1926 г. и послужили канвой для фильма «Поэт и царь». Здесь впервые было высказано предположение, впоследствии нашедшее широкое признание, что гибель поэта была результатом тонкой придворной интриги, а не только его личной драмы. Далее Б.В.Казанский сосредоточил свои исследования на последнем периоде биографии Пушкина. Он опубликовал статьи «Разорванные письма» – о черновиках писем Пушкина к Геккерену; «Письмо Пушкина Геккерену»; «Загадочный отрывок Пушкина» – анализ пропущенных строк на листе с черновиком письма Пушкина к Бенкендорфу; «Иностранцы о дуэли и смерти Пушкина»; «Голландские документы о гибели Пушкина» – русский перевод с комментариями донесений Геккерена и секретаря голландского посольства в Петербурге Геверса голландскому министру иностранных дел, обнаруженных в архивах Гааги. В статье «Гибель поэта» (1937) им были подытожены результаты своих многолетних исследований по выяснению причин трагической смерти Пушкина. Надо отметить, что все последующие годы Б.В.Казанский продолжал углубленно работать над материалами, связанными с обстоятельствами дуэли и смерти Пушкина, однако большой его труд, к сожалению, так и остался в рукописи.

Во время Великой Отечественной войны, в годы блокады Ленинграда Б.В.Казанский находился в Москве и принимал участие в московской литературной жизни (в частности, публиковал статьи в издававшемся Е.Кручных машинописном журнале «Московские встречи»). После снятия блокады вернулся в Ленинград и возобновил работу на кафедре классической филологии Ленинградского государственного университета. К этому времени относятся его статьи по истории древнегреческой трагедии, а также исследование, посвященное гомеровскому вопросу.

Мне, к сожалению, довелось общаться с Борисом Васильевичем всего несколько лет, но именно это общение убедило меня в необходимости оттачивания филологических методов и тщательного их применения, а также в необходимости широкого подхода, при котором история

---

⁸ Николай Николаевич Евреинов (1879, Москва – 1953, Париж) – русский и французский режиссер, драматург, теоретик и преобразователь театра, историк театрального искусства, философ, музыкант, художник и психолог.

литературы учитывает не только историю культуры и жизненную историю тех, кто эту культуру творит, но и применение более широких сопоставительных методов, благодаря которым филологический анализ способен творить чудеса: например, можно угадать, чем вдохновлялся автор анализируемого текста, даже если этот «источник таинственно скрыт».

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ФЕДОРОВА

Елена Васильевна Федорова – филолог-классик, специалист по латинской эпиграфике, истории культуры, доктор филологических наук, профессор.

Окончила в 1951 г. кафедру классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, и с 1958 г. в течение 48 лет работала на кафедре древних языков исторического факультета МГУ.

В 1972 г. защитила монографию «Латинская эпиграфика» на степень доктора филологических наук.

В течение многих лет Елена Васильевна Федорова вела аудио-визуальный курс «Памятники мировой истории и культуры» (вместе с Андреем Чеславовичем Козаржевским). Она – автор 28 книг о памятниках истории и культуры разных стран.

Основные труды: «Латинская эпиграфика» (1969, 1976, 1982, 1991); «Императорский Рим в лицах» (1979, 2002); «Знаменитые города Италии. Рим, Флоренция, Венеция» (1985); «Милан» (2010).

Публикуем воспоминания Елены Васильевны Федоровой об Андрее Чеславовиче Козаржевском, с которым она работала долгие годы.

АНДРЕЙ ЧЕСЛАВОВИЧ КОЗАРЖЕВСКИЙ

Андрей Чеславович Козаржевский (19 августа 1918, Москва – 26 марта 1995, Москва) – филолог-классик, москвовед, профессор МГУ.

В 1941 г. с отличием окончил классическое отделение Московского института истории, философии и литературы (ИФЛИ), в 1954 г. – защитил кандидатскую диссертацию на тему «"Киропедия" Ксенофонта Афинского как историко-литературный памятник».

С 1959 г. – работал на кафедре древних языков исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, с 1967 г. – заведовал этой кафедрой, в 1985 г. ему присвоено ученое звание профессора.

Автор учебников: древнегреческого языка (1976, 20022), латинского языка (1981); монографии «Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы» (1985), статей о Новом Завете.

А.Ч.Козаржевский был глубоким знатоком старой Москвы. Большой популярностью пользовались его лекции по истории Москвы и экскурсии по Москве и Подмосковию.

Им составлен «Московский православный месяцеслов» (1995) и написаны статьи о московских православных храмах.

Андрей Чеславович Козаржевский был, бесспорно, выдающейся личностью. Он пользовался широкой известностью не только в МГУ, но и в Москве и за ее пределами. Высокая культура, подлинная интеллигентность, широта интересов, активная жизненная позиция, энергия, личное обаяние привлекали к нему множество людей разных возрастов и профессий. Он обладал прирожденным даром лектора и истинным талантом общения с любой аудиторией. Диапазон его деятельности был чрезвычайно велик.

К А.Ч.Козаржевскому в полной мере применимо знаменитое древнеримское изречение: «Человек сам своего счастья кузнец». Судьба далеко не всегда была к нему добра: наградив его талантом и равнодушной душой, она отмерила ему немалую горсть трудностей, которую рассыпала на его пути уже в первые годы жизни.

Андрей Чеславич (а именно так он сам себя называл – Чеславич, а не Чеславович) родился 19 августа 1918 г. в интеллигентной семье почтовых служащих. Его мать, Анастасия Александровна, была дочерью обрусевшего немца Александра Эдуардовича Аккермана и русской – Елены Павловны Глебовой. Его отец, Чеслав Альфонсович, поляк, в 1918 г. находился в Гродно и по причине изменившейся политической ситуации не смог приехать в Россию; он знал, что у него родился сын, но неблагоприятная судьба не позволила встретиться отцу и сыну, оказавшимся в разных государствах. В 1920 г. в Польше Чеслав Альфонсович скончался от болезни. Андрей Чеславич остался без отца.

В 1936 г. А.Ч.Козаржевский окончил в Москве среднюю школу и стал студентом классического отделения Московского Института истории, философии и литературы (ИФЛИ).

В 1938 г. умерла мать Андрея Чеславича. Заботу о нем взяли на себя ее сестры, к которым он навсегда сохранил чувство глубокой признательности.

В 1941 г. Козаржевский с отличием закончил институт, получил рекомендацию в аспирантуру и блестящую характеристику, подписанную крупными учеными: профессором С.Гвоздевым, академиком М.Покровским и профессором Д.Коноваловым. На характеристике стоит дата 17 июня 1941 г.

Через четыре дня началась война, и вся жизнь перевернулась.

Андрей Чеславич, будучи человеком активным, студентом вступил в ВЛКСМ, а в первые дни войны записался добровольцем в народное ополчение. У него был туберкулез легких, и поэтому в регулярную армию его не взяли. Наркомпрос направил его работать в Сибирь учителем русского языка и литературы средней школы в селе Ермаковском Красноярского края. Так, лишенный родных, больной, Козаржевский начал свой самостоятельный жизненный путь далеко от Москвы в годы великого лихолетья своего Отечества.

В этих экстремальных условиях молодой Козаржевский не пал духом, но с увлечением стал осваивать профессию учителя. Впоследствии он всегда с душевной теплотой вспоминал годы, проведенные в сибирском селе, и хотя в дальнейшем работал только в высшей школе в Москве, тем не менее всегда думал, что его призвание именно в том, чтобы быть учителем. Уже будучи профессором, он сам себя считал учителем и проявлял к студентам именно учительское отеческое отношение, сеял разумное, доброе, вечное. Студенты чувствовали это и любили Андрея Чеславича.

В 1944 г. Всесоюзный Комитет по делам Высшей школы при СНК СССР отправил А.Ч.Козаржевскому вызов в Москву для поступления в аспирантуру классического отделения филологического факультета МГУ. В связи с отъездом из Сибири директор школы А.Крупская выдала ему характеристику, где было отмечено, что его уроки как в младших, так и в старших классах проходили живо и интересно, что ученики любят его, что он хороший общественник, работал агитатором в колхозе, был внештатным лектором РК ВЛКСМ и читал лекции в клубе, парткабинете и в других местах.

Так в юные годы в тяжелейших условиях А.Ч.Козаржевский сумел найти свое достойное место в жизни. Болезнь, особо опасная в годы лишений, через много лет все-таки отступила, и в 1958 г. его поставили на военный учет, признав полностью здоровым.

В Москве Андрей Чеславич навсегда вернулся к своим любимым древним грекам и римлянам. В январе 1954 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «"Киропедия" Ксенофонта Афинского как историко-литературный памятник IV в. до н. э.».

В 1946 г., будучи еще аспирантом, Козаржевский начал преподавать античную литературу, древнегреческий и латинский языки в Московском Городском Педагогическом институте им. В.П.Потемкина сначала на условиях почасовой оплаты, а затем в штате; в его характеристике отмечено, что он умеет связать преподавание древних языков с новыми, что он является «очень ценным преподавателем для лингвистических

специальностей, прекрасным квалифицированным педагогом, пользующимся, несмотря на свою молодость, большим авторитетом у студентов и аспирантов».

С 1953 г. Андрей Чеславич стал работать на кафедре древних языков исторического факультета МГУ (сначала как старший преподаватель, с 1959 г. – как доцент, с 1967 г. – заведующий кафедрой, а с 1985 г. – профессор Московского университета).

Когда кафедру древних языков возглавил А.Ч.Козаржевский, она уже имела свое лицо, свои традиции и немалую печатную продукцию.

Будучи человеком в высшей степени интеллигентным, Андрей Чеславич всегда с глубоким почтением относился к добрым традициям и следовал им: он вел кафедру в ее прежнем направлении. Обладая хорошим практическим знанием не только языков, но и истории, он никогда не являлся филологом-лингвистом, его специализацией было литературоведение, а его кандидатская диссертация имела явно выраженный исторический уклон.

Научная деятельность А.Ч.Козаржевского целиком подчинялась интересам исторического факультета. Продолжая традицию создания отраслевой методики преподавания древних языков, он написал учебники по латинскому и древнегреческому языкам, ориентированные специально на студентов-историков. Козаржевский не любил абстрактного теоретизирования, и вся его деятельность по преподаванию и созданию учебников преследовала чисто практическую цель – научить студента досконально понимать текст исторических источников, без чего невозможна научная работа. При этом он стремился к лаконичности изложения материала, терпеть не мог наукообразную заумь и не любил многословия; ему всегда было тяжело общаться с людьми, употребляющими слишком много слов. В учебнике по латинскому языку он учел также интересы студентов-юристов и философов. Для юристов А.Ч.Козаржевский написал особое краткое учебное пособие, представляющее исключительную ценность, ибо специальный учебник по латинскому языку для юридических факультетов, написанный И.С.Розенталем и В.С.Соколовым, был сожжен в те печальные годы, когда латынь была отменена на юридическом факультете.

Андрей Чеславич глубоко почитал университетские традиции: он был сторонником фундаментального и широкого образования, проявлял уважительное отношение к личности, считал, что университетский преподаватель имеет право на свой метод, а студент – на собственное мнение. При необходимости соблюдения учебного плана преподаватели кафедры древних языков не были обязаны, как по команде, в одно и то же время произносить одни и те же слова. В рамках единых требований и определенного объема материала преподаватель имел возмож-

ность варьировать (например, на I курсе вместо традиционных двух глав Цезаря и двух Цицерона можно было прочесть и вынести на экзамен две главы Цезаря, одну Саллюстия и одну Юстина). Это придавало преподавательской работе творческий характер, побуждало к поиску новых текстов, способов объяснения материала и методов его усвоения. Отсутствие формализма создавало основу для хороших отношений между преподавателями и студентами, большинство из которых с интересом относились к учебе.

Не будучи формалистом и уважительно относясь к людям, Андрей Чеславич редко посещал чужие занятия, ибо хорошо понимал, что в его присутствии преподаватель чувствует себя «не в своей тарелке», а студенты от страха теряют способность соображать. Он любил приходить в чужую группу в случае отсутствия преподавателя и тогда, ведя занятие сам, мог судить о знаниях студентов. Именно знания студентов были для него критерием качества работы преподавателя. Андрей Чеславич всегда охотно допускал на все свои занятия чужих студентов и преподавателей, не преследующих целей инспектирования. Об уровне работы кафедры говорит тот факт, что выпускники исторического факультета МГУ преподают древние языки во многих учебных заведениях вплоть до Лингвистического университета. В этом заслуга создателя кафедры В.С.Соколова и достойного продолжателя его дела А.Ч.Козаржевского.

В непосредственные обязанности Андрея Чеславича входили только практические занятия по древним языкам. Но его кипучая и неутомимая натура вводила его далеко за эти пределы. По собственной инициативе А.Ч.Козаржевский создал курс лекций по мастерству устной речи, а также по памятникам мировой истории и культуры (с показом диапозитивов и даже с музыкальным сопровождением). Человек богатой и щедрой души, он стремился свой интерес к жизни, культуре, искусству передать студентам. Он вообще считал, что главное в жизни не потреблять, а именно отдавать свои знания, свои силы, свои чувства. По собственному желанию Андрей Чеславич создал также спецкурсы по источниковедению раннего христианства, по восточно-греческому диалекту «койнэ» и читал их не только на историческом факультете, но и на классическом отделении филологического факультета МГУ.

Деятельность А.Ч.Козаржевского не ограничивалась стенами МГУ. Он читал лекции по ораторскому искусству и памятникам истории и культуры для самой широкой аудитории. Выступал в Политехническом музее, а также во многих других учреждениях Москвы вплоть до аппарата Президиума Верховного Совета СССР и КГБ. По линии всесоюзного общества «Знание» Козаржевский читал лекции во многих городах Сибири, Литвы, Латвии, Западной Украины, Грузии. В круг его интересов

входила также история христианской религии и культа; это были лекции по религиозно-социальной проблематике Нового Завета, по символике православного храма и иконы, по старообрядчеству и обновленческому расколу. Преимущественно эти лекции он читал в Православном университете и в Богословском институте. А.Ч.Козаржевский был участником многочисленных конференций. Когда коллеги пытались уговорить его не перегружать себя, он отвечал, что испытывает огромное удовлетворение от общения с людьми, в том числе и с людьми иных профессий. Ему была присуща огромная потребность в общении, он не был кабинетным ученым, не мог проводить жизнь, замкнувшись только в мире книг. Ему нужны были люди.

Активная жизненная позиция А.Ч.Козаржевского обусловила его обширную общественную деятельность. На историческом факультете МГУ он много лет был агитатором в студенческих группах, а также возглавлял факультетскую организацию общества «Знание». Вместе со своим коллегой по кафедре доцентом Донатом Александровичем Дрбоглавом, Андрей Чеславич создал работавший много лет кружок по изучению Москвы и Подмосковья. Формально он был приписан к Дому культуры МГУ на улице Герцена, и поэтому студенты имели возможность за счет университета совершать автобусные экскурсии по Подмосковью, а по Москве, экономя университетские деньги, ходили пешком. За многие годы работы кружка была составлена фототека и собраны ценные сведения по выявлению состояния памятников архитектуры, что сыграло определенную положительную роль в их постановке на охрану и дальнейшей реставрации.

В последние годы А.Ч.Козаржевский возглавлял университетское бюро организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, был членом Экспертно-консультативного совета при Главном Архитектурном управлении Москвы, а также руководителем лекторской группы правления Всероссийского общества «Знание».

А.Ч.Козаржевский награжден медалями «Ветеран труда» и «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», почетным знаком Министерства высшего образования СССР. В 1992 г. ему присуждена Ломоносовская премия за блестящее лекторское мастерство (это был первый случай присуждения Ломоносовской премии именно за преподавательскую, а не научную работу).

Андрей Чеславич имел неброскую внешность, не выделялся высоким ростом и атлетичностью сложения, но подобно Юлию Цезарю относился к себе сурово и закалил себя так, что отличался силой, выносливостью, и простуда редко осмеливалась приблизиться к нему. В обращении Козаржевский был прост и тактичен. Как подлинно интеллигентный чело-

век он был не способен на грубость, и злое слово не могло слететь с его уст, это было просто вне его природы. Даже студентам, ошалевшим от демократии, он не делал резких замечаний; когда эти несмышлениши начинали шуметь на лекциях, он увещательным тоном без малейших признаков раздражения говорил: «Друзья мои, тихонечко, тихонечко». Легкоранимая душа его страдала при виде хамства. Он очень любил студентов и искренне огорчался, если замечал в них заносчивость, разболтанность, неуважение к другим. И терпеть не мог так называемую «раскованность». Ему нравились в людях простота и естественность. Его внутренне передергивало при виде размалеванных дам; в этом отношении он был человеком старомодным. А элегантные худосочные парижанки произвели на него самое тягостное впечатление. Когда одна из них коснулась на улице его руки, он, по его собственным словам, почувствовал хватку скелета и поспешил избавиться от этого ужасного ощущения. Он избегал общаться с молодыми бородачами, ибо среди них нередко попадались личности с некоторым «сдвигом». Уважительно относился к религии, Андрей Чеславич резко осуждал сектантство и выражал возмущение по поводу пропаганды экстрасенсов и тому подобного. Он не имел ни малейшей склонности к мистике. Проявление бездумности современного мира удручало его. Как у всякой яркой личности, у Козаржевского были не только единомышленники, но, обладая достаточной силой духа, он не реагировал на шипение недоброжелателей.

Андрей Чеславич был профессором в самом подлинном и высоком смысле этого слова: он говорил перед большой аудиторией, говорил прекрасно и был счастлив, когда видел перед собой равнодушные, одухотворенные лица.

Силой своего лекторского таланта и незаурядностью личности он производил сильнейшее впечатление на аудиторию. Один из его слушателей, доцент-химик из казахстанского города Аркалыка, посещавший его лекции по памятникам истории и культуры, оставил такую запись: «Нежно-саркастический, галантный и изумительный Андрей Чеславович своей непостижимой верой в людей, тонкостью восприятия мира, располагающей незащищенностью, духовностью высшего порядка, неустанным стремлением к укреплению утончающейся связующей нити времен пробуждает в нас веру в Добро, надежду на Исцеление и любовь к Красоте. Низкий поклон за это».

Андрей Чеславич скончался у себя дома в возрасте 77 лет.

Светлой памяти А.Ч.Козаржевского посвятил свою монографию «Император Диоклетиан и конец античного мира» (М.,1999) доктор исторических наук И.О.Князькин, его ученик, закончивший МГУ в 1976 г.

А.Ч.Козаржевский искренне радовался успехам своих учеников; в их памяти он навсегда остался обаятельным, доброжелательным и в высшей степени эрудированным учителем.

А.Ч.Козаржевский прожил яркую и содержательную жизнь; он общался с очень большим числом людей, и это доставляло ему подлинное счастье.

МАРИНА НИКОЛАЕВНА СЛАВЯТИНСКАЯ

Марина Николаевна Славятинская – филолог-классик, специалист по истории греческого языка, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Окончила филологический факультет Московского университета в 1958 г., в 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию «Семантика глагольных основ презенса и аориста в греческом языке древнейшего периода» (на материале языка поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея»).

В течение последних 15 лет М.Н.Славятинская является координатором Объединения региональных центров греко-латинской лингвокультурологии, действующего в рамках секции «Классическая, византийская и новогреческая филология» Научно-методического совета по филологии университетов России.

Научные интересы М.Н.Славятинской связаны с изучением языка Гомера, помимо этого она занимается проблемами культурно-языкового взаимодействия греко-латинского и славянского миров, проблемами общенаучной и специальной терминологии.

Автор около 100 научных работ, из которых широко известны две книги «Учебное пособие по древнегреческому языку (культурно-исторический аспект)» (1988) и «Учебник древнегреческого языка», выдержавший 3 издания (1993, 1996, 2003).

После окончания аспирантуры Марина Николаевна получила должность преподавателя на кафедре классической филологии МГУ, где работала и Валентина Иосифовна Мирошенкова.

ВАЛЕНТИНА ИОСИФОВНА МИРОШЕНКОВА

Валентина Иосифовна Мирошенкова (22 октября 1924, дер. Дороховка, Орловской губернии – 16 декабря 1991, Москва) – филолог-классик, специалист по преподаванию древнегреческого и латинского языков, старший преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Была без экзаменов зачислена на филологический факультет МГУ после окончания с золотой медалью школы в 1941 г. Окончила классическое отделение в 1947 г. и с тех пор преподавала латинский и древнегреческий языки на филологическом факультете МГУ.

Ею был опубликован (в соавторстве с Н.А.Федоровым) «Учебник латинского языка» (1976), выдержавший уже 11 изданий, и «Хрестоматия по античной литературе. Греция. Рим» (1981), также неоднократно переизданная.

Преподавание античных дисциплин в России всегда было делом и трудным, и ответственным. Трудным потому, что непричастным к изучению античности людям всякий раз нужно доказывать необходимость присутствия этих дисциплин в системе образования (не составляют исключения и современные чиновники от образования), а ответственным потому, что именно в последние десятилетия у преподавателя-античника сформировалась особая миссия: спасти основы европейской цивилизации, которая нигилируется и практически (миграции неевропейских народов, «деятельность» и самодеятельность чиновничества сверху донизу), и теоретически (бездумное заигрывание с идеей «евразийства», получившей в современном культурном контексте иной смысл и значимость, чем в конце XIX – начале XX вв., толерантность, понимаемая большинством как уступчивость, причем именно со стороны европейцев).

Тем более важно сейчас поговорить о том преподавателе классических языков, для которого не существовало проблем что-то доказывать, в чем-то убеждать. Античность как фундамент культуры не только Европы, но и вообще мировой культуры, – это было ясно, уже когда Валентина Иосифовна Мирошенкова еще только начинала объяснять алфавит древнегреческого и латинского языков, потому что слушатели ощущали за каждым ее словом мощный, как сказали бы археологи, «культурный слой». Но этого было бы недостаточно (знатоков много), если бы к этому не присоединялись индивидуальные особенности ее личности, которую сформировали ее семейное окружение, тип образования, университетская среда и ее активная жизненная позиция.

1. Семья, родня, друзья.

Валентина Иосифовна родилась в деревне Дороховке Орловской губернии 22 октября 1924 года. Ее отец, Иосиф Афанасьевич, был главным бухгалтером леспромхоза, а мать, Екатерина Романовна, растила двух дочерей – Евгению (старшую) и Валентину (младшую).

Позже семья переезжает в Брянск, где в 1941 г. Валентина Иосифовна окончила школу с золотой медалью, подала заявление на филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова и была зачислена без вступительных экзаменов.

Но началась война... Иосиф Афанасьевич сразу эвакуировал семью (Брянск стали бомбить через 2–3 дня после начала войны). Московский университет был эвакуирован в Свердловск, и принятые студенты начали учиться уже в 1942 году. Валентина Иосифовна приехала в Свердловск; жили студенты в общежитии, трудно и голодно, но все учились. Группа классиков состояла из шести человек (Соломон Константинович Апт, Нина Борисовна Клячко, Нина Александровна Вишневская, Давид Персис, Сесиль Яковлевна Топштейн (Шейнман) и Валентина Иосифовна Мирошенкова).

К концу войны университет вернули в Москву, и в 1947 г. Валентина Иосифовна получила диплом и поступила в аспирантуру. На кафедре классической филологии тогда работали Сергей Иванович Соболевский, Сергей Иванович Радциг, Федор Александрович Покровский, но самым близким человеком для Валентины Иосифовны стала Жюстина Севериновна Покровская, жена академика Михаила Михайловича Покровского.

Тем временем старшая сестра Валентины Иосифовны, Женя, жившая в Уфе, выходит замуж за башкира Исмаила Салиховича Салихова, и это было началом формирования дома Валентины Иосифовны как дома «дружбы народов». Сейчас в моде слово «толерантность» («переносимость, терпимость»), но оно укрепляется в языке, когда уже есть вражда и ее как-то нужно переносить. Но в СССР не было вражды на уровне народов, этнической ненависти, как главного принципа сосуществования. Поэтому никому в голову не приходило запускать в обращение это латинское слово. А для семьи Валентины Иосифовны это было тем более нелепое понятие: университетские друзья – евреи, башкирские родственники – башкиры, и ...

В 1956 г. Валентина Иосифовна выходит замуж за греческого политэмигранта Михаила Георгиевича Малева (Михалис Малиоса), имя которого известно всем эллинистам благодаря «Новогреческо-русскому словарю», написанному им в соавторстве с И.П.Хориковым. Но до выхода словаря еще долго, а рассказать о Михаиле Георгиевиче нужно здесь. И не только потому, что он был необыкновенным человеком, но и потому, что с его появлением неизмеримо расширился жизненный горизонт Валентины Иосифовны, что незамедлило сказаться, пусть и косвенно, на ее преподавательском облике.

Кто интересуется историей Греции прошлого (XX) века, знают, что после окончания Второй мировой войны в Греции началась гражданская война – левых (под руководством коммунистов) и правых. Михалис (17-ти лет) и его младший брат Лазос (16-ти лет) приняли сторону левых (вспомним наших молодогвардейцев!). После трагических событий в семье в 1949 г. они ушли в партизанский отряд в горы. Там Миха-

лис стал одним из руководителей большого партизанского объединения, членом Коммунистической партии. Но вскоре греческое сопротивление было разгромлено и партизанам пришлось уходить из Греции – или через Албанию (туда направился Михалис), или через Югославию (туда пошел Лазос). В Албании Михалис был арестован советскими спецслужбами и препровожден в СССР, где он был обвинен в провале греческого Сопротивления.

После смерти Сталина обвинения были сняты. Он остался жить в СССР (позже он скажет Валентине Иосифовне: «Я, Валюша, Россию выбрал сознательно»), и поступил в Высшую Партшколу, где и встретил на каком-то вечере Валентину Иосифовну.

Их дом стал домом греческого объединения. Приезжал брат Михалиса из Югославии, сестра из Чехии, а уж московские греки⁹ были здесь постоянно. Читали греческие газеты, переживали выборы, отмечали праздники – и все время звучала греческая речь. Дом был всегда открыт и для русско-башкирского сообщества, и для русско-греческого. Да и университетские друзья бывали там постоянно, включая Илью Шмерлинга, пожизненно влюбленного в Валентину Иосифовну, и так и не женившегося. Было всегда место и для студентов. Вот откуда и идет так точно подмеченная студентами особенность преподавательской «ауры» Валентины Иосифовны: восприятие ею всего греческого (включая и древнегреческий язык) как живого и современного.

2. Профессиональный «багаж».

Не будем говорить здесь о преимуществах или недостатках советской системы образования (как ее ни ругают, а факт остается фактом: почему-то все уехавшие из нашей страны легко находят работу, и притом хорошую – ради нее уезжали и уезжают). Но нельзя не сказать о престижности образования, особенно высшего (всегда недостойно низко оплачиваемого). Об этом на одном из собраний филологического факультета упомянула Клавдия Васильевна Горшкова, заведовавшая кафедрой русского языка. Вспоминая об учебе в школе и в университете, она сказала: «Мы любили просто учиться – без оглядки на то, пригодится ли это дальше, и сколько за это будут платить». Именно так и учились на классическом (таком неперспективном) отделении те, кто здесь оставался (иных переводили на другие отделения, иные уходили сами). И учили основательно, на всю жизнь, такие непрacticalные предметы, как древнегреческий и латинский языки, античную историю и литературу и т. п. Так учила и Ва-

---

⁹ Стоит вспомнить хотя бы семью Зорбала – голубоглазую красавицу Катину, которая много лет преподавала новогреческий язык на кафедре классической филологии МГУ, ее детей – Маргариту, ставшую известной певицей, и Никоса, и ее мужа – Ставроса Зорбаласа – видного деятеля Компартии Греции.

лентина Иосифовна: все навсегда в памяти! И эту толщу знаний всегда подспудно ощущали студенты.

К середине 50-х годов обнаружилось, что на кафедре некому читать курс истории греческого языка, который до тех пор вела Жюстина Севериновна Покровская. Это явилось счастливым обстоятельством, потому что этот курс поручили вести Валентине Иосифовне, которая уже давала отзывы на лингвистические дипломы студентов (например, диплом Л.А.Гиндина). Научной литературы по этой теме было мало, и Валентина Иосифовна, в основном, пересказывала нашей группе (мы были ее первыми студентами!) «Историческую морфологию греческого языка» П.Шантрена, перевод которой вышел в 1953 г. И, пусть мы скучали, но речь не о нас. А пересказ Шантрена обернулся для Валентины Иосифовны необыкновенной удачей. Кто сейчас знает эту «Историческую морфологию...» от корки до корки? Как известно, уча других – учишься сам. А преподавать классические языки, не занимаясь их историей, дело неблагоприятное: слишком многое позже приходится объяснять студентам такого, о чем можно было сказать походя уже на I-II курсе. Именно так вводила Валентина Иосифовна своих студентов в самую суть изучения грамматики.

3. Ничто человеческое...

Была у Валентины Иосифовны одна черта, делавшая ее примечательной. Это ее равнодушие ко всему, что делается на свете, в стране, в университете, на факультете, на кафедре. Валентина Иосифовна и Михаил Георгиевич были не карьерными коммунистами. Обсуждение свежих газет и фундаментальных монографий было в этой семье делом обычным. Нужно напомнить, что при той ориентации в мировой экономике (специальность Михаила Георгиевича – политэкономия), при наличии в доме разноязычных газет и журналов, Валентина Иосифовна, тем не менее, правильно оценивала газетную информацию.

Ради шутки приведу пример. Приходит как-то Валентина Иосифовна на кафедру и делает распечальное лицо. «Всю ночь не спала, слезьми (именно так!) обливалась. И знаете почему? Читаю вчера, что в Канаде на 0,2% увеличилась квартплата (в наших терминах – М. С.). Бедные! Как же им плохо, не собирать ли им срочно помощь?».

А если всерьез, то еще до начала лихих 90-х гг. Валентина Иосифовна, внимательно наблюдая за типом обучения на экономическом факультете МГУ, где учились ее дочери, не раз говорила: «Это антигуманный факультет». Она была права?

Активная жизненная позиция в сочетании с любовью к своим слушателям и привела ее к мысли о необходимости начать работу над учебником латинского языка нестандартного типа. Оговорюсь сразу, что над учебником она работала вместе с Николаем Алексеевичем Федоровым, но

здесь речь идет только о Валентине Иосифовне. Несмотря на разницу лет, мы были, можно сказать, подругами, и много раз обсуждали замедляющее усвоение языка при пофразовой иллюстрации грамматического материала во всех учебниках латинского языка. Ко мне, молодому преподавателю, не раз обращались студенты с отделений «новых языков»: «Почему в латинском учебнике только фразы и фразы, причем с неповторяющейся лексикой?» В самом деле, это гарантировало скуку от урока и отвержение языка в целом.

Главный принцип, на котором настаивала Валентина Иосифовна – язык познается в тексте. В это время она уже была знакома с разными зарубежными учебниками, а по «легендарному Вольфу», учебник которого именно Валентина Иосифовна утвердила на классическом отделении, студенты занимаются и сейчас (и не только в МГУ). Кроме этого ощущение древнегреческого языка как живого не могло не повлиять и на преподавание латинского языка. А живому восприятию латинского языка мешали существующие (и до сих пор) «фразовые» учебники: грамматический материал иллюстрировался отдельными фразами, выдернутыми из контекста эпохи и текста автора или вообще безымянными (что также требовало специального объяснения).

Прийти к принципу «текстового» учебника побуждали и объективные обстоятельства. В 60-е годы началось продолжающееся до настоящего времени наступление на латинский язык и античную литературу. Я начинала работать в 1964 году, когда на русском отделении латинский язык изучался два года, по два занятия в неделю. Сейчас даже трудно себе представить, сколько текстов (включая средневековые) я успевала прочитать в аудитории! А, кроме того, было обязательное внеаудиторное чтение. Потом два года сократились до полутора лет, потом – до года. И это на фоне беспорядочного интеллектуально сокращаемого среднего образования, при иллюзорной, но нарастающей комбинаторно-технической составляющей.

Главной задачей при сжимающемся, как шагреновая кожа, курсе латинского языка на филологическом факультете Валентина Иосифовна считала как можно более ранний переход к связному тексту. Именно такой текст и был помещен в начало каждого урока учебника. Это имело и психологическое значение: студент видел, что с самого начала он может (или должен) перевести связный текст.

Вторая задача – обеспечить легкий поиск грамматического материала. Чаще всего он обычно помещался в конце учебника. Здесь весь грамматический материал был приведен в уроке; тут же дан лексический минимум и разнообразные упражнения. Такая комплексность хорошо помогала студентам в случае пропуска занятия: сразу было понятно, что пройдено, что следует знать.

Но обратной стороной была «клиновость», несистемность изложения грамматики, что с самого начала вызывало возражения коллег. И все же учебник имел какое-то неизъяснимое очарование, о чем всегда говорили «нестоличные» коллеги, и что позволило на одном из методических все-союзных совещаний в г. Черновцы назвать его «учебником революционным» (Татьяна Николаевна Чернышева, супруга Андрея Александровича Белецкого).

Жаль, что от издания к изданию построение учебника и каждого урока подвергались искажению: грамматика была в еще более клиповом варианте отнесена в конец учебника,¹⁰ количество не связанных друг с другом фраз непомерно разрасталось (а ведь учебник не предназначался специально для классического отделения, имеющего несравненно большее время для изучения латинского языка), даже были добавлены (почему-то) юридические формулы, и, наконец, отдельные фразы опять заняли первое (!) место, – то, с чем боролась Валентина Иосифовна. Но так как есть соавтор, то, вероятно, ему виднее...

Сочетание всех обстоятельств, о которых шла речь выше (семья, неординарные отношения супругов и детей (Татьяны и Ольги), неординарная по многоплановости интересов; разностороннее и постоянно дополняемое образование и самообразование; активная позиция при обсуждении любой современной проблемы; искреннее заинтересованное отношение к любому человеку; понимание классических языков как живых) – все это и создало неповторимый облик Валентины Иосифовны. В этом и была ее преподавательская «тайна».

В силу своей эмоциональности Валентина Иосифовна, конечно же, давала повод вспомнить о сказанных кому-то неласковых словах, о не совсем справедливой оценке какого-либо студенческого или «взрослого» опуса. Но резкость эта шла не столько от характера, сколько от высокой требовательности к любой работе.

Сошлюсь в заключение на впечатление не филолога. Когда мой сын поступил на отделение философского факультета, где в программе не было латинского языка, я посоветовала ему хотя бы немного «познакомиться» с ним и попросила преподавателей нашей кафедры разрешить ему нерегулярно посещать занятия. И позднее он сказал мне: «У Валентины Иосифовны латынь – это совсем другой язык».

В советское время существовала система регулярного, серьезно-го, и притом бесплатного, повышения квалификации для преподавателей высших учебных заведений. У нас они всегда бывали на занятиях Валентины Иосифовны и потом спрашивали: «Валентина Иосифовна про-

---

¹⁰ Позже структура учебника, предложенная В.И.Мирошенковой, была отчасти восстановлена.

фессор? – Нет. – Доцент? – Нет. – Кандидат? – Нет». Удивлению не было границ. Просто всем было невдомек, что Валентина Иосифовна была «педагогом – Академиком», а такого звания, подкрепляемого дипломом, – увы! – нет.

* * *

Есть профессия, суть и смысл которой полно раскрывается только косвенно: в статьях, учебниках, а главное – в судьбах людей. Это профессия преподавателя. Поэтому ниже приводятся воспоминания о Валентине Иосифовне двух ее бывших студентов – старшего и младшего поколений.

Михаил Вадимович Бибиков – доктор исторических наук, зав. кафедрой византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, профессор.

Окончил классическое отделение филологического факультета МГУ в 1973. Защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Византийские источники XII – XIII вв. по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа» – в 1976; докторскую диссертацию на тему: «Византийский прототип древнейшей славянской книги («Изборник» Святослава 1073)» – в 1992 г.

Есть люди, особенно из числа педагогов, Учителя с большой буквы, которые, как показывает жизнь, играют в жизни учеников определяющую роль. Причем это происходит несколько раз в жизни. Таким педагогом для меня была Валентина Иосифовна Мирошенкова.

Мы познакомились еще года за два до моего поступления в университет. Дело в том, что, придя первый раз на «День открытых дверей» в МГУ еще чуть ли не в восьмом классе, я сразу определился со своим будущим – это отделение классической филологии, о чем я сразу поведал самой близкой по духу и интересам в школе преподавательнице русского языка и литературы Симе Давидовне Токаревой. Она внимательно выслушала мои восторги и сказала, что для целенаправленной подготовки к поступлению на столь особое отделение (к «классике» все всегда испытывали особый пиетет), она организует для меня встречу с преподавателем этой кафедры, с которой она была дружна еще с послевоенных студенческих времен. Этой преподавательницей кафедры оказалась Валентина Иосифовна, с которой я встретился два-три раза до поступления и которая очень верно, методически точно определила стратегию подготовки к поступлению: безусловно, отличная подготовка по дисциплинам вступительных экзаменов, а в качестве «введения в специальность» – книги

А.Ф.Лосева – по мифологии, С.И.Радцига – по введению в классическую филологию, И.М.Тронского – по античной литературе... Она же и остудила мой пыл начать самостоятельно изучать древнегреческий и латынь: «Всему свое время». Много лет спустя, когда я уже работал в Академии наук, при одной из не столь частых, к сожалению, встреч Валентина Иосифовна рассказала мне, что недавно (это было в начале 80-х гг.), при генеральной уборке квартиры, она нашла записочку «Сильный мальчик – Миша». Это был «документ» того телефонного разговора, что состоялся в середине 60-х годов, университетских подруг-преподавательниц обо мне.

Можно представить мою радость, когда на I курсе оказалось, что древнегреческим с нами будет заниматься Валентина Иосифовна. И тогда, с 1968 по 1970 гг., она, обучая нас языку – от алфавита и ударений до чтения Ксенофонта и Фукидида, вновь сыграла решающую роль в моей жизни – обучила, можно сказать, профессии, без каких-либо знаний не были бы возможны ни дальнейшие мои статьи, ни книги, ни лекции, ни доклады на конгрессах. Потрясающим было методическое мастерство Валентины Иосифовны, не всегда, может быть, заметное, но всегда ведущее к главной цели – научить так, что студент запоминает все эти основы навсегда. Валентина Иосифовна дала нам в руки инструмент основного дела в нашей жизни.

После того, как она ушла от нас, мы все – коллеги, ученики, близкие – собирались по памятным дням в квартире Валентины Иосифовны в Раменках, у дочерей – Оли и Тани. Я как-то особенно хорошо чувствовал себя среди обстановки жилища педагога, ее книг, слушал рассказы о муже Валентины Иосифовны – Михаиле; вместе с дочерьми не раз бывал на кладбище. Это было вскоре после защиты моей докторской (1992), когда после перенапряжения (я перепечатывал диссертацию сам на трех машинках, оформлял, готовил бумаги, документы) у меня начались беспрерывные гипертонические кризы и головные боли. Как раз в это время я особенно часто, три-четыре раза в год, приходил на Востряковское кладбище. Думаю, что эти, примиряющие с жизнью, встречи с памятью Валентины Иосифовны помогли мне тогда преодолеть недуг.

При всей серьезности и интенсивности наших занятий, Валентина Иосифовна была легким в общении, остроумным человеком, принципиальным в отстаивании истины и невероятно по-человечески добрым. На II курсе она стала куратором нашей группы, что предопределило нередкие наши беседы «за жизнь» (к этому времени группа, в которой я учился, из двенадцати первоначальных студентов сократилась до трех – В.Асмуса, Д.Драгунского и меня). И Валентина Иосифовна в этой связи вспоминала, как во времена ее студенчества в такой же роли наставника их курса выступал П.М.Шендяпин. И вот, как-то раз, вся ее

группа звонит по телефону Павлу Матвеевичу и серьезным взволнованным тоном просит встретиться, так как у них появилась очень важная проблема. Павел Матвеевич всерьез воспринял дело и для срочного доверительного разговора пригласил всех тут же к себе домой. И когда студенты ввалились в квартиру к наставнику, на его тревожный вопрос, что же случилось (а это был конец 40-х годов), студиясы с порога выпалили: «В чем смысл жизни??»

Думаю, что Валентина Иосифовна, как никто, внутренне понимала, в чем смысл жизни, и старалась передать это дочерям, ученикам, коллегам и близким.

* * *

Сергей Александрович Степанцов окончил отделение филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова в 1995 г. С 1997 г. работает в Институте всеобщей истории РАН. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Семантика «высоты» в эксегезе блаженного Августина (на материале толкований на «Песни восхождения»)». С 2005 г. – доцент кафедры классической филологии МГУ.

Валентина Иосифовна Мирошенкова преподавала нам древнегреческий язык в первом семестре I курса. Это были осень и зима 1990 г. Мы оказались последней группой классического отделения, которую Валентина Иосифовна обучала в университете, да и то, очень недолго: всего три месяца с половиной. В 1991 г. она умерла...

Многое из того, что она по ходу дела или *extra causam* рассказывала, представляя с особым подчеркиванием или почти заговорщически как нечто новое или мало кому известное, так и запоминалось: как нечто особенное, редкостно-важное, имеющее быть специально отмеченным в памяти. Это была некая золотая бусина, отдаваемая нам по секрету, и потом уже сами мы, став преподавателями, рассказывали о том же так же, как будто делились золотыми бусинами, даже если речь шла всего лишь о правиле среднего рода или недосложившемся согласовании наклонений. Создаваемая Валентиной Иосифовной атмосфера «свежести новизны» (как называла это Клара Петровна Полонская), то есть постоянного узнавания чего-то нового и удивительного, не только способствовала вниманию, но и делала сообщаемое – незабываемым.

В дополнение к методу у Валентины Иосифовны была еще и строгость – это помнят все. Общеизвестна ее система оценок от пяти до минус единицы («За гранью рационального!»). Незаслуженных хороших отметок она не ставила и, насколько я могу судить, не одобряла тех, кто их ставил. Мне удалось заработать максимум 4+ (может, натяжка в этом

и была небольшая)... Еще – возмущение, иногда раздражение, увещевания к тем, кого она считала неспособными, и призывы «соблюсти интеллектуальное достоинство» (никогда не понимал этого выражения) и перевестись на другое отделение – все это было. Прибавим к тому и постоянное подчеркивание во-всем-особости греческого языка, его не-всем-посильности, необходимости непрестанно упражняться в нем на письме и вслух (ради ударения), все эти «шпрюхи» вроде «ничто так быстро не рассыпается, как греческий язык в голове» или «учить латинский язык нужно быстро – почему? – чтобы больше осталось времени на греческий». Все это имело, кроме очевидных положительных, и некоторые отрицательные последствия.

Чтобы завершить этот краткий очерк образа преподавания Валентины Иосифовны, нужно сказать еще три вещи, и хотя бы упомянуть еще одну.

С самого начала, с самых первых уроков изложение греческой грамматики умело приправлялось элементарными сведениями из сравнительно-исторического языкознания. Так и вижу теперь, как Валентина Иосифовна начинает новую тему или отвлекается от разбора текста, поднимая вверх палец и устремляясь к доске с мелом: «В индоевропейском языке-основе...» Тут опять нужно было воспользоваться пресловутыми большими полями. Конечно, изучение языка как такового ни в коей мере не подменялось исторической грамматикой (историко-грамматические сведения, сообщавшиеся Валентиной Иосифовной в курсе греческого языка, по объему сопоставимы с теми, которые приводятся для латинского языка в грамматическом справочнике к учебнику Мирошниковой – Федорова, то есть не очень обширны), но привлечение данных из нее имело двойную пользу. С одной стороны, оно позволяло некоторые темы изложить одновременно компактнее, объемнее и осмысленнее, без умножения механических правил (вроде «растягиваний», «выпадений/вставлений» и т.п.), с другой – расширяло наш кругозор в филологии и в лингвистике. Про деление языков на «кентум» и «сатэм», про архаичные черты литовского языка, про основную схему индоевропейского аблаута (конечно, на уровне младограмматики, без учета ларингальной теории; впрочем, и она упоминалась), про тематические гласные, про большинство фонетических процессов и законов (метатезу, заместительное удлинение, закон Грассмана и т. п.), как и про многое другое, мы впервые услышали именно во время занятий греческим, а не где-нибудь еще. Это было очень кстати: на семинарах по введению в языкознание для таких подробностей мало времени, а до курса собственно исторической грамматики греческого языка ждать было еще два года.

С самого же начала проводились параллели или отмечались различия с латинским языком. Общеизвестна максима о том, что филолог-

классик стоит крепко на двух ногах – латинской и греческой, хотя, на самом деле, это, кажется, бывает нечасто. Метода Валентины Иосифовны включала в себя, хотя и в простейшем виде, опору сразу на эти две «ноги»: греческая грамматика пояснялась через сравнение с латинской и наоборот; выявлялось общее и различное; это способствовало и лучшему запоминанию, и лучшему пониманию общих закономерностей...

Кроме того, Валентина Иосифовна не забывала делать сопоставления древнего греческого языка с современным греческим. Кажется, она свободно на нем говорила, и мужем у нее, как известно, был грек. Новогреческая линия не была в ее преподавании навязчивой, но присутствовала, давала, так сказать, дополнительную историческую перспективу. На первом же занятии она начертила на доске длинную горизонтальную черту и разметила, где какой период греческого языка, как он называется, как соотносились (приблизительно) книжный и народно-разговорный язык в тот или иной период. А потом, на следующих занятиях, любила упоминать случаи, в которых особенно курьезно проявлялась судьба греческих слов, или с опережением программы рассказывать про судьбу приращення, конъюнктива и т. п. после конца древнегреческого периода.

Как-то раз, объясняя очередную тему, Валентина Иосифовна сказала, что такой-то материал мы будем изучать во втором семестре. И прибавила: «Но уже *ohne mich*». В группе, несомненно, были люди, которые немецкие слова понимали не хуже меня, но, оглядев аудиторию, я, как ни странно, не заметил, чтобы кто-то показал видом, что понял сказанное. В этот момент я окончательно убедился, что во втором семестре Валентина Иосифовна вести занятий у нас не будет.

У нее было два шуточных ответа на вопрос «как вы себя чувствуете»: «В пределах разумного» и «Субъективно – сносно, а объективно – по-разному». Видимо, к началу 1991 г. пределы разумного были минованы, а субъективное самочувствие сблизилось с объективными показателями. Объясняя причины своего ухода, Валентина Иосифовна говорила, что среди прочего ее доконало наше здание – Первый гуманитарный корпус. В это легко поверить, когда вспомнишь, что большую часть осени и зимы его огромные, в три четверти стены, окна представляют вид серого, высокого и вместе с тем тяжелого неба. Валентина Иосифовна говорила, что переезд в новое здание с Моховой был для тех, кто его пережил, своего рода границей эр. В университете она появлялась уже только изредка, например, пришла на защиту дипломов того курса, где учились А.Г.Дунаев, А.И.Любжин, О.Д.Никитинский. Кажется, это был последний раз, когда мы видели ее *intra muros*.¹¹

---

¹¹ Полный текст воспоминаний см. на сайте: www.librarius.narod.ru

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ РАДЦИГ

Сергей Иванович Радциг (5 (18) мая 1882, Москва – 4 октября 1968, Москва) – филолог-классик, переводчик, профессор Московского университета.

В 1904 г. окончил Московский университет, затем преподавал на Высших женских курсах и в Ярославском университете.

В 1934 г. по приглашению своих учителей М.М.Покровского и С.И.Соболевского начал работать на кафедре классической филологии Института философии, литературы и истории (ИФЛИ), которая позже стала кафедрой классической филологии Московского университета. В 1942 г. получил звание профессора и работал на кафедре до конца жизни.

Награжден орденами Ленина и Трудового Красного знамени, многими медалями.

Читал курс античной литературы, курс древнегреческой литературы и введение в классическую филологию.

Автор многочисленных статей, переводов и монографий.

Самые значительные труды – «Античная мифология» (1939), «История древнегреческой литературы» (1940), «Введение в классическую филологию» (1965).

В 1948 г. в серии книг о виднейших деятелях Московского университета С.И.Радциг опубликовал биографический очерк¹² о Михаиле Михайловиче Покровском, глава из которого «Жизненный путь» приводится ниже.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПОКРОВСКИЙ

Михаил Михайлович Покровский (21 декабря (2 января) 1869, Тула – 10 августа 1942, Казань) – филолог-классик, лингвист. Профессор Московского университета с 1899, академик Академии наук СССР – с 1929, первый заведующий кафедрой классической филологии в ИФЛИ.

¹² Михаил Михайлович Покровский. Очерк проф. С.Радцига//Серия: Замечательные ученые Московского университета. – М.: МГУ, 1948. С. 5–12.

М.М.Покровский окончил историко-филологический факультет Московского университета, классическое отделение. Преподавал в Московском университете с 1894 по 1930 гг.

В 1895 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Семасиологические исследования в области древних языков». В апреле 1899 г. – докторскую диссертацию «Материалы для исторической грамматики латинского языка». В 1917 г. избран членом-корреспондентом, а в 1929 г. – действительным членом Академии наук СССР. С началом Великой Отечественной войны был эвакуирован в Казань.

Автор большого количества работ по древним языкам, античной литературе, сравнительно-историческому языкознанию. Наиболее значительные: «Семасиологические исследования в области древних языков» (1896); «Пушкин и римские истории» (1909); «Петроний и русский фольклор» (1930); «Учебник по римской литературе» (1948).

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ¹³

Скончавшийся в 1942 г. действительный член Академии наук СССР Михаил Михайлович Покровский, в течение многих лет профессор Московского университета, принадлежит к числу выдающихся представителей русской филологической науки.

Михаил Михайлович родился 21 декабря 1868 г. (2 января 1869 г. по новому стилю) в городе Туле. Из четырех его братьев особенно выделялся Петр Михайлович, профессор математики Киевского университета.

Первоначальное образование Михаил Михайлович получил в тульской гимназии. Учился Михаил Михайлович отлично, при этом уже в школьные годы, как отмечено в его аттестате зрелости, проявлял «склонность к языкам древним и новым».

Постановка классического образования в гимназиях в это время в результате реакционной реформы Д.А.Толстого 1872 г. отличалась бездушным, формалистическим характером. Благодаря своим способностям и склонностям Михаил Михайлович получил на школьной скамье достаточные знания древних языков и интерес к античной культуре. При окончании курса гимназии в 1891 г. Михаил Михайлович был награжден золотой медалью. Он поступил на историко-филологический факультет Московского университета и сразу же определил свое призвание, избрав специальностью классическое отделение.

В 80-х гг. на филологическом факультете университета стали предъявляться серьезные требования при изучении древних языков. Историко-филологический факультет, включавший в свою программу многообразные отрасли филологических и исторических наук, блистал

---

¹³ Михаил Михайлович Покровский. Очерк проф. С. Радцига //Серия. Замечательные ученые Московского Университета. МГУ, М., 1948, с. 5-12.

именами многих выдающихся представителей русской науки. На классическом отделении в это время читали лекции крупные ученые: выдающийся полиглот академик Ф.Е.Корш (1843–1915), человек с исключительной широтой научного кругозора и большим поэтическим талантом, знакомивший своих слушателей с тонкостями языка и художественными прелестями древней поэзии; Г.А.Иванов (1826–1901), большой знаток латинского языка, замечательный педагог и обаятельный человек. Кроме того, Михаил Михайлович слушал лекции В.Г.Зубкова, видного эллиниста и хорошего педагога (1849–1903); И.В.Цветаева (1847–1913), руководившего занятиями по латинскому языку, римской литературе и античному искусству, позднее прославившегося в качестве организатора Музея изобразительных искусств в Москве; Г.К.Ульянова, под руководством которого Михаил Михайлович изучал греческую диалектологию с упражнениями по Гомеру; И.И.Луньяка, читавшего греческую литературу и руководившего занятиями по латинскому языку (интерпретация Проперция); А.Н.Шварца и др.

На последнем курсе Михаил Михайлович занимался в специальном семинаре по греческому языку у только что начавшего тогда педагогическую деятельность С.И.Соболевского. Область литературоведения была представлена такими видными учеными как Н.С.Тихонравов (1832–1893), Н.И.Стороженко (1836–1906), В.Ф.Миллер (1848–1913). Из историков учителями были В.О.Ключевский (1841–1911), В.И.Герье (1837–1919) и П.Г.Виноградов (1854–1925). Но больше всего молодого Михаила Михайловича захватил интерес к вопросам сравнительного языкознания, которое было представлено Ф.Ф.Фортунатовым (1848–1914). Михаил Михайлович слушал его курсы: введение в языковедение, фонетику и морфологию индоевропейских языков, что придало дальнейшим научным изысканиям Михаила Михайловича особое направление – он сделался не просто классиком, а классиком-лингвистом.

Сближение Михаила Михайловича с Ф.Ф.Фортунатовым произошло необычным образом. Будучи студентом II-го курса, Михаил Михайлович на одном из университетских диспутов выступил с возражениями профессору Фортунатову. Замечания студента оказались последнему настолько дельными, что он пригласил его к себе на «четверги», и с этих пор между ними установились самые сердечные отношения, прервавшиеся только со смертью Ф.Ф.Фортунатова. Из всех университетских профессоров наибольшее влияние на научное направление Михаила Михайловича, по его собственному признанию, оказал именно Ф.Ф.Фортунатов. Михаил Михайлович посвятил ему статью в журнале «Slavia» за 1925 г. Он вспоминает, как многим был обязан и он сам, и некоторые из его товарищей домашним беседам Ф.Ф.Фортунатова, особенно на его «четвергах», на которые собирались выдающиеся представители русского и западно-

европейского языкознания. Среди посетителей часто бывали Ф.Е.Корш, А.А.Шахматов, В.К.Поржезинский; из иностранных ученых – лингвисты Шрадер, Сольмсен и др.

На I курсе Михаил Михайлович стал изучать древнеиндийский язык – санскрит под руководством В.Ф.Миллера. Будучи студентом III курса, в 1890 г. Михаил Михайлович был награжден золотой медалью за сочинение на тему: «Склонение имен в латинском языке сравнительно со склонением их в родственных языках». В 1891 г. Михаил Михайлович закончил курс университета и блестяще сдал государственные экзамены. С.И.Соболевский, который в качестве доцента принимал экзамен по греческим авторам, вспоминает, как Михаил Михайлович с большой выразительностью и чувством читал греческий текст и давал толкование одного места из трагедии Софокла «Филоклет».

За сочинение, представленное по окончании курса, Михаил Михайлович был награжден премией имени Исакова. Темой сочинения был «Грамматический разбор древнейшей Сципионовой надписи “Senatus consultum de bacchanalibus”».

По окончании университета Михаил Михайлович был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. Своеобразный характер его научных интересов дал основание ходатайствовать об этом сразу двум кафедрам: от кафедры классической филологии внес такое предложение проф. Г.А.Иванов, от кафедры сравнительного языкознания оно было сделано проф. Ф.Ф.Фортунатовым. В ходатайстве об оставлении при университете, которое было подписано четырьмя профессорами: И.В.Цветаевым, Ф.Ф.Фортунатовым, И.И.Луньяком и В.Ф.Миллером, отмечалось, что М.М.Покровский «приобрел в свою бытность в университете такое количество знаний по классической филологии и сравнительному языковедению, какое редко встречается у наших студентов». Из этого документа видно, что он основательно изучил произведения Плавта, Теренция, Катулла, Вергилия, Горация, Тибулла, Проперция, Овидия, Ливия, Тацита, Гомера, Софокла, Геродота, «Афинскую политику» Аристотеля и обнаружил исключительные познания по сравнительной грамматике индоевропейских языков, а также занимался латинской эпиграфикой, метрикой и итальянской диалектологией.

Тогда же началась и научная деятельность М.М.Покровского. К 1891 г. относятся первые его печатные труды: «Лингвистические заметки по латинской грамматике», «Звательная форма в латинском языке», опубликованные в журнале «Филологический Вестник» за 1891 г.

Помимо Ф.Ф.Фортунатова, на Михаила Михайловича оказал влияние известный историк П.Г.Виноградов, который руководил занятиями по истории Греции. Как раз в это время был впервые опубликован только что открытый трактат Аристотеля «Афинская политика». И многие наши

ученые, как и сам П.Г.Виноградов, занялись изучением этого важнейшего памятника. Немало потрудился и Михаил Михайлович, напечатавший о нем ряд работ, среди которых наиболее крупная – «Этюды по Афинской политике Аристотеля», изданные отдельной книгой в 1893 г. В это время он обладал познаниями, вызывавшими удивление его сверстников. «Часы, которые я провожу у него, – писал его младший товарищ, впоследствии литературовед М.О.Гершензон, – принадлежат к счастливейшим в моей жизни; его глубокие знания, живой и светлый ум, недюжинное остроумие, делают беседу с ним очаровательной. Один вечер, проведенный с ним, обогащает меня более, чем год университетских лекций».

Михаил Михайлович по ходатайству историко-филологического факультета с научными целями был командирован за границу. Он побывал в Германии, во Франции (в Париже) и в Италии. Жизнь за границей дала Михаилу Михайловичу возможность прекрасно – теоретически и практически – изучить языки посещенных им стран (он знал, кроме того, английский и испанский).

Вернувшись после двухлетнего пребывания за границей, Михаил Михайлович успешно сдал в Московском университете магистерский экзамен и, прочитав 17 ноября 1894 г. пробную лекцию на тему «Значение сравнительного языковедения для классической филологии», в декабре того же года получил звание приват-доцента и стал читать систематические курсы. Так началась его преподавательская деятельность. Вместе с тем год от года расширялась и его научно-исследовательская работа. В 1895 г. Михаил Михайлович защитил магистерскую диссертацию «Семасиологические исследования в области древних языков», а в 1899 г. – докторскую: «Материалы для исторической грамматики латинского языка», после чего в том же 1899 г. он был назначен экстраординарным, а в 1901 г. – ординарным профессором Московского университета; с этих пор Михаил Михайлович принимает активное участие в академической жизни. Так, отстаивая принципы «предметной» системы академического преподавания, он 7 декабря 1905 г. подал в Совет университета докладную записку, в которой доказывал необходимость коренного изменения всей постановки преподавания, а потом, не удовлетворенный принятым 31 декабря постановлением, 3 января письменно заявил свое особое мнение.

Кроме университета, Михаил Михайлович в течение 13 лет читал лекции на Московских Высших женских курсах – в 1900–1904 и 1910–1919 гг. После революции научная и преподавательская деятельность Михаила Михайловича расширилась. В 1917 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук.

С упразднением историко-филологического факультета Михаил Михайлович оставался профессором на этнолого-лингвистическом факуль-

тете. В течение шести лет, с 1923 по 1930 гг., он руководил работами античной секции РАНИОН в качестве ее председателя, неоднократно выступал с научными докладами и вел занятия с аспирантами не только классической, но и лингвистической секций. Затем эта работа продолжалась в Научно-исследовательском институте языка.

В 1929 г. Михаил Михайлович был избран в действительные члены Академии наук СССР. Академик С.А.Жебелев в своей рекомендации писал: «Мы видим, что ученые интересы Покровского очень разносторонни. Прекрасный знаток древних языков и греческой и римской письменности, М.М.Покровский чувствует себя хозяином одинаково и в формальной и в реальной филологии. Он столько же языковед, сколько и историк литературы. Его научно-исследовательская работа, шедшая всегда по определенному плану к ясно поставленным целям, никогда не прерывалась, а его появившиеся за последние 8 лет в Известиях Академии «Notes d' étymologie latine», показывают, что талант его находится в полном расцвете».

В 1934 г. в Москве был учрежден Институт истории, философии и литературы (ИФЛИ). Михаил Михайлович принял самое горячее участие в организации в этом институте классического отделения. Как загорелось сердце Михаила Михайловича, когда он почувствовал реальную возможность продолжать любимое дело! Михаил Михайлович словно помолодел и, забывая свой почтенный возраст, – ему уже шел 65-й год, – взялся за работу с чисто юношеской энергией. Мы, старшие его ученики, видели его снова таким, каким он был в ранние годы профессорской деятельности. Михаил Михайлович просиживал часы на заседаниях, составлял проекты, отстаивал каждый пункт своей программы с обязательными требованиями, которые он считал необходимыми для будущего классика. Он писал письма, звонил по телефону, лично посещал старых товарищей профессоров С.И.Соболевского и Н.И.Новосадского, чтобы привлечь их к участию в преподавании, посещал своих старших учеников – С.П.Гвоздева, С.И.Радцига и многих других. Так образовались основные кадры преподавателей в ИФЛИ, и все они дружно, с юношеским жаром принялись за возрождение любимого дела. Позднее к ним присоединились и более молодые специалисты. Так Михаилу Михайловичу удалось наладить преподавание.

До 1939 г. Михаил Михайлович нес на своих плечах всю тяжесть заведования кафедрой классической филологии; он составлял планы, рассматривал программы, читал лекции, руководил аспирантами. Одновременно Михаил Михайлович вел занятия по латинскому языку с аспирантами Московского государственного педагогического института им. Ленина (до 1938 г.). Приходилось считаться с тем обстоятельством, что поступавшие на филологический факультет не имели необходимого знания

древних языков. Дело осложнялось еще и тем, что слабы были знания по новым языкам. В течение университетского курса надо было провести с ними такую работу, чтобы не только восполнить эти пробелы, но и подготовить их к научной деятельности. И вскоре то, что казалось невозможным, стало осуществляться на деле. Война несколько нарушила налаженный порядок и задержала подготовку аспирантов, которые были выращены за это время, и Михаилу Михайловичу не довелось увидеть плодов своей работы.

Была еще и другая трудность, которую приходилось и до сих пор еще приходится преодолевать преподавателям-классикам: недостаток учебников. По инициативе Михаила Михайловича закипела работа и в этом направлении. К сожалению, возможности печатания учебников оказались ограниченными, и только латинская грамматика и 1-я часть латинской хрестоматии С.И.Соболевского увидели свет при жизни Михаила Михайловича. Под его редакцией была подготовлена большая хрестоматия в 3 томах из произведений римских писателей с краткими комментариями, но издание ее только теперь начало осуществляться, хотя и в измененном плане, в виде отдельных книжек избранных текстов – Вергилия, Овидия, Саллюстия, Цицерона и других. Многое еще было намечено.

Своими научными трудами и организационной деятельностью Михаил Михайлович приобрел такую репутацию, что, когда по мысли А.М.Горького был образован Институт мировой литературы, без всякого колебания руководство секцией античной литературы было поручено именно ему. Эта секция, в которой собралось большинство представителей классических знаний, зарекомендовала себя изданием ряда научных трудов и учебных пособий.

В 1940 г. 22 мая был торжественно отпразднован 50-летний юбилей научной и педагогической деятельности Михаила Михайловича. В чествовании его приняли участие многие учреждения: Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. Горького, Московский государственный университет, Институт истории, философии и литературы, а также многочисленные ученики и почитатели, почтившие юбиляра адресами и приветствиями. Михаилу Михайловичу был поднесен сборник статей его учеников и почитателей. К сожалению, в последние годы жизни состояние здоровья не позволяло ему принимать активное участие в дальнейшей организационной работе.

С началом Великой Отечественной войны прекратилась педагогическая деятельность Михаила Михайловича. В августе 1941 г. он вместе с многими другими членами Академии наук эвакуировался в Казань. Здоровье его, сильно ослабевшее в последние годы от болезни сердца, еще более ухудшилось. Незадолго до смерти он увидел напечатанным свой последний большой труд – «История римской литературы» (1942).

Михаил Михайлович Покровский скончался в Казани 10 августа 1942 года и похоронен там на Арском кладбище.

* * *

Помимо статьи С.И.Радцига, коллеги Михаила Михайловича Покровского, публикуем также воспоминания **Клары Петровны Полонской** (о ней см. стр. 104), тогдашней студентки кафедры классической филологии.

Повод для моего небольшого рассказа – 125-летие со дня рождения Михаила Михайловича Покровского. Он был профессором Московского университета и первым в советское время заведующим кафедрой классической филологии, ее организатором и создателем после того, как она была упразднена в 1922 г., вместе с ликвидацией историко-филологического факультета в МГУ.

Кафедра классической филологии была восстановлена в 1934 г. в структуре ИФЛИ, который дал три выпуска студентов и в начале войны волился в МГУ.

Максим Владимирович Сергиевский, первый декан факультета, выдающийся лингвист-романист, увлекся идеей возрождения филологического образования и привлекал к работе на факультете лучших специалистов, крупнейших ученых страны.

Я помню, как отрядил он небольшую группу девочек-первокурсниц на дачу к Михаилу Михайловичу просить его согласиться взять на себя руководство кафедрой. Видимо, Михаил Михайлович колебался, и требовались дополнительные, эмоциональные аргументы, чтобы растрогать его.

Михаилу Михайловичу было тогда 66 лет, он был уже маститым ученым, профессором, а с 1929 года – действительным членом Академии наук СССР и зарекомендовал себя не только как выдающийся филолог-классик, но и как лингвист-романист широкого профиля, имеющий мировую известность благодаря своим исследованиям в области семасиологии. Он изучал изменение значения слов, словообразование, историческую морфологию в системе латинского языка и прослеживал развитие семантики в индоевропейских, главным образом романских, языках.

Это была, вероятно, самая замечательная черта Михаила Михайловича как ученого: зная множество языков и свободно владея сравнительным методом, он обогатил не только историческую грамматику латинского языка, но и сравнительное языкознание. Надо сказать, что его докторская диссертация, защищенная еще в 1899 году, была посвящена именно этой проблеме, и хотя и называлась «Материалы для исторической грамматики латинского языка», но ее содержание много шире, чем название. Последний раз она была переиздана в сборнике «Избранные

работы по языкознанию» (1959). Похвальные отзывы об этой работе дали в свое время такие крупные лингвисты, как Мейе и Нидерман.

Михаил Михайлович был учеником и другом Филиппа Федоровича Фортунатова, о значении которого для русской лингвистики не приходится говорить. Михаил Михайлович постоянно участвовал в знаменитых «четвергах» Фортунатова, на которые собирались выдающиеся представители русского и зарубежного языкознания; из русских назовем Шахматова и Корша, из иностранных – Сольмсена. Это – так называемые «младограмматики», но, принадлежа к их числу, Михаил Михайлович разрабатывал семасиологию – ту область языкознания, которой они меньше всего занимались, и тем значительно обогатил лингвистическую науку.

Михаил Михайлович высоко чтит Фортунатова, и даже в 30-е гг., когда мы приходили заниматься к нему домой, мы видели на его письменном столе портрет Фортунатова.

Велико было значение Михаила Михайловича не только как лингвиста-романиста, но и как филолога-классика. Две его работы, кроме уже упомянутой мною его докторской диссертации и переизданные вместе с нею, не потеряли своего значения и сейчас. Это «О роли сравнительного языковедения для классической филологии» и «Семасиологические исследования в области древних языков» (1985). Эти труды основаны на обширном языковом материале и как бы суммируют многочисленные статьи и заметки, выходившие в разное время до этого.

Михаил Михайлович прекрасно читал и комментировал древних авторов и с нами, студентами ИФЛИ, и с аспирантами-лингвистами из РАНИОНа и из научно-исследовательского института языка (я знаю, что у него учился наш Н. С. Чемоданов). Читал Михаил Михайлович также историю латинского языка и курс народной латыни.

Мы регулярно приходили к нему, в дом постройки конца 20-х гг. на Хамовническом плацу, рядом с церковью Николая в Хамовниках. Михаил Михайлович радушно приветствовал нас, и непременным участником наших занятий был большой серый кот Урсик, который живописно располагался на столе или у нас на коленях.

Мы читали с Михаилом Михайловичем Горация и Плавта. Одновременно мы занимались латинскими и греческими авторами с С. И. Соболевским и могли в полной мере оценить различие методов преподавания таких непохожих друг на друга ученых, как Соболевский и Покровский. Если Соболевский был филологом старой школы, не лингвистом, а грамматиком, вчитывался в данный текст, занимался критикой этого текста, сравнивал чтение разных рукописей и заставлял нас вдумываться в каждое слово и его форму в данном контексте, разъясняя прежде всего его грамматическую функцию, исходя из особенностей языка, то Покров-

ский интересовался историей слов и их значений, выявлял общие закономерности в изменении значения слов, которые принадлежали к одной и той же словообразовательной категории в разных языках и широко пользовался аналогичными примерами из этих языков.

Кроме того, Михаил Михайлович придавал большое значение фонетике, метрике, демонстрировал, иногда на примерах, сохранившихся в живых языках, звучание чередующихся долгих и кратких гласных, а в своих комментариях так увлекался, что показывал звучание того или иного звука в определенной позиции у Плавта или в разговорном латинском языке, привлекая и надписи на умбском или осском языках и современные славянские и германские языки, не говоря уже о романских.

Легко отвлекался – говорил, как меняется значение того или иного слова, как оно произносится в различных романских языках и диалектах, и воссоздавал обстановку, где слышал то или иное слово – где-нибудь на ярмарке в Андалусии или на карнавале в Каталонии, об атмосфере этих народных празднеств.

Михаил Михайлович много путешествовал, и наблюдения его над народной речью носили живой и непосредственный характер, сближались с народной латынью, а так как рассказчик он был великолепный, то слушать его рассказы на «смежные» темы было всегда очень интересно.

Он осмысливал и психологические нюансы, выявляя значение слова через его морфологическую форму именно в данном контексте. Делал он это и на латинских и на русских примерах. Я помню, как для меня открылась целая область психологических аспектов языка, когда Михаил Михайлович показал совмещение активного и пассивного значения не только в отглагольных прилагательных (пример: «грустный» – это и наводящая грусть песня, и грустный человек – носитель определенного чувства), но и в существительных, имеющих двоякое значение (например, «радость» – чувство и тот, кто его вызывает – «ты моя радость»).

Михаил Михайлович не ограничивался только лингвистическими примерами, он привлекал исторические и бытовые реалии, примеры из других литератур. Так, например, анализируя характер Эвклиона (мы читали «Аулюлярию» («Горшок»)), он рассматривал проблему скупости в мировой литературе и на лексическом анализе приходил к выводу, что в отличие от Гарпагона Мольера, неожиданно разбогатевший бедняк Плавта не скуп, а патологически опаслив, поэтому бережет свое богатство.

Античная литература рассматривалась Михаилом Михайловичем в широком контексте мировой литературы. Он специально писал об античных темах у Пушкина, а раскрывая психологический характер героев античности, сравнивал, например, Дидону Вергилия с Дездемоной Шекспира («она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним»), а раба-

интригана Плавта со Скапеном Мольера («Проделки Скапена»). Михаил Михайлович занимался также сопоставлением поэтических мотивов у Гомера с русским былинным эпосом, использовал русский фольклор для сравнения с романом Петрония.

Были у Михаила Михайловича и «посторонние» излюбленные темы, на которые он (не без нашего подталкивания) легко сбивался. Одна из них – новое учение о языке академика Марра, которое тогда набирало силу, но еще не стало официальным и обязательным и встречало резкий отпор у некоторых московских лингвистов. Перепапки последовательного индоевропеиста Покровского с Марром в стенах Института языка приобретали ожесточеннейший характер, дело доходило до взаимных оскорблений, и Михаил Михайлович нам пересказывал свои аргументы в этих баталиях на очередном заседании. Теперь я понимаю, что и эти рассказы носили воспитательный характер и убеждали нас в научности сравнительного метода и беспочвенности учения о четырех элементах языка.

Михаил Михайлович сколотил преподавательское ядро кафедры классической филологии. Он много работал над созданием учебных планов, оставшихся в своей основе неизменными до сих пор; его усилиями стала выходить, частично уже после его смерти, серия комментированных текстов античных авторов, над которыми работали преподаватели кафедры, а Михаил Михайлович не только редактировал их и писал вводные статьи, но и сам комментировал некоторые из них. Это было очень ценное начинание: впервые в советское время на латинском языке появились авторы – Цезарь и Саллюстий, Вергилий и Гораций, Овидий и Лукреций, Цицерон (1-я речь против Катилины) и Тит Ливий (21-я книга). Тираж от 15 до 25 тысяч экземпляров был вполне достаточен для того времени (ведь было мало учебных заведений, где изучалась латынь). Зачитанные до дыр, эти книжечки и сейчас, через 50 лет, существуют и приносят пользу.

Жизнь кафедры в 1934 году Михаил Михайлович начинал с С.И.Соболевским, профессором, членом-корреспондентом Академии наук, с интересом взявшимся за обучение совсем не подготовленных студентов. Потом стали преподавать Б.Н.Граков, А.Н.Попов, С.П.Гвоздев, П.М.Шендяпин, Н.И.Шатерников, Ж.С.Покровская.

В 30-е гг. Михаил Михайлович серьезно занимался римской комедией. В 1933-1937 гг. в издательстве «Академия» вышли под его редакцией три тома комедий Плавта и том Теренция. Он не только обработал эти переводы (А.В.Артюшкова), выверил сам все тексты, но и написал несколько статей (к Плавту), а оба издания снабдил превосходнейшими комментариями.

Работа на кафедре классической филологии побудила Михаила Михайловича к созданию учебника по истории римской литературы.

Учебник был написан перед самой войной и издан, когда Михаил Михайлович уже ушел с заведования кафедрой. Это произошло в 1939 г., когда из-за большой занятости и болезни сердца он сосредоточил свое внимание только на работе в античном секторе созданного тогда ИМЛИ.

Учебник вышел в начале войны, в 1942 г., когда Михаила Михайловича уже не было. Он умер 10 августа 1942 г. в Казани. Там он и похоронен.

Надо сказать, что судьба этой посмертной книги была печальна. Неоднократные выступления на заседаниях кафедры, Ученого совета и даже в печати, осуждающие учебник за приверженность автора к культурно-исторической школе и отсутствие марксистско-ленинского подхода к изучению явлений литературы (это было время борьбы с «веселовщиной»),¹⁴ подчеркивание «коренных методологических ошибок» способствовали забвению этой книги, основанной на тонком знании текстов, глубоком их осмыслении и блестяще, хотя, может быть, и не совсем ровно написанной.

Один из главных хулителей Михаила Михайловича как ученого, член кафедры классической филологии МГУ, ныне покойный, постоянно осуждал этот учебник, написанный, как он говорил, «коньячно-рафинированным, змеино-злоствующим эротоманом Покровским».

Я хорошо помню одно из заседаний кафедры, когда после очередной эскапады вся в слезах из аудитории выбежала Жюстина Севериновна, жена Михаила Михайловича, а мы с Валентиной Иосифовной Мирошниковой за ней – утешать.

В связи с Михаилом Михайловичем не могу не упомянуть добрым словом и Жюстину Севериновну, верную спутницу Михаила Михайловича. Она познакомилась с ним, когда была слушательницей Высших женских курсов, где он читал лекции. Жюстина Севериновна работала еще до войны в ИФЛИ – преподавала латынь на общем и на классическом отделениях, где мы имели счастье с ней работать.

Человек кристальной чистоты и благородства, Жюстина Севериновна была далека от всякой злободневной суеты, предана науке и памяти Михаила Михайловича. Ее усилиями его библиотека, содержащая уникальные издания, перешла в фонды нашей библиотеки им. Горького и там сохранилась. Мы пользуемся этими книгами, содержащими на по-

---

¹⁴ «Веселовщина» – явление названо по имени российского историка, академика АН СССР Веселовского Степана Борисовича (1876–1952), обвиненного в 1948 г. в буржуазном объективизме, в том, что «он занимался историей феодализма, но ... совершенно не пользовался широко известными работами классиков марксизма-ленинизма и их высказываниями по вопросам феодализма, иммунитета и т. п.». Публикации его научных работ после этого обвинения были затруднены. Вскоре кампания приняла широкие масштабы, и «веселовщину» или ее элементы «находили» практически у всех ученых – литературоведов, лингвистов и т. д. (*Прим. ред.*).

лях, а также на отдельных вложенных в книги листочках заметки, сделанные рукой Михаила Михайловича Покровского.

Жюстину Севериновну знали старшие члены кафедры классической филологии МГУ, ее пенсне, прямую осанку, некоторую старомодность манер, всегда доброжелательную и внимательную форму общения помнят и преподаватели факультета. Все мы сохранили о ней благодарную память, и хотелось бы почтить добрым словом вместе с Михаилом Михайловичем и ее также.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ШЕВЧЕНКО

Людмила Ивановна Шевченко – филолог-классик, специалист по античной литературе.

В 1969 г. окончила отделение классической филологии филологического факультета Ленинградского государственного университета, в 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Вавилонская повесть» Ямвлиха».

В настоящее время – доцент филологического факультета Самарского государственного университета. Круг ее научных интересов составляют проблемы исследования античной повествовательной прозы, новогреческого языка и новогреческой литературы. Она уделяет большое внимание вопросам методики преподавания классических языков и античной литературы.

Л.И.Шевченко – автор статей по истории античной литературы – «Топические черты греческого романа в “Вавилонской повести” Ямвлиха», «Концепт “болезнь” (врачебная деятельность в памятниках античной повествовательной прозы)»; а также пособий по курсам латинского, древнегреческого языков и античной литературы.

Предлагаем вниманию читателей воспоминания Л.И.Шевченко о своем научном руководителе – Софии Викторовне Поляковой.

СОФИЯ ВИКТОРОВНА ПОЛЯКОВА

София Викторовна Полякова (13(26) июля 1914, Петроград – 30 апреля 1994, Санкт-Петербург) – филолог-классик, переводчик средневековой прозы, исследователь русской поэзии.

Окончила классическое отделение Ленинградского государственного университета, защитила диссертацию «Семантика образности античного исторического эпоса». Занималась переводами античных и византийских романов. Опубликовала около десятка статей и исследований, посвященных творчеству

Осипа Мандельштама, Андрея Белого, Николая Клюева, Марины Цветаевой, Велимира Хлебникова, Анны Ахматовой.

Особое место занимает исследование С.В.Поляковой творчества поэтессы С.Я.Парнок (1885 – 1935).

В ее переводе вышли: «Клавдий Элиан. Пестрые рассказы» (1963); «Византийские легенды» (1972, второе издание вышло в 1995 г. под названием «Жития византийских святых»); «Средневековые латинские новеллы XIII в.» (1980).

Говорить о столь яркой и неординарной личности, какой была София Викторовна и как ученый, и как человек, не просто: в памяти ее учеников, коллег, соратников, близких ей людей и недругов сохранились различные, далеко не однозначные воспоминания. Хочется пожалеть о том, что собственная память запечатлела далеко не все, что хотелось бы, но кому приходит в голову в молодые годы фиксировать на бумаге то, что кажется таким естественным, хотя и подспудно понимаемым как дар судьбы.

С тем, что создано Софией Викторовной Поляковой в ее научном наследии, да и с самим образом ее, более всего соотносятся слова поэта Владислава Ходасевича, адресованные поэзии ее старшей соименницы Софии Парнок, о том, что ей свойственно «не общее выражение» и что «она была далека от какой бы то ни было подражательности».

Отец Софии Викторовны – Виктор Абрамович Поляков, юрист по образованию, последнее предвоенное десятилетие сотрудничал в качестве журналиста с известным издательством «Детгиз» в Ленинграде, где в то время в журналах «Еж» и «Чиж» начали свою литературную деятельность поэты-обэриуты Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий и тяготеющий к ним, но так к обэриутам и не примкнувший, поэт-авангардист Николай Олейников.

Виктор Абрамович умер в первый блокадный год в Ленинграде от голода. В квартире на улице Плеханова, 36 (ныне это улица Казанская), расположенной в самом центре тогдашнего Ленинграда неподалеку от Исаакиевской площади, где прошла фактически вся жизнь Софии Викторовны Поляковой, кроме последних 12 лет, висел портрет Виктора Абрамовича, подтверждающий внешнее сходство отца и дочери.

Большую роль в воспитании и становлении Софии Викторовны как личности сыграла ее мать Тина Яковлевна, приехавшая в Петербург из небольшого польского городка учиться музыке в консерватории. Школьные годы София Викторовна провела в одной из престижнейших школ города, находившейся на Невском проспекте, так называемой Petri Schule.

С детских лет Софией Викторовной овладели несколько страстных увлечений, определивших впоследствии фактически весь ее *modus vivendi*.

Это любовь к животным и всей окружающей нас живой природе, которая с возрастом переросла в некую философскую, выдержанную в толстовском духе концепцию. Из всех животных ею особо выделялись волки, выдры, собаки и кошки. Это не было банальным увлечением детства, через которое прошло большинство из нас. Помимо гипертрофированной любви к братьям меньшим эта сторона жизни Софии Викторовны имела некий, перманентно ей присущий, научно-азартный характер. О волках, например, был собран материал для отдельной книги. С автором известнейших книг о животных Джой Аддамсон София Викторовна вела переписку и получила в подарок ее популярную в нашей стране (благодаря художественной экранизации) книгу «Рожденная свободной». Среди книг в ее библиотеке были произведения Фарли Моуэта, Гэвина Максвелла, писавших о животных Севера, особо любимая «Легенда о Сан-Микеле» скандинавского писателя Акселя Мунте. Как знать, появился ли бы без этого увлечения литературный этюд о «Коте символическом и коте реальном» в поэзии и прозе Клюева, которого автор статьи с особой симпатией называет Katzenmensch – «человеком, любящим кошек», вызывающим у них особое отношение к себе (это отмечают и другие пишущие о Клюеве), а со своей стороны воздающим им той же любовью в поэтическом творчестве. И уж совершенно точно не было бы посвящения любимой собаке в переведенной Софией Викторовной книге Элиана «Пестрые рассказы», опубликованной в серьезном академическом издании, для многих тогда ставшего просто шоком.

С юных лет проявился интерес к культурному наследию античности и европейским языкам, в это же время пришло пламенное увлечение русской поэзией конца XIX – начала XX вв., среди представителей которой особенно любимые Михаил Кузмин, Владислав Ходасевич, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Анна Ахматова. В одной из последних публикаций мемуарного характера София Викторовна пишет: «Стихи Анны Ахматовой были мне известны еще со школьной скамьи, личное же знакомство относится к осени 1932 года». В библиотеке Софии Викторовны, помимо поэтических книг этих авторов, изданных в пред- и послереволюционное время, был томик стихов Софии Парнок, однако к античному циклу она особого пристрастия не питала.

Подобно тому, какой принципиальной и даже категоричной была София Викторовна в своей научной деятельности, такой же избирательной и бескорыстной она была в дружбе. С огромной любовью София Викторовна относилась к своему ученику, известному переводчику, искусствоведу, литературному критику и поэту Геннадию Шмакову. К студенческим годам восходит начало дружбы с Раисой Васильевной Френкель, преподававшей впоследствии в Петрозаводском университете. Трогательные воспоминания хранила она всю свою жизнь о друге юности, мо-

лодом поэте Мироне Левине, умершем в совсем молодом возрасте, чуть старше двадцати лет. Впоследствии при активном участии Софии Викторовны Поляковой в Германии были опубликованы его стихи. Многие годы дружбы связывали Софию Викторовну с Елизаветой Леонидовной Эпельбаум, с родителями которой еще до войны дружила семья Поляковых. Не без ее усилий в доме, в котором всегда было полно животных и часто бесприютного, инакомыслящего в силу своего диссидентства народа, царил порядок, вкусно кормили и умели поддержать как в научном, так и в житейском плане.

Близкие, профессиональные и товарищеские отношения были между Софией Викторовной Поляковой и известным ленинградским филологом-классиком и литературоведом Андреем Николаевичем Егунным, деловые встречи и дружеское общение связывало ее с Иосифом Моисеевичем Тронским, Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, Яковом Николаевичем Любарским и многими другими коллегами.

Студенческие годы Софии Викторовны Поляковой начались на биологическом факультете Ленинградского университета в 1932 году, однако, сразу осознав, что это не ее призвание, она, некоторое время проучившись на романском отделении, вскоре перешла на недавно основанную благодаря усилиям Ольги Михайловны Фрейденберг кафедру классической филологии. Из всех своих учениц первого набора – все они впоследствии стали преподавателями этой кафедры (Берта Львовна Галеркина, Ольга Александровна Гутан, Наталья Васильевна Вулих (в девичестве Морева) и София Викторовна Полякова), наиболее талантливой и подающей надежды Ольга Михайловна назовет Соню Полякову в своей переписке с двоюродным братом и известнейшим поэтом Борисом Пастернаком. Эти письма двух интереснейших людей своего времени, представляющие большой биографический и литературоведческий интерес, полностью были опубликованы в Нью-Йорке в 1981 г. и много позже с незначительными сокращениями они появились у нас.

Первые научные опыты Софии Викторовны Поляковой и ее диссертация «Семантика образности античного исторического эпоса» свидетельствуют о большом влиянии на молодую исследовательницу научного авторитета ее наставницы Ольги Михайловны Фрейденберг, уважение к которой со стороны ученицы сохранялось многие годы.

Круг собственных научных интересов и пристрастий Софии Викторовны Поляковой определялся в основном одними и теми же причинами. Это – культурно-историческая значимость памятника, оказавшая большое влияние на развитие европейской и мировой литературы, а также культуры в целом; его недостаточная изученность, противоречивость точек зрения по поводу его анализа или полная безвестность; и наконец, это отсутствие переводов или их абсолютная несостоятельность,

не позволяющие большинству читателей и даже исследователей получить максимально точное и адекватное эпохе толкование композиционной структуры рассматриваемого произведения и стилистической манеры его автора.

Пристальное внимание, как в плане переводческой деятельности, так и в области теоретического исследования, София Викторовна Полякова обратила на жанр античного и византийского романа. В переведенных ею романах присутствует удивительное умение воссоздать объективность перевода при явной тенденции к отказу от буквального следования оригиналу, столь характерного для большинства прочих переводчиков этого жанра.

Значительнейшим явлением не только в области переводческого искусства XX в., но и в плане грандиозности и смелости научного замысла представляется нам перевод на русский язык многочисленных текстов, повествующих о жизни и деяниях греческих святых, предпринятый Софией Викторовной Поляковой в 1972 г., и с легкой руки главного редактора Дмитрия Сергеевича Лихачева названный «Византийскими легендами» в угоду требованиям того времени. Жития святых не переводились на русский язык в течение всего советского времени, а существовавший ранее дореволюционный перевод грешил неточностями, невероятной беззаботностью в стилистическом отношении, буквализмом, в результате чего он производил впечатление плохого гимназического подстрочника.

Едва ли не впервые памятники византийской агиографии рассматривались как историко-литературное явление. Исследовательница сосредоточила главное внимание на тематике агиографического сюжета и специфике стиля изложения. В генетической структуре житий было выявлено наличие как языческой основы, так и ветхо- и новозаветных источников, сюжеты отдельных повествований отражали реалистичность многих изображаемых жизненных факторов при превалирующей деформации этой реальности в большинстве сюжетов этого излюбленного чтения всех, «кто был умудрен грамоте, начиная от самодержца и кончая простолудином».

Работая над переводом сборника «Римские деяния» – средневековых латинских новелл XIII в., первоначальное ядро которых составляет преимущественно анекдотический материал, заимствованный из позднеимских писателей и обогащенный за счет других, далеко не римских источников, София Викторовна Полякова также сохранила верность своим основным научным принципам. Перед нами литературный памятник, впервые переведенный на современный русский язык, одна из самых популярных и читаемых книг человечества, сравнимая по популярности,

как отмечает сама переводчица, разве что с Библией, «Физиологом» или «1001 ночью».

Своеобразная манера обращения Софии Викторовны к читателю даже в самых серьезных академических изданиях (как, например, вступление к фундаментальному исследованию романа Евмафия Макремволита об Исмине и Исминии) сопоставима с некой провокацией: «Отношение исследователей к роману Евмафия Макремволита можно сравнить с поведением путешественников XVIII в., которые плотно закрывали занавески на окнах своих карет, когда им случалось проезжать по дорогам, откуда открывались виды на Альпы: зрелище казалось им уродливым и оскорбительным для глаза».

Особое место в творческом наследии Софии Викторовны Поляковой занимают ее исследования, посвященные русской поэзии «серебряного века». В период с конца 70-х и первой половины 90-х гг. София Викторовна Полякова опубликовала около десятка статей и исследований о творчестве Осипа Мандельштама, Андрея Белого, Николая Клюева, Марины Цветаевой, Велимира Хлебникова, Анны Ахматовой. Собранные воедино, эти работы, включая несколько неопубликованных ранее, были изданы в 1997 г. К сожалению, этот уникальный букет интереснейших исследований поэтического творчества представителей одного из самых актуальных сегодня разделов отечественной литературы остался практически незамеченным серьезной литературной критикой и читательской аудиторией, что, впрочем, неудивительно при тираже в 2000 экземпляров.

Наибольший интерес София Викторовна проявила к творчеству совершенно забытой к тому периоду времени поэтессы цветаевского уровня Софии Яковлевны Парнок (1885–1935).

Первая публикация стихотворений С.Я.Парнок, разбросанных по разным поэтическим сборникам начала XX столетия или хранившихся в рукописном виде у частных лиц, появилась в 1979 г. в американском издательстве «Ардис», и повторно «Сборник стихотворений» Парнок с обширной статьей Софии Викторовны Поляковой вышел у нас в стране в 1998, четыре года спустя после смерти Софии Викторовны.

Ажиотаж, вызванный публикацией этой книги, и недостаток предшествующей информации породили многочисленные, порой абсурдные домыслы как о поэтессе, так и об издательнице ее стихов в виде интернетовских статей и обзоров, согласно которым, например, «студентка советского ленинградского вуза» обязана своим открытием поэзии С.Я.Парнок «знакомству с Фрейденом», или утверждение о том, что, начиная с 70-х гг. «встреча Софии Викторовны Поляковой с наследием Парнок что-то изменила, сдвинула в ее жизни...» и с этого времени она полностью посвящает себя творчеству забытой поэтессы».

Такого рода суждения абсолютно безосновательны, т. к., во-первых, как мы уже отмечали, знакомство Софии Викторовны с поэзией Парнок произошло много раньше, хотя интерес к более зрелому творчеству, не связанному с античными стилизациями поэтессы, захватил ее в процессе работы над исследованием поэтического творчества поэтов «серебряного века» и усиливался по мере обнаружения новых, не изданных ранее произведений. Во-вторых, исследования и переводы античных и византийских памятников София Викторовна продолжала вплоть до конца своей жизни. После выхода в свет «Византийских легенд» в 1972 г. были опубликованы два сборника переводов и комментариев к ним с сопроводительными статьями. Это «Средневековые латинские новеллы XIII века», изданные в 1980 г., и «Византийский сатирический диалог», подготовленный совместно с Ириной Владимировной Феленковской в 1986 г. В 1979 г. была опубликована упомянутая ранее книга о романе византийского автора Евмафия Макреволита «Повесть об Исмине и Исминии», в 1988 г. публикуется литературоведческое и культурно-историческое исследование о романе Апулея «Метаморфозы» или «Золотой Осел», а в 1994 г. увидел свет перевод романа Харитона «Повесть о Херее и Каллирое», опубликованный с траурной рамкой вокруг имени переводчицы. К этому следует добавить огромное количество интереснейших статей по разным проблемам античной и византийской литературы, опубликованных в эти годы в различных выпусках журнала «Византийский временник» и научных сборниках отечественных и зарубежных издательств. Нельзя также умолчать об особом пристрастии Софии Викторовны Поляковой к изучению фольклорных материалов славяно-русского происхождения.

Одним из самых сложных для исследования, блестяще написанным, является раздел книги о Цветаевой и Парнок «Незакатные оны дни». На основании тончайшего стилистического анализа поэтического наследия Парнок и Цветаевой Софии Викторовне Поляковой удалось проследить, как «в творчестве обеих запечатлелась их любовь, и драгоценная, но подвластная времени материя жизни обратилась в еще, может быть, более драгоценную, но уже непреходящую материю поэзии и в «непреходящую ценность», как говорили греки κτήμα εις αεί».

Удивительные ассоциации со всей жизненной установкой Софии Викторовны Поляковой, ее жизнелюбием и даже трагизмом смерти (она умерла от болезни сердца весной, когда зацвели вишневые сады), вызывают строки последнего стихотворения Софии Яковлевны Парнок, воспринимаемого теперь как некое символическое прощание с «далеким другом», которому будет суждена участь проводника поэтессы в нетленный мир поэзии, где ей было уготовано почетное место:

«Будем счастливы во что бы то ни стало...
Да, мой друг, мне счастье стало в жизнь!
Вот уж, не бунтуя, не противясь,
Слышу я, как сердце бьет отбой.
Я слабею, и слабеет привязь,
Крепко нас связавшая с тобой.
Вот уж ветер вольно веет выше, выше,
Все в цвету, и тихо все вокруг, –
До свиданья, друг мой! Ты не слышишь?
Я с тобой прощаюсь, дальний друг»¹⁵.

Еще более пронизательно и «непреходяще-ценно», опровергая досужие вымыслы о «простой советской студентке», звучат стихи поэта совершенно иной, чем у Парнок, поэтической и личной судьбы, написанные в расцвете его молодости, романтики и влюбленности, как об этом, без сомнения, говорят и название поэтического цикла, к которому они принадлежат («Одиссей и Вы»), и их адресат («Девушке, изучающей древнегреческий»):

«Вы просто в тихой комнате
Строфу на память вспомните,
И станут древних вечера,
Как будто было все вчера»¹⁶.

---

¹⁵ София Парнок. Собрание стихотворений. – Изд. С. Поляковой. Анн Арбор, 1979, С. 438.

¹⁶ Тихонов Н. С. Одиссей и Вы. Собр. соч. в 7-ми тт. Т.1. М., 1985, С. 303.

КЛАРА ПЕТРОВНА ПОЛОНСКАЯ

Клара Петровна Полонская (7 (20) июля 1913, Одесса – 9 ноября 2000, Москва) – филолог-классик, специалист по античной литературе, доцент.

В 1939 г. окончила отделение классической филологии Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ), в 1946 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Историко-литературный анализ трагедии

Софокла “Трахинянки”». Преподавала латинский язык, историю античной литературы, историю римской литературы.

Автор многочисленных работ по истории римской и греческой литературы.

Наиболее значительные работы: «История римской литературы» (в соавт. с Н.Ф.Дератани, И.М.Наховым, М.Н.Чернявским) (1954); «Римские поэты эпохи принципата Августа» (1963); «Античная комедия» (пособие по спецкурсу) (1979); «Хрестоматия по ранней римской литературе» (в соавт. с Поняевой Л.П.) (1984, 2000, 2001).

В 1997 г. К. П. Полонская опубликовала статью-воспоминание «Сергей Иванович Соболевский – ученый-филолог, переводчик, педагог»¹⁷, которая предлагается вниманию читателей.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ СОБОЛЕВСКИЙ

Сергей Иванович Соболевский (12 (25) августа 1864 – 6 мая 1963) – филолог-классик, переводчик, преподаватель классических языков. Более 75 (семидесяти пяти!) лет являлся действующим профессором Московского университета, член-корреспондент АН СССР.

Окончил в 1886 г. Московский университет, был оставлен при кафедре классической филологии и начал преподавать. В 1890 г. защитил магистерскую дис-

---

¹⁷ Сергей Иванович Соболевский – ученый-филолог, переводчик, педагог. // Греко-латинский кабинет. Вып. 2. М., 1997. С. 64 – 70.

сертификацию, в 1892 – докторскую. Обе работы написаны на латинском языке и посвящены синтаксису Аристофана.

Преподавал в Московском университете до 1917 г. Руководил созданием классического отделения в ИФЛИ (1934) и много лет преподавал там. Позднее заведовал античным отделом в ИМЛИ АН СССР.

Перу С.И.Соболевского принадлежат более 100 печатных трудов.

Под его редакцией вышла «История греческой литературы» в 3 томах и «История римской литературы» в 2 томах.

Монографии: «*De praepositionum usu Aristophaneo*» (1890); «*Syntaxis Aristophaneae capita selecta. De sententiarum conditionalium temporalium relativarum formis et usu*» (1892); «Аристофан и его время» (1957).

Учебники: «Древнегреческий язык» (1948, 1999, 2002); «Грамматика латинского языка» в 2 частях (1947-1948, 2003); «Латинский язык» (1953, 2004).

Переводы: Лисий. Речи (1933); Сократические сочинения Ксенофонта (1935); Биография Фемистокла, Перикла в издании «Сравнительные жизнеописания Плутарха» (1961-1964, 1994).

Сергей Иванович Соболевский был нашим современником и учителем, хотя и родился 130 лет тому назад (25 августа 1864). Он был сыном адвоката и младшим братом известного ученого-слависта, академика Алексея Ивановича Соболевского.

Сергей Иванович прожил долгую жизнь (умер 6 мая 1963) и оставил значительный след в современной науке. А поскольку формировался он как ученый в XIX в., то и нам, своим ученикам, дал возможность непосредственно прикоснуться к традициям прошлого.

Сергей Иванович в 1886 г. блестяще окончил Московский университет по классическому отделению, был оставлен при кафедре и сразу же стал преподавать. Вся его педагогическая и научная деятельность проходила в Москве и длилась более 70 лет.

В 1890 г. он стал приват-доцентом, а вскоре и профессором Московского университета. Весь первый период своей деятельности, т. е. все то время, что существовало в университете преподавание древних языков, вплоть до 1922 г., когда историко-филологический факультет был закрыт и пришлось остаться не у дел, Сергей Иванович не оставлял этой работы и вернулся к ней при первой возможности.

В эти годы Сергей Иванович вел курсы по чтению и толкованию авторов – Фукидида, Лисия, Аристофана, Эсхила, Софокла, Еврипида и Платона. Многие лекции этих курсов сохранились: одни в литографированном виде, другие в рукописи. Читал Сергей Иванович в университете также латинскую и греческую стилистику.

Параллельно с преподаванием блестяще разворачивалась научная деятельность С.И.Соболевского. Особенно много сделал он, разрабатывая во всех тонкостях грамматику (главным образом синтаксис) древ-

негреческого языка. Сергей Иванович начал с исследования языка Аристофана, которому были посвящены и его магистерская (1890) и докторская (1892) диссертации. Обе эти работы, написанные на латинском языке и потому доступные не только русским ученым, были крупным вкладом в науку. Они до сих пор являются лучшими исследованиями синтаксиса Аристофана и сделали автора известным за пределами России. Аристофана Сергей Иванович называл своим любимым поэтом и занимался им всю жизнь. Он напечатал целый ряд заметок к отдельным местам в комедиях Аристофана в журналах «Филологическое обозрение» и в журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП) и написал в разное время несколько статей по языку Аристофана. Рецензии на труды С.И.Соболевского появились в Германии, Франции, Англии, Чехии и Америке, а ссылки на его сочинения можно встретить во всех важнейших изданиях Аристофана и исследованиях о нем.

Завершающим работу над Аристофаном было подготовленное им уже в последние годы жизни издание комедии «Плутос» с обширным комментарием, но оно осталось невостребованным, незаконченным, ненапечатанным. Надо сказать, что после смерти Сергея Ивановича даже на классическом отделении МГУ Аристофана со студентами не читают.

Целый ряд статей и множество заметок и рецензий, написанных в основном до 1917 г., были посвящены исследованию различных синтаксических конструкций у греческих и латинских авторов. Сергей Иванович издал также критические и экзегетические заметки к Эсхилу, Фукидиду, Ксенофону; писал статьи, уточняющие некоторые исторические события (например, о союзе Эгесты с Афинами в V веке на материале Фукидида VI, 6 (1905)).

В конце концов, многолетние грамматические штудии сложились в фундаментальную грамматику древнегреческого языка, над которой Сергей Иванович работал плотно более 10 лет (с 1942). Но и эта работа не была завершена, так как автор отчаялся в том, что она может кому-нибудь понадобиться. Далеко не полностью эти наблюдения нашли отражение в обиходной грамматике древнегреческого и латинского языков, т. е. распространены через учебные пособия.

Сергей Иванович занимался также палеографией. В 1908–1916 гг. он читал в Московском археологическом институте, а также и в университете курс греческой палеографии, который сохранился в литографированном виде. В связи с чтением этих лекций он издал вместе с Г. Ф. Церетели двухтомный альбом (очень важное пособие к курсу) греческих рукописей, хранившихся в библиотеках Москвы и Петербурга.

С 1909 г. Сергей Иванович преподавал греческий язык в Московской духовной академии. У него есть ряд работ на темы, сближающие классическую филологию с богословием. Так, в 1908 г. в IX томе Православной

богословской энциклопедии было напечатано его исследование общегреческого языка, проведенное на библейских текстах и очень важное для истории греческого языка. Это была настолько интересная работа, что она тут же была переведена на современный греческий язык и издана в Александрии (Египет).

Двумя годами раньше вышла большая статья С.И.Соболевского «Суд над Христом и распятие его с точки зрения истории и археологии»; он писал о переводе и истолковании Евангелия Л.Н.Толстым (1909), об отношении классической филологии к богословию (1910) и на другие сходные темы.

В 20-е гг. наступило трудное время и для развития классической филологии, и для тех, кто ею занимался. Сергей Иванович в 1924–1928 гг. преподает древние языки в литературной студии, на курсах профессионального образования – крохотные островки, где теплился интерес к древности. Очевидно, для заработка он переводит с французского книгу Анри Овета «Итальянская литература» (1922), с немецкого большой роман Бринкмана «Серебро» (1923), оставшийся ненапечатанным, систематически составляет краткие заметки (их более 50) о книгах по новейшей истории и международным отношениям для сборника «Международная летопись» (1924–1925) и даже не подписывает их своим именем – ставит только инициалы. На эти и другие мелочи приходится размениваться. Судя по публикациям, никакой серьезной работы в эти годы не велось, разве что «в стол».

Между тем Сергей Иванович был уже к этому времени крупнейшим специалистом в области классической филологии, понимаемой в старину в широком смысле этого слова, т. е. науки, включающей в себя всю совокупность знаний об античности; он был не только выдающимся знатком этой науки, но филологом в прямом и буквальном смысле этого слова, и, может быть, надо было знать Сергея Ивановича, чтобы почувствовать всю основательность старой школы. Он необычайно глубоко проникал в текст, был верен духу античности, но не по интуиции, не по вдохновению, как это нередко бывало, особенно в литературе и искусстве начала XX в., а только через слово, через точное его раскрытие.

Скрупулезный филолог, непосредственно изучающий текст и делающий свои наблюдения над ним основой всякого научного разыскания, Сергей Иванович внимательно следил за научной литературой (об этом говорит множество написанных им рецензий по различным вопросам классической филологии), тщательно отбирал нужное и полезное и отмечал надуманные построения. «Бойтесь, друзья мои, необоснованных гипотез, – говорил он в 30-е гг., время расцвета вульгарной социологии, – очень соблазнительно принять их за истину, строить на их основе новые, еще менее обоснованные гипотезы, а это ведет науку по ложному пути».

Другая важная мысль, которую Сергей Иванович внушал своим ученикам, была, по-видимому, связана с острым ощущением забвения исторической и культурной традиции, разрыва связи времен, нарушения непрерывности и преемственности культурного развития.

«Я родился всего три года спустя после отмены крепостного права, – говорил он нам, – моя няня была крепостная, оставшаяся жить у моих родителей, и дожила до советской власти. Мои родители жили в эпоху Пушкина. Они не так далеки были от Екатерины, а я беседую с вами». Легко перебрасывая мостик в прошлое, приближая его к нам, своим ученикам, он показывал, что и до Византии рукой подать, а там и античность... Ощущение античности как живой эпохи усиливалось благодаря тому, что реалии греческого быта легко и непосредственно вплетались в любой комментарий к тексту. Кроме того, Сергей Иванович во время занятий показывал старые книги, схолии и комментарии средневековых ученых и, таким образом, давал возможность ощутить непрерывающуюся жизнь античного наследия в разных поколениях. И это, повторяю, во времена, когда вокруг, да и в нашем сознании, шло целенаправленное разрушение связей с прошлым.

С начала 30-х гг. происходят некоторые изменения в педагогической деятельности Сергея Ивановича, меняется также характер его научной работы, приобретая, во-первых, отчетливый популяризаторский характер, а во-вторых, крен в область литературоведения, которое он, строго говоря, не слишком жаловал.

Дело в том, что в 1934 г. правительство приняло решение об усилении преподавания истории в вузах; в том же году, после I съезда писателей, решено было организовать литературный факультет. Факультет общественных наук реорганизовали в исторический факультет МГУ (с измененной программой), а существовавший в те годы КУПОН (Коммунистический университет преподавателей общественных наук) превратился в ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории).

Как только возобновилось преподавание латинского языка на истфаке МГУ и открылась кафедра классической филологии в ИФЛИ, Сергей Иванович сразу же стал там работать, не гнушаясь тем, что он, тогда уже ученый с мировым именем и член-корреспондент Академии наук СССР (им он стал в 1928 г.), занимается, начиная с азов, со студентами, не имеющими никакой филологической подготовки.

Делал он это вдумчиво, серьезно, так как считал, что недостатки преподавания древних языков еще в дореволюционной гимназии в значительной степени способствовали упадку классического образования.

Quod enim munus reipublicae afferre majus meliusque possumus,

Quam si docemus atque erudimus juventutem, –

говорил и писал он, цитируя Цицерона.

У Сергея Ивановича был очень определенный и только им проводившийся метод преподавания: он был решительным противником так называемых «самодельных» фраз и вымученных статей, которые составители гимназических учебников придумывали сами, приспособляя их к определенным разделам курса древних языков. Сергей Иванович считал этот метод вредным, во-первых, потому, что он мешал изучению подлинного языка и стиля авторов во всем их богатстве и разнообразии, а во-вторых, ничего не давал для понимания античности.

Весь пафос преподавания Сергея Ивановича (и это отражено в составленных им уже в советское время учебниках) был направлен на устранение этого недостатка. Учить хорошему языку на классических образцах, с первых же уроков вводить студентов в мир античных авторов, давать сведения, помогающие понять мировоззрение древних, их быт, историю – в этом видел он важнейшую задачу преподавания древних языков, эти принципы отразились и в созданных им учебных пособиях.

Метод Сергея Ивановича в нашей педагогической практике используется лишь частично, в комбинации со старыми принципами преподавания. Это связано с условиями и потребностями нынешнего обучения.

Сергей Иванович последовательно проводил принцип сопоставления явлений русского языка с древними. Для этой цели он широко практиковал переводы с русского на древние языки. А с продвинутыми студентами проводились специальные занятия по латинской и греческой стилистике. К сожалению, эта область занятий после ухода Сергея Ивановича у нас заглохла.

Работа Сергея Ивановича в университете была прекращена не по его инициативе: он вынужден был уйти в начале 50-х гг. и тяжело переживал свое отлучение от университета, в котором проработал всю жизнь.

Сергей Иванович очень дорожил своей связью с университетом и говорил, что именно ему хочет оставить свою совершенно уникальную библиотеку по классической филологии, содержащую более 40 тысяч томов. (С большим трудом и через ряд унижений перед властями сберег он в 20-е гг. эту библиотеку, получив на нее охранную грамоту при попытках сделать из его квартиры коммуналку.) Теперь, огорченный и обиженный, он завещал книги Институту мировой литературы им. М. Горького, где с 1948 г. заведовал сектором античной литературы. Книги долго валялись в сырой и запущенной церкви, в помещении, совершенно не приспособленном для книгохранения. Кое-что спасли, но большая часть погибла.

Педагогическая практика, колоссальная начитанность и длительная работа в области нормативной грамматики, реализовались во время работы в университете и в ИФЛИ не только в преподавании, но и в создании учебников и учебных пособий для практического изучения древних

языков. Это комментарий к первым четырем книгам «Записок о галльской войне» Цезаря (1946 – 1947) и книга «Публий Теренций. Комедия "Адельфы"» (1954). Книга эта имеет обширное введение, но особенную ценность в ней представляет исчерпывающий и необыкновенно тщательно выполненный комментарий.

Далее, Сергей Иванович издает учебник по древнегреческому языку (1948), грамматику латинского языка (первое издание вышло в 1938 г.), учебник латинского языка (1953) и составляет двухтомную латинскую хрестоматию (ч. 1 – 1938, ч. 2 – 1947), которая содержит несколько тысяч фраз и отрывков подлинных текстов авторов, безупречных по своему языку.

Сергей Иванович составлял хрестоматию много лет. В процессе своих бесконечных занятий выписывал он подходящие тексты и организовывал их по грамматическим темам. Эти фразы глубоко и полно характеризуют менталитет древних римлян; причем включал Сергей Иванович, как он писал в предисловии, такие тексты, «которые отражали не только положительные, но и отрицательные стороны морали древних: от изучающих литературу древних нельзя скрывать их пороки».

За несоответствие некоторых фраз духу времени (1938 год!) часть 1-ая хрестоматии подвергалась сокрушительным нападкам и ее не рекомендовалось использовать при обучении. Тем не менее уже более полувека наши авторы учебников латинского языка в большей или меньшей мере, иногда прямо, а часто из вторых рук, пользуются этими текстами, следуя, очевидно, при этом римскому обычаю, сформулированному Сенекой: *Quidquid bene dictum est ab ullo, meum est* – «все, что кто-нибудь хорошо сказал, считаю своим».

Созданные Сергеем Ивановичем учебники и учебные пособия были совершенно оригинальными трудами, но из-за своего практического назначения они далеко не в полной мере отразили его научные разыскания, однако и они сами, и обращение к ним других авторов подняли преподавание древних языков на значительно более высокий уровень.

Сергей Иванович всегда много переводил. Наиболее значительные из его переводов – это вышедшие в издательстве «Academia» речи Лисия (1933) и лежащие перед ними «Сократические сочинения» Ксенофонта (1935). Высокое качество перевода этих произведений обусловлено тем, что безукоризненное знание языка делает высказанную две тысячи лет тому назад мысль живой и осязаемой, богатой всеми оттенками и чуть ли не интонациями писавшего. Это то знание языка, которое стирает пропасть времени и воскрешает прошлое. И здесь, и в других своих переводах С. И. Соболевский дает почувствовать, что каждый автор имеет свой словарь, свой язык, свою форму выражения. Сергей Иванович как переводчик мог выразить, а как ученый, обосновать любой оттенок мысли,

объяснить, какой смысл, какую интонацию придает в греческом та или иная частица у того или другого автора, как меняется окраска периода от порядка слов у разных авторов. Об этом свидетельствуют речи персонажей Лисия (знаменитая этопоея – создание характера через речь говорящего), а также облик Сократа в «Сократических сочинениях» Ксенофонта, живой и реально ощутимый, Сократа, который здесь кажется гораздо более близким к действительности, чем у Платона, благодаря очень личной и живой разговорной интонации, которой нет в отточенных, совершенных литературно-философских диалогах Платона.

Сергей Иванович дорожил не только адекватностью перевода подлиннику (этого, по сути, достигнуть невозможно), но и тем, чтобы совершенное для древних произведение было воссоздано на уровне, соответствующем нашим эстетическим представлениям. Этим и объясняются чистота и прозрачность прозы в переводах С.И.Соболевского, напоминающие нам лучшие образцы художественной прозы XIX в. (ведь именно там были его эстетические идеалы!), но в то же время сохраняющие не только языковую, но и стилистическую и даже интонационную точность.

Особенный интерес представляют комментарии к этим переводам. Наряду с обычными для такого типа изданий разъяснительными примечаниями включены отдельные заметки, а также очень содержательные небольшие статьи, раскрывающие суть тех или иных исторических событий, разъясняющие реалии, рисующие подробности быта и т. п. Это – своего рода энциклопедия жизни афинян на исходе V в. до н. э.

Работа в античном секторе ИМЛИ, на которой пришлось сосредоточиться в послевоенные годы, С.И.Соболевского не вполне удовлетворяла. Переход к литературоведческим занятиям был вынужденным, связанным с невозможностью реализовать себя как лингвиста-эллиниста (это доказывается ненапечатанными работами в области языка). Конечно, его эрудированность, безукоризненное владение текстами, древними комментариями, схолиями и современной научной литературой (насколько она была ему доступна) делали и тут его работу безупречной.

Сергей Иванович пишет ряд для трехтомной истории греческой литературы (1946–1960), двухтомной римской литературы (1959–1962) и активно участвует в редактировании этих изданий. Он был очень требовательным редактором. Об этом можно судить по тому, как часто ему приходилось писать рецензии на отдельные главы. Многие главы после этого переделывались, другие заменялись, и их писали другие авторы.

В последние годы жизни Сергей Иванович возвращается к своему любимому автору – Аристофану.

В связи с 2400-летием со дня рождения Аристофана, которое отмечалось по постановлению Всемирного совета мира в 1954 г., Сергей Иванович, между 1954 и 1957 гг. не только напечатал несколько статей об Ари-

стофане, но и издал научно-популярную работу «Аристофан и его время» (1957), которую назвал рядом этюдов по анализу отдельных комедий. В книгу вошли также некоторые статьи, посвященные театру Аристофана.

По поводу этой книги Сергей Иванович в предисловии пишет: «Я имел в виду вообще образованную публику – не ученых-специалистов, но и не людей, совершенно чуждых древнему классическому миру. Поэтому я особенно заботился о том, чтобы мое изложение было понятно таким читателям, избегал «мудреных» слов, так как держусь мнения, что для изложения научной мысли нет надобности выдумывать необыкновенные, полуиностранные слова и выражения с очень неопределенным значением. По той же причине я сообщаю много элементарных сведений, которые необходимы для понимания комедий Аристофана и которые должны были бы быть известны всем, – твердо веруя вместе с Аристотелем, что даже «известное известно немногим».

И еще две мысли, характеризующие метод приближающегося к своему 100-летию ученого:

«В методическом отношении везде, где возможно, я основывал свои мнения на текстах древних авторов, особенно самого Аристофана, а не на домыслах своих или чужих, относясь с сугубым недоверием к «смелым» гипотезам».

И вторая:

«Я старался воздерживаться от полемики, памятуя мудрое изречение о том, что при споре убедить противника трудно, а обидеть легко».

Начало XX в. в России было временем необычайного расцвета филологии, литературы и искусства, огромного духовного подъема, который можно сравнить с величайшими эпохами расцвета в мировой культуре. Этот подъем подготавливался исподволь также и наукой предшествующих десятилетий. И Сергей Иванович бережно пронес через всю свою деятельность лучшее, что дала филология XIX столетия, передал это культурным деятелям начала века, и (благодаря своей долгой жизни) и нам, своим ученикам. Он запечатлел свой труд в учебниках и статьях, переводах и комментариях.

Один из последних учеников Сергея Ивановича, В.Ф.Беляев, в статье памяти С.И.Соболевского с грустью писал: «Конец этой жизни, обнимающей столетие, знаменует собой завершение целой эпохи в истории русской филологической науки». Мне хочется добавить, однако, что счастливы те из нас, кто смог непосредственно приобщиться к старой школе и хоть самую малость воспринятого передать своим ученикам. В этом – та связь времен, мысль о которой руководила мною, когда я писала эту небольшую статью-воспоминание.

ЛИЛИЯ ТРОФИМОВНА ЛЕУШИНА

Лилия Трофимовна Леушина окончила историко-филологический факультет Томского государственного университета по специальности «преподаватель русского языка и литературы и дисциплин классической филологии».

Преподавала латинский язык на юридическом и биологическом факультетах ТГУ. Защитила кандидатскую диссертацию в 1979 г.

В 2010 г. избрана на должность профессора кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии. Читает лекции по античной культуре, античной литературе, преподает древнегреческий и латинский языки. Также работает в Томской Духовной семинарии. Под ее руководством написаны 3 кандидатские диссертации и 70 дипломных работ.

Член Президиума научно-методического объединения по классической филологии и неозелинстике УМО университетов России при МГУ, председатель Регионального научно-методического совета по классической филологии Сибирского Федерального округа.

Ею написаны учебник по латинскому языку, учебное пособие по древнегреческому языку (2004), получившие премию ТГУ.

Лилия Трофимовна Леушина пишет о Льве Дмитриевиче Тарасове, педагоге и ученом, работавшем в Томском государственном университете.

ЛЕВ ДМИТРИЕВИЧ ТАРАСОВ

Лев Дмитриевич Тарасов (1 (13) января 1884 – 17 февраля 1962).

В 1949 г. на кафедре классической филологии историко-филологического факультета Томского государственного университета появился новый профессор, прибывший из Москвы, Л.Д.Тарасов. Он начал читать курс античной литературы для филологов, спецкурс по Луцилию для классиков, занимался древнегреческим языком с аспирантами

кафедры русского языка, вел занятия по латыни с историками. Это продолжалось 13 лет, и уже почти 50 лет прошло со дня смерти Льва Дмитриевича, но память о замечательном педагоге и ученом живет в стенах Томского университета. Его бывшие ученики, преподаватели университета, с неизменным восторгом вспоминают своего учителя: Лев Дмитриевич был уникальной личностью, и общение с ним для многих стало незабываемым событием в жизни.

Лев Дмитриевич Тарасов происходил из потомственных дворян. Его отец был педагогом и помощником режиссера Малого театра, мать – переводчицей. Лев Дмитриевич рано потерял родителей, воспитывался у сестры матери, жившей в своем имении в Смоленской губернии. Он окончил классическую гимназию, а затем классическое отделение Санкт-Петербургского историко-филологического института. В июне 1910 г. Л.Д.Тарасов начинает преподавать латинский, греческий и русский языки в I Виленской гимназии. Спустя год его отправляют в зарубежную командировку (Германия, Франция, Италия) по линии Министерства народного просвещения для подготовки к ученому званию магистра.

В трудах Первого Всероссийского съезда преподавателей древних языков, участником которого был Л.Д.Тарасов, опубликован его доклад «Древние языки в итальянской средней классической школе» с подзаголовком «Из отчета по командировке в Италию с целью изучения программ и методов преподавания древних языков».

Председателем оргкомитета этого съезда, который состоялся в Санкт-Петербурге 28–31 декабря 1911 г., был В.В.Латышев, почетными членами – Ф.Ф.Зелинский, С.А.Жебелев, И.И.Толстой, И.И.Холодняк, М.И.Ростовцев, М.М.Покровский. На съезде обсуждались насущные вопросы преподавания древних языков: их роль и постановка в средней общеобразовательной школе, меры по улучшению преподавания. Новым открытиям в области классической филологии были посвящены лекции Ф.Ф.Зелинского, Б.В.Фармаковского, И.И.Холодняка, М.И.Ростовцева. Участники съезда активно обсуждали большой для всех вопрос об исключении в 1901 г. греческого языка из программ русских гимназий. В резолюцию съезда, кроме положения, что в классической гимназии должны преподаваться оба древних языка, был включен следующий пункт: «Съезд констатирует, что, по мнению многих знатоков древности, греческий язык имеет для России большее культурно-историческое значение, чем латинский, и что поэтому было бы вполне желательно учреждение также и типа эллинистической гимназии с преобладанием в ней греческого языка над латинским».

Доклад Л.Д.Тарасова был основан на изучении постановки преподавания древних языков в классических мужских школах Милана, Боло-

нии, Флоренции, Рима, Неаполя, Равенны, Вероны, Падуи, Венеции. В резюме по докладом почетный председатель С.И.Любомудров отметил обстоятельность представленного очерка и, кроме того, следующее: «Два первых реферата (Л.Д.Тарасова и В.И.Шамова «Опыт ознакомления учащихся с особенностями античной духовной и материальной культуры») базировались на вдохновенных лекциях профессора Ф.Ф.Зелинского. Приятно видеть, что эти идеи все более и более проникают в ряды преподавателей-филологов».

Л.Д.Тарасов сочувственно принял Октябрьскую революцию, вступил в ВКП(б), принимал участие в гражданской войне, долгое время состоял на военной (в должности комиссара бригады) и дипломатической службе (первый секретарь полпредства РСФСР в Турции и Персии, уполномоченный при зарубежных миссиях в РСФСР – миссия Папского престола и др.). В своих воспоминаниях Лев Дмитриевич рассказывал, как на IX партийном съезде он был вызван в перерыве между заседаниями в президиум в связи с подбором кадров для Комиссариата иностранных дел, и Г.В.Чичерин представил его В.И.Ленину со следующими словами: «По всем данным тов. Тарасов нам подходит для дипломатической работы: он знает три новых языка и имеет высшее образование историка, филолога, хотя, к сожалению, классик». При последних словах Лев Дмитриевич смутился и покраснел, но Ленин, прервав Чичерина, сказал: «Почему же «к сожалению», Георгий Васильевич? Ведь классическая филология как раз та область науки, где у нас почти совсем нет своих научных кадров». Затем Ленин, обратившись к Льву Дмитриевичу, спросил, какой университет он окончил и кто его учителя. Лев Дмитриевич коротко рассказал о себе и назвал имена своих учителей: В.В.Латышева, И.И.Холодняка, Ф.Ф.Зелинского. В заключение Г.В.Чичерин сказал: «Нам придется, Владимир Ильич, просить ЦК демобилизовать тов. Тарасова и направить его в наше распоряжение на работу в НКВД. А о классицизме я упомянул потому, что обычно классики по характеру своей работы далеки от современных общественных интересов». В.И.Ленин засмеялся и сказал: «Ну, видимо, ваше «обычно» тут не подходит».

В середине 20-х гг. Лев Дмитриевич возвращается к преподавательской работе. Решением ГУС Наркомпроса РСФСР от 12 января 1923 г. он утвержден в ученое звание профессора по кафедре классической филологии Донского университета. Лев Дмитриевич снова был направлен, на этот раз Наркомпросом, в заграничную командировку (Италия, Греция), где собирал материалы для докторской диссертации. По возвращении на родину он был ректором Высших государственных литературных курсов, старшим редактором контрольной редакции Большой советской энциклопедии. В марте 1948 г. арестована по ложному обвинению

за «шпионскую деятельность в пользу Америки» и осуждена на 15 лет исправительно-трудовых лагерей его дочь Регина – преподаватель французского языка в Московском институте внешней торговли. Лев Дмитриевич не отказался от репрессированной дочери (впоследствии он был исключен из партии с формулировкой «за недостойное коммуниста поведение»), после чего он оказался в Томске, где с 1949 г. состоял профессором кафедры классической филологии, а с 1954 по 1956 гг. – зав. кафедрой классической филологии. В те годы на историко-филологическом факультете работала целая плеяда талантливых преподавателей, но Лев Дмитриевич был особенным. Даже внешне он очень выделялся: высокий, худощавый, стройный, с усами, в очках, с тростью, в которой, как оказалось, находилась боевая шпага, он казался интеллигентом из прошлого века. Первокурсник 1958–1959 учебного года, ныне профессор Томского университета, Ю.В.Петров пишет в своих воспоминаниях: «Лев Дмитриевич посредством латинского языка давал разносторонние знания по истории Греции и Рима, античной литературе и искусству, обсуждал современные социально-политические проблемы. Никто из преподавателей ИФФ не мог сравниться с ним по стилю и манере общения с коллегами, эрудиции, разносторонности знаний, темпераменту и ораторскому искусству. Поэтому он и остался в памяти учеников яркой личностью ученого, педагога и воспитателя». Лев Дмитриевич был энциклопедически образованным человеком, великолепно знал латынь и древнегреческий язык, свободно владел французским, немецким и английским языками, знал итальянский, древнееврейский и славянские языки. Лекции Тарасова, насыщенные большим фактическим материалом, были увлекательными по форме и с неподдельным интересом воспринимались студентами, которые обожали Л.Д.Тарасова. Уже будучи больным, Лев Дмитриевич у себя на квартире проводил занятия со студентами-классиками и аспирантами. В общении с коллегами был простым и отзывчивым человеком, обладал большим чувством юмора.

Основное направление научной деятельности Л.Д.Тарасова – римская сатира. Еще студентом он заинтересовался историей античной литературы. Среди его учителей по Петербургскому историко-филологическому институту были директор института академик В.В.Латышев и профессор римской словесности И.И.Холодняк, который привил ему интерес к литературе древнего Рима. В популяризации античности, которой Л.Д.Тарасов занимался на протяжении всей жизни, образцом для него служил Ф.Ф.Зелинский. Под его влиянием Тарасов еще в 1908 г. опубликовал в журнале «Гермес» за 1908 г. (№ 18, 19 и 20) свою первую работу – перевод с латинского анонимной поэмы «Пробуждение весны» («Pervigilium Veneris»), приписываемой поэту Флору. В 1912 г. в «Гермесе» (№ 1) опубли-

кован его перевод оды Горация «К Манлию Торквату» (IV, 7). Под научным руководством проф. М.И.Мандеса, одного из крупнейших специалистов в области греческого источниковедения, Л.Д.Тарасов работал над магистерской диссертацией «Очерки по истории римской сатиры: Луцилий – Гораций – Ювенал». Итогом стала диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук «Гай Луцилий – римский сатирик», которую он защитил уже в период Великой Отечественной войны в 1943 г., находясь в Ташкенте (утв. ВАК 8 мая 1948). Наряду с этим в 1930-е гг. Л.Д.Тарасов редактировал ряд изданий в издательстве «Academia», в том числе перевод А.Ф.Лосевым сочинения греко-римского философа и врача Секста Эмпирика «Против ученых», наиболее значительного памятника античного скептицизма. Под редакцией Л.Д.Тарасова в 1939 г. вышли две большие книги: Нилендер В.О. «Греческая литература в избранных переводах» (в разделе «Народные песни» опубликован его перевод «Песни горшечников» [XIV песня]) и Кондратьев С.П. «Римская литература в избранных переводах» (редакторы А.В.Мишулин и Л.Д.Тарасов). В этом издании опубликован перевод Л.Д.Тарасова из «Фарсалии» Лукана (кн. III, ст. 1-35) «Сон Помпея». В Томске он работал над монографией «История римской сатиры» и опубликовал несколько статей на эту тему. Его научные труды по римской сатире до сих пор не утратили своего значения; в ТГУ готовится издание трудов Льва Дмитриевича и воспоминаний его учеников.

Лев Дмитриевич всегда занимал активную жизненную позицию: выступал на заседаниях совета Томского университета с критическими замечаниями и интересными предложениями. Например, в 1957 г. он внес предложение ввести преподавание китайского и индийского языков, учитывая ту решающую роль, которую будут играть народы Китая и Индии в судьбах человечества, настаивал также на необходимости открытия на историко-филологическом факультете романо-германского отделения. Он живо откликался на все события, происходящие в стране. После XXI съезда КПСС, когда Н.С.Хрущев объявил о необходимости нового гимна страны, Лев Дмитриевич сочинил текст и музыку и отправил в Москву в государственную комиссию по подготовке гимна (кстати, о Льве Дмитриевиче как о поэте – ему принадлежит один из лучших, на наш взгляд, переводов *Gaudeamus*).

Годы, проведенные Л.Д.Тарасовым в Томске, – яркие, незабываемые страницы в истории нашего университета и в жизни каждого человека, которому довелось общаться с ним или учиться у него. Я была одной из студенток Л.Д.Тарасова, и каждый раз, начиная читать курс античной литературы, вспоминаю, что на первую лекцию к нам когда-то пришел Лев Дмитриевич, и в его замечательном исполнении прозвучала «Песня гор-

щечников». Г.М.Шатров, которого, конечно, помнят филологи-классики, под руководством Льва Дмитриевича начинал свою научную работу – его дипломное сочинение называлось «Сатира Ювенала».

ЛЕОНАРД ГЕОРГИЕВИЧ ГЕРЦЕНБЕРГ

Леонард Георгиевич Герценберг – лингвист, специалист в области иранской филологии и сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, профессор кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente.

В 1961 г. окончил иранское отделение восточного факультета Ленинградского государственного университета. В 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию «Язык хотаносакских буддийских памятников Т. 1–2. 504 с. и 142 с. (ЛО ИЯ АН СССР)». В то же время начал заниматься индоевропейским сравнительным языкознанием под руководством И.М.Тронского. В 1983 г. защитил докторскую диссертацию «Вопросы реконструкции индоевропейской просодики».

При активнейшем участии Леонарда Георгиевича на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета были открыты отделения индоевропейского сравнительно-исторического языкознания (2001) и баллистики (2004).

Л.Г.Герценберг – автор более 100 научных работ, в том числе нескольких монографий в области иранского и индоевропейского сравнительного языкознания. Отдельной монографией вышла докторская диссертация (1981). Также см. работы: «О следах индоевропейской просодики в латинском» (ВЯ, 1982, № 5); «Проблемы акцентологической реконструкции» //Сравнительно-историческое изучение языков разных семей (1989).

Ниже публикуются воспоминания Л.Г.Герценберга об Иосифе Моисеевиче Тронском.

ИОСИФ МОИСЕЕВИЧ ТРОНСКИЙ

Иосиф Моисеевич Тронский (16 (28) мая 1897, Одесса – 3 ноября 1970, Ленинград) – филолог-классик, индоевропеист, крупнейший специалист по античной литературе.

В 1915 г. поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета. После окончания университета в 1919 г. остался при кафедре римской словесности. С 1921 г. начал преподавать древние языки в Одесском институте народного образования и в Археологическом институте.

В январе 1923 г. переехал в Петроград. В 1926–1929 гг. читал курс античной литературы в ЛГУ. В 1938 г. Совет Ленинградского Института философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ) присвоил ему ученую степень кандидата филологических наук без защиты диссертации. В январе 1939 г. утвержден в звании доцента по кафедре классической филологии. 11 ноября 1941 г. в блокадном Ленинграде защитил докторскую диссертацию «История античной литературы». Текст диссертации стал основой монографии «История античной литературы» (1947), которая выдержала множество переизданий и была переведена на основные европейские языки. После возвращения в Ленинград из эвакуации в 1944 г. продолжил работать в университете в качестве заведующего кафедрой классической филологии. С 1950 г. – сотрудник Института языка и мышления РАН (позднее – Институт языкознания РАН).

Основные труды: «История античной литературы» (1947); «Историческая грамматика латинского языка» (1960); «Древнегреческое ударение» (1962); «Вопросы языкового развития в античном обществе» (1973).

Мне помнится И.М.Тронский сидящим за столом в коридоре нашего Института, когда институт был еще в главном здании академии на берегу Невы, – это здание славится сохраняющейся мозаичной картиной Ломоносова с изображением Полтавской битвы; вход в институт был со двора.

Иосиф Моисеевич как бы олицетворял мудрость дирекции, будучи интеллектуальным советником Агнии Васильевны Десницкой, возглавлявшей тогда Ленинградское отделение Института языкознания. Эта роль с особенной наглядностью проявилась во время обсуждения злов-

редной статьи В.И.Абаева «Общегуманитарные аспекты теоретического языкознания» («Известия» АН СССР Отделение литературы и языка, т. XXXII, вып. 6). Тогда М.Н.Боголюбов мудро предостерег меня, предупредив о возможном возрождении антиструктурализма.

Благодаря усилиям Иосифа Моисеевича и Агнии Васильевны все тогда обошлось «без крови».

Осуществившейся мечтой был «домашний семинар», который Иосиф Моисеевич проводил еженедельно в своей квартире в начале Невского проспекта, в доме с магазином «Обувь». Я ходил перед этим несколько лет на факультативный курс древнегреческого языка, его читала София Викторовна Полякова (1914–1994) – замечательный филолог. Ее потом уволили с классической кафедры, она стала писать книги о византийской литературе и русской поэзии, заботилась о своих собаках: посвятила псу одну из своих книг, надписав ее «Памяти моего друга Нинимуши».

Потом Иосиф Моисеевич рекомендовал мне книги Эмиля Черного и некоторую немецкую книгу для закрепления древнегреческого (Deutsch ist meine Muttersprache, ich bin 1934 in Libau, Lettland geboren; Russisch spreche ich seit 1941, meine Mutter hat man zusammen mit mir nach Sibirien gebracht).

Таким образом, я готовился к участию в желанном семинаре. К Иосифу Моисеевичу на «домашний семинар» ходили А.Б.Черняк, М.А.Бородина, А.В.Грошева (исполнявшая должность секретаря – Иосиф Моисеевич после перенесенного инсульта плохо владел пальцами), В.П.Нерозник (тогда именовавшийся Нерозником – он был аспирантом Иосифа Моисеевича), И.А.Перельмутер (ныне в Гамбурге) и другие. Мы читали Плавта и Теренция, Гомера и древнегреческие диалектные тексты – все с индоевропейским комментарием; помню, как Иосиф Моисеевич готовился к занятиям, сидя в библиотеке института с Фриском, Бузаком или (для латинских текстов) этимологическими словарями Вальде-Гофмана, Эрну-Мейе. Тогда еще не было этимологического словаря Шантрена – существовал маленький словарь Гофмана, впоследствии исчезнувший бесследно из библиотеки нашего института.

...Имелось в виду, что мы (все слушали) также готовимся по этим пособиям – лучше всех всегда отвечал Нерозник, у меня постоянно «заплетался язык». Чтение каждого нового текста предварялось одной-двумя лекциями Иосифа Моисеевича об истории данного текста и о традиции его толкования. Иосиф Моисеевич прочитал для всех сотрудников института два доклада о ларингальной теории (он сам рекомендовал мне в качестве достоверного источника работу Эдгара Поломе «Zum heutigen Stand der Laryngaltheorie» // *Revue Belge de Philologie et d' Histoire* 30: 1952; 444-71, 1041-50).

Нужно помнить, что Иосиф Моисеевич – одессит; он родился 16 (28) мая в Одессе в семье учителя начальной школы (по словам Н.Н.Надель, его отец имел какое-то почетное звание от города, наподобие «личного почетного гражданина»), в 1915 г. поступил на классическое отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета, где занимался у замечательного классика и знатока русской словесности профессора Бориса Васильевича Варнеке (1874–1944), который был умерщвлен в Киеве, в тюремной больнице (в память о нем был назван белый кот, проживавший у Тронских); слушал курс сравнительной грамматики индоевропейских языков и санскрита у Александра Ивановича Томсона (1860–1935). Из учителей Иосифа Моисеевича необходимо упомянуть превосходного и ученейшего классика, специалиста по Диодору – Михаила Ильича Мандеса (1866–1934). На него мне указала Нина Николаевна Надель, – после кончины Иосифа Моисеевича ей досталась брошюра с дарственной надписью «Тронскому от Мандеса». В 1918 г. за сочинение «Цицерон об искусстве» Тронский был удостоен золотой медали факультета. После окончания университета в 1919 г. Иосиф Моисеевич был оставлен при кафедре римской словесности. С 1921 г. начал преподавать классические языки в Одесском институте народного образования и в Археологическом институте. В 1923 г. переехал в Петроград, где в то время были сосредоточены лучшие научные силы.

О его «одесской» природе свидетельствуют его воспоминания о том, как он приглашал барышень в кондитерскую, его прирожденное остроумие (когда я спросил у него, сколько ошибок допускается в автореферате диссертации, он ответил: «Не больше, чем в нем букв»); «взрывной» характер (правда, мне ни разу не довелось наблюдать характерный «взрыв», об этой черте Иосифа Моисеевича мне рассказывала А.В.Грошева; упоминавшаяся Н. Н. Надель помнит, как Иосиф Моисеевич «взорвался» во время лекции, когда кто-то попытался войти в аудиторию). Помню также прием дома у Иосифа Моисеевича по случаю его 70-летия – мне посчастливилось там быть.

Иосиф Моисеевич Тронский скончался 3 ноября 1970 г. Я узнал об этом ужасном, трагическом событии, подходя к институту. Агния Васильевна Десницкая – тогда наш директор – самоотверженно издала его последнюю книгу «Вопросы языкового развития в античном обществе» (1973).

Для москвичей занятно воспоминание Иосифа Моисеевича о том, что однажды А.Ф.Лосев во время какой-то встречи отвел Иосифа Моисеевича в угол и начал уверять его в своей любви к Сталину. Это рассказывалось для «объективной» характеристики А.Ф.Лосева.

Трагических событий в жизни Иосифа Моисеевича было немало. Его родной младший брат Исаак Моисеевич Троцкий (не успел переме-

нить фамилию) был арестован в 1936 г., уничтожен в 1942 г. Он окончил ЛГУ, был ученым секретарем Историко-археографического института АН СССР, преподавателем исторического факультета, специалистом по декабристам. Жена брата – Людмила Павловна Миклашевская была отправлена на двадцать лет в Сибирь¹⁸. Особенно трагичной была судьба их дочери, Елены (по мужу Элиашберг), скончавшейся во время неудачных родов весной 1957 г. Иосиф Моисеевич и его жена Мария Лазаревна воспитывали ее после ареста родителей. О всей обстановке того времени замечательно написал в своих «Воспоминаниях» академик Д.С.Лихачев – там, в главе «Проработки»¹⁹ дан яркий образ проработчика И.П.Лапицкого. Я знал его, когда он, пробыв некоторое время за пределами университета, вернулся и слонялся по коридорам, подбивая собеседников на «провокационные» разговоры.

Сама Мария Лазаревна Тронская (урожденная Гурфинкель, 1896–1987), профессор университета, доктор филологических наук, окончила до Октябрьского переворота Бестужевские курсы и даже была их последним ученым секретарем. С 1925 г. работала в Ленинградском университете, защитила докторскую диссертацию «Сатира и сентиментально-юмористический роман в немецкой литературе эпохи Просвещения» (1963), автор большого числа публикаций.

Со времени аспирантуры и первых лет пребывания в должности младшего научного сотрудника Ленинградского отделения института языкознания мне запомнился Иосиф Моисеевич Тронский своей благожелательностью, мудростью и абсолютным историко-филологическим совершенством.

---

¹⁸ Об этом рассказывается в книге: Катерли Н., Миклашевская Л. Чему свидетели мы были. Женские судьбы. XX век. С-Пб, 2007.

¹⁹ Д. С. Лихачев. Воспоминания. С-Пб, 2006. С. 472 – 491.

АИДА ВАСИЛЬЕВНА ШИРОКОВА

Аида Васильевна Широкова родилась в подмосковном городе Ногинске.

В 1952 г. окончила отделение классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. В 1963 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «К фонологическим особенностям балканской латыни», а в 1978 г. – докторскую диссертацию на тему: «Территориальная дифференциация поздней латыни».

В течение многих лет А.В.Широкова работает на кафедре общего и русско-го языкознания в Российском университете дружбы народов им. П.Лумумбы. В настоящее время она является профессором-консультантом на кафедре и продолжает свою научную деятельность.

Главный научный интерес А.В.Широковой составляет изучение диалектов латинского языка, помимо этого, ею опубликованы работы в русле сопоставительного и типологического языкознания.

Отметим некоторые работы А.В.Широковой по данной теме: «Лекции по сопоставительной грамматике русского языка» (1977); «От латыни к романским языкам» (1995, 2005).

Публикуем воспоминания А.В.Широковой об Олеге Сергеевиче Широкове.

ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ ШИРОКОВ

Олег Сергеевич Широков (21 февраля 1927, Москва – 19 декабря 1997, Москва) – филолог-классик, лингвист-индоевропеист.

Окончил отделение классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова в 1952 г. После окончания университета поступил в аспирантуру по кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания. Защитил кандидатскую диссертацию «Развитие типов склонения в греческом языке» в 1955 г.; докторскую диссертацию «Развитие системы глухого консонантизма в новогреческих и албанских диалектах» – в 1969 г.

Преподавал в Черновицком университете, Минском педагогическом институте иностранных языков, Орехово-Зуевском педагогическом институте, Институте национальных школ РСФСР. С 1974 г. – профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Основные труды: «Методика филологического описания в диахронии» (1967); «История греческого языка» (1983); «Введение в языкознание» (1985).

Олег Сергеевич Широков родился в Москве, на Арбате, в интеллигентной семье. Его отец, Сергей Иванович, был физиком-ядерщиком, занимался радиационной медициной. После войны он был командирован в Германию для инвентаризации запасов радиоактивного сырья. Мать, Любовь Ивановна, – дочь земского врача и сама врач. Родители Олега Сергеевича, по обычаю русских интеллигентов, обладали большим кругозором в литературе и искусстве, и это во многом предопределило гуманитарные интересы их сына. В 10 классе Олег пережил тяжелое испытание: за отказ сотрудничать с МГБ он был арестован. Сергей Иванович, по роду работы имевший связи в спецслужбах, помог ему освободиться, но с таким клеймом нечего было и думать о поступлении в МГУ.

В 1947 г. я и Олег Сергеевич стали студентами классического отделения Педагогического института им. В.И.Ленина, где нашим любимым учителем был Алексей Федорович Лосев. Но через два года это отделение закрыли, нас перевели в МГУ. Нашими сокурсниками были Л.А.Гиндин, М.Г.Лопатина и Л.П.Поняева, и сейчас преподающие латинский язык на классическом отделении филфака.

В университете Олег Сергеевич стал заниматься научной работой под руководством М.Н.Петерсона, изучал литовский язык, санскрит, сравнительное языкознание. Благодаря Михаилу Николаевичу в университете не прерывалась традиция сравнительно-исторического языкознания, идущая от П.Я.Петрова, П.М.Леонтьева, В.Ф.Миллера и, конечно, прежде всего, от Ф.Ф.Фортунатова. Этот, возможно, самый большой российский языковед своего времени, всю жизнь оставался кумиром и М.Н.Петерсона, и О.С.Широкова. Оба подчеркивали свою принадлежность к московской филологической формально-функциональной фортунатовской школе. У М.Н.Петерсона учились основатели Московской фонологической школы – Р.И.Аванесов, А.А.Реформатский, П.С.Кузнецов, В.Н.Сидоров. Крупнейшие специалисты в области древних языков тоже являются учениками М.П.Петерсона – индоевропеисты Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Опоров (1928–2005), санскритологи В.А.Кочергина, П.А.Гринцер (1929–2009) и Т.Я.Елизаренкова (1929–2007), литуанист и русист Т.В.Булыгина (1929–2000).

Еще в студенческие годы мы с Олегом поженились и всю жизнь прожили вместе. За эти годы мы сменили много городов и мест работы. Так, после защиты кандидатской диссертации в 1955 г. под руководством Бориса Александровича Серебренникова, члена-корреспондента АН СССР, Олег Сергеевич принял предложение Черновицкого пединститута стать заведующим кафедрой общего языкознания. На это решение повлияло и то, что нам (у нас был трехлетний сын) предоставляли отдельную квартиру. Там мы прожили 8 лет, и это время не прошло даром для нас, лингвистов.

В этом краю исторически сложилась многоязычная обстановка. Русский, украинский, румынский, идиш имели здесь давние традиции. Имелись в этих краях и поблизости деревни, населенные греками и албанцами. Это предопределило интерес Олега Сергеевича к мультилингвизму и языковым контактам. Работая в Черновцах, он стал собирать языковой материал греческих и албанских диалектов, продолжив эти исследования в Минске. Поработать в Греции и Албании для диалектических штудий было в советское время недостижимой мечтой; Олег Сергеевич изъездил все места поселений изучаемых народов в Советском Союзе, исследовав села на Украине, посетив Мариуполь, Кавказ, Казахстан. Автохтонные же греческие и албанские диалекты пришлось изучать по описаниям. Результатом лингвистических наблюдений в Черновцах, а затем в Минске стала докторская диссертация Олега Сергеевича, защищенная в 1969 г. в Институте языкознания АН СССР.

Дальше судьба снова давала Олегу Сергеевичу возможность расширять свой мультилингвизм. В течение 6 лет он возглавлял сектор языков Севера в Научно-исследовательском институте национальных школ. За это время он не раз ездил на Чукотку и написал несколько статей по чукотской фонологии.

Только с 1974 г. Олег Сергеевич стал работать на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ, где читал лекции, вел спецкурсы и спецсеминары по множеству проблем и где наслаждался общением со множеством студентов и аспирантов.

Но нужно признать, что у Олега Сергеевича был сложный характер, о чем мне известно лучше, чем кому-либо. Это отражалось на его отношениях и с коллегами, и со студентами, но главное – на его научных занятиях. Об «асимметричности» его личности написал **Владимир Михайлович Алпатов**, вспоминая «этого яркого и своеобразного человека».

«...Удивительно, как личность человека и плоды его деятельности могут не совпадать между собой. Часто, конечно, люди адекватны своим трудам. Бывает, что труды интереснее самого человека, пример из другой

области – М.А.Шолохов, из-за чего люди, его знавшие, не могли поверить в то, что он написал «Тихий Дон». А Олег Сергеевич – пример противоположный. Все, кто его знал, помнят его эрудицию, полиглотизм, многосторонность интересов, стремление к оригинальности в научном творчестве, нестандартность поведения. А из публикаций это не очень было видно.

Все это я осознал уже после смерти Олега Сергеевича, когда его вдова Аида Васильевна попросила меня посмотреть некоторые главы из коренным образом переработанного им в конце жизни учебника «Введение в языкознание». Учебников по этому курсу сейчас у нас уже немало, и выработался особый их стандарт, исторически сложившийся. Классический его образец – замечательная книга А.А.Реформатского. Хотя она написана давно и содержит «несовременные» цитаты из К.Маркса и В.И. Ленина, но благодаря высокому качеству до сих пор переиздается и используется в преподавании. Однако учебник Реформатского, создав образец жанра, во многом закрыл возможности его совершенствования: большинство современных учебников слишком на него похожи, но не дотягивают до его уровня. И только Олег Сергеевич, в первом издании своего учебника еще следовавший данному образцу, решил затем сделать все по-другому. Учебник идет от конкретных языков: приводятся сведения о некотором языке или группе языков, и при этом рассказывается о некотором специфичном для него языковом явлении. Скажем, вместе с данными о семитских языках говорится о структуре семитского корня; параллельно со сведениями о тюркских языках рассказывается о свойственной им так называемой гармонии гласных и т. д. И в том же 1998 г. ту же идею построения учебника мне высказал лингвист С.А.Крылов, не учившийся у Широкова и не знавший о его труде. Идея, что называется, носилась в воздухе, но лишь Олег Сергеевич ее реализовал. Замысел интересен, но реализация не оказалась адекватной. Когда я редактировал разделы о языках вне индоевропейской семьи, мне приходилось править почти каждую фразу: сплошные неточности и фактические ошибки. И в книге большой перекосяк в сторону тех сюжетов, которыми Широков непосредственно занимался (греческое ударение), чего в учебнике для студентов разных специализаций быть не должно. Переработанное, а фактически новое издание учебника вышло в свет, но прошло незамеченным, и не вытеснило старого доброго Реформатского».

У Олега Сергеевича было много преданных учеников. Одним из последних и самым близким был сейчас уже доктор филологических наук **Константин Геннадьевич Красухин**, личными воспоминаниями которого мне хочется закончить этот очерк.

«Я долго думал, как можно назвать школу, о которой пойдет речь в моих заметках. Термин «маргинальная» здесь никак не подходит: это слово в русском языке имеет отрицательный смысловой оттенок, с ним связано представление о дикости, ненормальности и т. д. Не годится и эпитет «периферийная»: так можно назвать отсталую школу, изучающую мелкие и второстепенные научные вопросы. Все это никак не применимо к выдающемуся профессору МГУ Олегу Сергеевичу Широкову, чьи лекции становились событием для всех, слушавших их. Но факт остается фактом: о школе Широкова вспоминают гораздо реже, чем, к примеру, о школе ОСиПЛа²⁰. Почему – на этот вопрос я постараюсь дать ответ.

Начну с личных впечатлений. В сентябре 1979 г. я, первокурсник классического отделения МГУ, пришел в знаменитую 9 поточную аудиторию 1-го Гуманитарного корпуса на лекцию по введению в языкознание. У доски стоял высокий, очень импозантный мужчина в строгом темном костюме, несколько мефистофельской наружности: брови уголками, нос с горбинкой, борода клинышком. Представившись студентам, он, как говорится, взял быка за рога: начал рассказывать о системе звуков («звонув»), предложенной В.К.Третьяковым, и о соответствии ее системе великого индийского грамматиста Панини, сопровождая свой рассказ записями на доске и лишь изредка заглядывая в свой конспект. Каждая лекция этого замечательного преподавателя сопровождалась фейерверком сведений не только из языкознания, но также из истории, философии, географии, литературы. Немудрено, что в начале следующего семестра студенты устроили блестящему лектору овацию.

Так произошла моя встреча с Олегом Сергеевичем Широковым, сыгравшим огромную роль в моей жизни. На III курсе классического отделения Олег Сергеевич читал историческую грамматику греческого языка. Аудитория была значительно меньше – не 250, а 10 человек, и я после каждой лекции задавал профессору какой-нибудь вопрос. Однажды, набравшись смелости, спросил: «Олег Сергеевич, не порекомендуете ли Вы мне какую-нибудь тему?» Тема, которую дал мне Олег Сергеевич, звучала неожиданно: «Возьмите какое-нибудь древнегреческое стихотворение, составьте его словарь, найдите этимологию каждого слова, объясните происхождение каждой грамматической формы». И в таком жанре я писал курсовые работы, а завершил это дипломом. Надо сказать, что даже на его защите тема вызвала нарекание. Однако очевидно, что ничего лучшего и нельзя было рекомендовать начинающему компаративисту. Рассматривая большое количество этимологий и грамматических форм, студент поневоле входит во все проблемы своей науки, составляет себе по возможности цельное представление о реконструкции

---

²⁰ ОСиПЛ – отделение структурной и прикладной лингвистики.

праязыка и его рефлексах в исследуемом языке. Такая работа максимально расширяет кругозор, не позволяя замкнуться только на одной области сравнительно-исторического языкознания. Это очень помогло мне при написании кандидатской диссертации. Когда мы с Олегом Сергеевичем обсуждали ее тему, я сразу сказал, что хотел бы заниматься индоевропейскими истоками древнегреческого. «В таком случае, – заметил Олег Сергеевич, – вам надо обратиться прежде всего к глаголу». – «Но это очень трудная тема!» – «А почему вы боитесь трудностей? Именно изучив происхождение греческого глагола, вы сможете правильно описать поставленную вами проблему». При защите кандидатской я столкнулся с сопротивлением со стороны кафедры классической филологии МГУ: некоторым ее сотрудникам казалось, что в диссертации «слишком много» индоевропеистики и реконструкции. На это Олег Сергеевич резонно заметил: «Реконструкции всегда бывает слишком мало!» Диссертацию я все же защитил: столкнувшись с гневом Олега Сергеевича, наиболее дальновидные члены кафедры решили не раздувать скандал. К сожалению, судьба не позволила мне стать сослуживцем Олега Сергеевича (после окончания аспирантуры я три года работал в издательстве «Наука», затем – в Институте языкознания), но дружеские контакты мы поддерживали до самой его смерти. И сразу после моей защиты Олег Сергеевич стал говорить: «Костя, думайте о докторской!» Бывало, принесешь ему оттиск новой статьи и сразу после поздравления слышишь: «А как эта статья соотносится с вашей диссертацией?» Олег Сергеевич увидел мою докторскую диссертацию завершенной и дал на нее отзыв, но до защиты, увы, не дождался. Так же, как он не увидел свою последнюю книгу «Языковедение: введение в науку о языках» (М., 2003). Последняя книга особенно поражает. По объему (734 стр.) она уникальна среди соответствующих учебников, языковые сведения оказались погружены в исторические, культурологические, философские, религиоведческие. Олег Сергеевич рассматривал язык как вместилище культурной информации. Это не значит, что рассмотрение языковых фактов он подменял чем-то иным, как это иногда бывает у нынешних лингвокультурологов. Наоборот, вопросы фонетики, фонологии, морфологии, синтаксиса и лексики рассмотрены в учебнике с большой полнотой; к имеющимся классификациям добавились многие собственные наблюдения Олега Сергеевича. Таким образом, эта книга, до публикации которой Олег Сергеевич не дождался, – одновременно и учебник, охватывающий несколько курсов, и серьезная исследовательская монография. Ее можно назвать Книгой жизни для автора».

НИНА ЛАЗАРЕВНА КАЦМАН

Нина Лазаревна Кацман окончила в 1950 г. кафедру классической филологии МГУ им. М.В.Ломоносова. В настоящее время профессор Московского государственного лингвистического университета. С 1954 г. Нина Лазаревна работает на кафедре латинского языка (теперь кафедра классической филологии).

В 1974 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Методика преподавания латинского языка в институтах и на факультетах иностранных языков».

Основная цель ее научной деятельности – улучшить преподавание античных дисциплин на всех уровнях обучения – от школ и гимназий до университетов. В течение многих лет Нина Лазаревна была ученым секретарем секции «Классическая филология» научно-методического Совета при Минвузе СССР.

Н.Л.Кацман – автор монографии «Методика преподавания латинского языка» (2003), а также автор и соавтор известных в стране учебников латинского языка для разных возрастов и для различных учебных заведений.

Много лет Нина Лазаревна работала на одной кафедре с Виктором Ноевичем Ярхо.

Предлагаем вниманию читателей ее статью о нем, опубликованную в журнале «Вестник Древней Истории», № 1, 2010²¹.

ВИКТОР НОЕВИЧ ЯРХО

Виктор Ноевич Ярхо (5 марта 1920, Харьков – 11 июля 2003, Бордо, Франция) – филолог-классик, специалист по древнегреческой драме, писатель.

Окончил Московский университет в 1946 г.

С 1949 г. – преподаватель Московского государственного института иностранных языков им. М.Тореза (ныне МГЛУ); с 1955 г. – заведующий кафедрой

---

²¹ Статья дается с некоторыми изменениями и дополнениями автора.

древних языков. В 1964 г. защитил докторскую диссертацию «Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии».

Основные области научной деятельности В.Н.Ярхо – древнегреческая трагедия и комедия, древнегреческий эпос и лирика.

Автор многочисленных статей и книг, среди которых монографии: «Аристофан» (1954); «Эсхил» (1958); «У истоков европейской комедии» (1979). Переводчик с древнегреческого античных мифографов (Парфений, Антонин Либерал, Гигин), автор научных комментариев к изданиям переводов с древнегреческого на русский язык Аристофана, Менандра, Софокла, Еврипида.

Около 40 научных работ В.Н.Ярхо вышли в переводах на разные языки. Он был членом редакционного совета международного научного журнала «Филологус» (Германия).

Виктор Ноевич Ярхо является одним из самых известных современных исследователей в области классической филологии, как на всей территории бывшего Советского Союза, так и далеко за ее пределами. Около 50 его научных трудов изданы на немецком, итальянском, греческом, венгерском, китайском языках. Благодаря блестящей образованности и широкой эрудиции В.Н.Ярхо принимал активное участие в важнейших энциклопедических и справочных изданиях: в Большой советской, Театральной, Краткой литературной энциклопедиях, в словаре «Мифы народов мира» и др. Им написаны две главы – о греческой литературе архаического периода и о греческой поэзии классического периода для «Истории всемирной литературы» (М., 1983, т. I). Но наиболее широкую известность в нашей стране принесли Ярхо монографические исследования, в основном, по проблемам древнегреческой драмы, а также многочисленные предисловия, послесловия, примечания и комментарии к изданиям самих этих драм. В этих работах в полной мере проявилась способность автора в доступной для широкого читателя форме систематизировать всю имеющуюся по исследуемой проблеме информацию и, после анализа аргументов других специалистов, предлагать свою точку зрения по сложным проблемам того или иного аспекта античной литературы. В этих работах, написанных прекрасным русским языком, что немаловажно отметить, Ярхо выступает, с одной стороны, как прекрасный популяризатор, способный увлечь доселе совсем незнакомого с античными авторами человека, с другой (для тех, кто прочитает также его послесловия, комментарии, примечания) – как серьезный ученый-литературовед. Вместе с тем Ярхо известен не только как автор работ, адресованных широкой аудитории, но и как автор множества статей и рецензий на работы других ученых, опубликованных как у нас, так и за рубежом нашей страны в сугубо научной периодике и сборниках, издаваемых малыми тиражами (таких как «Вестник древней истории» (ВДИ), “Philologus”,

“Eirene”, “Deutsche Literaturzeitung”, “Eikamos” и др.) и доступных только узким специалистам; именно они, наряду с книгами, создали В.Н.Ярхо известность далеко за пределами нашей страны.

Интенсивная научная деятельность В.Н.Ярхо шла рука об руку с не менее интенсивной и не менее результативной деятельностью его как педагога. В этом качестве он проявил себя и как талантливый преподаватель, и как умелый руководитель в должности заведующего кафедрой классической филологии Московского лингвистического университета (ранее Института иностранных языков).

Основные вехи биографии В.Н.Ярхо: родился в 1920 г. в г. Харькове в интеллигентной и достаточно обеспеченной семье. Через два года после его рождения семья переехала в Москву, но в 1926 г. умер отец, а 9 лет спустя, в 1935 году, умерла и мать Виктора Ноевича. Назначенный опекуном 15-летнего подростка дядя, брат матери, был арестован в 1937 г. В это время Виктор Ноевич был уже студентом классического отделения филологического факультета знаменитого в те годы МИФЛИ (Московский институт философии, литературы, истории), в котором к началу войны он окончил IV курс. После четырехлетней службы в Красной армии, в 1945 г., он поступил на V курс классического отделения филологического факультета МГУ, в который вошел МИФЛИ. Несмотря на длительный перерыв в учебе, В.Н.Ярхо проявил себя как начинающий ученый еще в студенческие годы: его дипломная работа «Социальная утопия в комедиях Аристофана» была удостоена Ломоносовской премии и опубликована в Трудах научного студенческого общества. По окончании университета, в 1946 г., В. Н. Ярхо был принят в аспирантуру. В период учебы в аспирантуре началась и его педагогическая деятельность: он вел занятия по латинскому языку и читал лекции по античной литературе и древней истории на заочном отделении филологического факультета МГУ и в Литературном институте; с 1949 г. началась также его основная работа, о которой было сказано выше.

В 1950 г. Виктор Ноевич Ярхо защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социальная характеристика творчества Аристофана». В 1954 г. вышла первая монография Ярхо «Аристофан», рассчитанная на широкого читателя; напечатаны две статьи специального характера (ВДИ, № 2 и 3) и вышел подготовленный совместно с Ф.А.Петровским двухтомник Аристофана. В дальнейшем научные интересы В.Ярхо сосредоточились в трех основных направлениях: древнегреческая драма; древнегреческая лирика (к которой позже присоединился эпос); новые папирусные находки в области античной литературы. Верность этим направлениям он сохранял всю свою жизнь. В области древнегреческой драмы следующей после «Аристофана» была монография «Эсхил» (1958 г.), исследование творчества которого стало основной темой докторской диссертации.

ции В.Н.Ярхо, которую он защитил в 1964 г. (заметим попутно, что он был первым из выпускников классического отделения МГУ, защитившим докторскую диссертацию), а в 1978 г. вышла его монография «Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии». Последняя треть этой работы, посвященная преемникам Эсхила – Софоклу и Еврипиду, обозначила переход исследователя к более детальному анализу их творчества. Софоклу посвящен ряд статей, написанных в 1970–80-е гг., небольшая монография «Антигона» (1986), а также подготовленный совместно с М.Л.Гаспаровым однотомник Софокла (1990), в котором примечания и две статьи написаны В.Ярхо. Первое обращение В.Н.Ярхо к Еврипиду связано с выходом в свет в 1969 г. двухтомника «Еврипид. Трагедии» в переводах Анненского под редакцией Зелинского. Для этого издания В.Н.Ярхо написал вступительную статью и примечания, которые по замыслу автора составляют единое целое, всесторонне раскрывающее содержание и проблематику каждой драмы. При этом в отдельных случаях он отмечает наиболее явные отступления переводчика – Иннокентия Анненского – от смысла оригинала. Дальнейшим исследованием этой проблемы – насколько явно личность переводчика проступает в переводимом им тексте – явилась статья В.Н.Ярхо «"Ифигения в Авлиде" Иннокентия Анненского» с подзаголовком: «Древнегреческая трагедия в стиле модерн», опубликованная в журнале “Philologica” (2001/2002, vol. 7, № 17/18, С. 89–1440). Эта статья – часть совместной с М.Л.Гаспаровым работы о переводчиках античных авторов (к сожалению, не законченной) возникла в связи с выходом в свет нового издания двухтомника Еврипида, подготовленного М.Л.Гаспаровым и В.Н.Ярхо («Наука», 1999), в котором все трагедии Еврипида даны в переводах Анненского (без редакции Зелинского). В этой статье, на основе тщательного текстологического сопоставительного анализа греческого текста и перевода, В.Ярхо, приходит к выводу, что Еврипид в переводах Анненского предстает перед читателем «сильно модернизированным и сентиментализированным» (так у автора); вместе с тем он высоко оценивает заслуги Анненского, благодаря которому Еврипид стал доступен русскому читателю.

В 70-х гг. В.Ярхо вновь обращается к исследованию древнегреческой комедии, что было связано с публикацией достаточно большого количества новых папирусных текстов Менандра. Результатом этой работы, помимо ряда статей, явилась книга «У истоков европейской комедии» (1979), в которой творчество Менандра рассматривается на широком историческом и литературном фоне; уже после кончины В.Ярхо вышло переработанное и значительно расширенное издание этой книги («Лабиринт», 2005). В ней содержится также обзор новейших изданий сохранившихся на папирусе комедий Менандра.

Первым обращением к древнегреческой лирике является написанная В.Н.Ярхо совместно с К.П.Полонской небольшая монография «Античная лирика» (1967), где ему принадлежат главы о ранней греческой и эллинистической лирике. Впоследствии им был написан ряд статей, посвященных как общим проблемам древнегреческой лирики, так и отдельным поэтам (Алкею, Сапфо, Архилоху и др.), и были изданы две подготовленные им антологии: на немецком языке и с переводами на немецкий язык «Frühgriechische Lyrik» (Leipzig, 1985) и «Древнегреческая мелика» (М., 1988); 1500 стихов в этой антологии переведены на русский язык и прокомментированы впервые, в том числе, папирусные и эпиграфические тексты.

Исследованию древнегреческого эпоса посвящен целый ряд научных статей в специальных изданиях, в том числе, – о папирусных находках в области эпоса (ВДИ, 1983, №3; 1985, №2). Для широкой аудитории В.Ярхо было подготовлено издание «Одиссеи» в переводе В.А.Жуковского с полным критическим аппаратом и тремя большими статьями составителя (М., «Наука», 2000). Не был обойден вниманием и Гесиод: В.Ярхо подготовил полное издание его трудов, в которое включил ранее не публиковавшиеся фрагменты в переводе О.Цыбенко, написал для него вводную статью и именную указатель; комментарии написаны совместно с О.Цыбенко («Лабиринт», 2001).

В последние годы, по предложению директора и главного редактора издательства «Лабиринт» И.В.Пешкова, было осуществлено издание «Собрания трудов» В.Н.Ярхо, основу которого составили 4 книги: 1. «Эпос. Ранняя лирика» (2001); 2. «Трагедия» (2000); 3. «Комедия» («2002»); 4. «Обретенные страницы» с подзаголовком: «История древнегреческой литературы в новых папирусных открытиях». В три первые книги вошли статьи, печатавшиеся в различных периодических изданиях и сборниках, выходивших малыми тиражами; предисловия и послесловия к изданиям отдельных авторов; подготовленные, но не печатавшиеся ранее статьи и доклады. В этих трех книгах содержится также полный список трудов В.Н.Ярхо, составленный по тематическому принципу. Четвертая книга была написана заново. В издательстве «Лабиринт» вышли также (кроме уже упоминавшихся): «Мифологические поэмы Драконция» с переводом автора и полным критическим аппаратом (2001), «Семь дней в афинском театре Диониса» (2004) и «Софокл» (2005), адресованные широкой аудитории.

Последняя книга В.Н.Ярхо – блестящее завершение его жизненно и творческого пути – это его мемуары, книга «Внутри и вне Садового кольца: воспоминания обычного заведующего кафедрой», вышла в свет во 2-й половине 2003 г., уже после его кончины. В письме от 23 июня 2003 г., т. е. менее чем за три недели до смерти он писал мне: «...смерти

я не боюсь, все, что я хотел, я сделал ...». Нет сомнения, что он мог бы сделать больше, если бы судьба даровала ему еще несколько лет жизни. Но он был очень болен последние годы, знал свой диагноз, сознавал свое состояние, с которым и соотносил намеченное... О неосуществившихся творческих планах В.Н.Ярхо пишет сам, как бы передавая эстафету следующим поколениям (см. с. 206 и сл. названной книги). Вот один из них: «Очень жалею, что не написал книгу по древнегреческой мифологии, по которой есть либо множество популярных работ и пересказов, далеких от совершенства, либо такая книга как «Античная мифология» А.Ф.Лосева, не во всем доступная даже специалистам ... Мне хотелось бы сделать книгу, в которой удалось бы в относительно доходчивой форме показать сложность предмета, возникновение античной мифологии из различных пластов общественного сознания и исторической реальности, несогласуемость в ряде случаев ее вариантов. Надо бы показать и несходство наших источников: одно дело – излагать миф по Гомеру и трагикам, другое – по Овидию, третье – по Лукиану или Диктису Критскому. Где найти критерий достоверности и надежности? Чтобы ответить на этот, и еще десятки не менее трудных вопросов, и надо было написать книгу. Как она мне удалась бы, – другой вопрос, но что я могу передать эту идею грядущим поколениям античников, остается фактом: у меня самого для исполнения подобного замысла нет уже ни сил, ни времени».

Тем не менее, научное наследие В.Н.Ярхо поистине необозримо. Нет сомнения в том, что еще многие поколения классиков будут с благодарностью обращаться к его работам.

Отдельного рассмотрения заслуживает педагогическая деятельность Ярхо, о которой было лишь бегло упомянуто. А между тем он 47 лет преподавал латинский язык, из которых 40 лет был заведующим кафедрой классической филологии. Об этой его работе он также пишет в своих мемуарах (с.142–170), в частности, довольно подробно рассказывает историю создания на кафедре под его руководством и при его активном участии специализированного учебника по латинскому языку для студентов институтов и факультетов иностранных языков, по которому до сих пор занимаются во многих вузах на территории всего бывшего Советского Союза. Рассказ этот весьма показателен. Он по-новому раскрывает нам личность и методы работы самого Ярхо, прежде всего, как автора. Ведь – что греха таить – нередко в те прошедшие времена, когда без положительных рецензий работа не могла быть напечатана, автор, насколько это от него зависело, стремился заполучить таких рецензентов, которые дали бы положительный отзыв, а то и вовсе подписали бы, не читая, отзыв написанный им самим. Что делает Ярхо? Он, без стеснения признавая, что не является специалистом в области лингвистики (а задача была – построить учебник на научной основе) выбирает самых авторитет-

ных в этой области рецензентов: Я.М.Боровского и И.М.Тронского; получив затем письмо от последнего с многочисленными критическими замечаниями, едет в Ленинград, и в течение 4-х дней общения с ним проходит, по его словам, «хорошую лингвистическую школу», получает «не слишком короткий список лингвистической литературы для домашнего чтения» и возвращается «с твердым пониманием неизбежности большой работы», на которую он, как главный редактор учебника, потратил несколько месяцев. Много другого интересного и поучительного материала о различных аспектах работы заведующего кафедрой найдет читатель в этом разделе книги. Я же напишу о том, чего в книге нет: об атмосфере, которая царилла на кафедре, о том, как чувствовали себя на ней и как относились к заведующему кафедрой мы, его коллеги-подчиненные. С этой точки зрения с полным основанием могу утверждать, что атмосфера на кафедре была и очень деловой, и очень комфортной. Будучи крайне требовательным во всем, что касалось учебного процесса, Виктор Ноевич заботился также и о том, чтобы каждый преподаватель мог реализовать свои научные интересы: на заседаниях кафедры регулярно заслушивались и обсуждались научные доклады; сам В.Н. всегда готов был помочь советом, посодействовать публикации статей; для завершения работы над диссертацией предоставлялся отпуск; два преподавателя за время работы В.Н. прошли двухгодичную докторантуру. Показателен в этом отношении такой, казалось бы, незначительный факт: зная круг научных интересов каждого из членов своей кафедры, Виктор Ноевич, который выписывал и всегда внимательно читал «Книжное обозрение», не пропускал в нем ни одного названия, представлявшего, по его мнению, интерес для кого-нибудь из нас. Он это название аккуратно вырезал и вручал заинтересованному лицу. О благоприятной для научной работы атмосфере на кафедре свидетельствует и то, что за период работы Виктора Ноевича в качестве ее заведующего 6 преподавателей защитили кандидатские диссертации (при этом трое из них начинали работу на кафедре в качестве лаборантов; у нас даже бытовал термин «лаборантура»), двое защитили докторскую диссертацию. Была практически готова к защите докторской и З.А.Покровская, к сожалению, преждевременно ушедшая из жизни.

Не могу оставить без упоминания еще одно весьма показательное качество В.Н.Ярхо, красной нитью проходящее через всю его мемуарную книгу: глубочайшее уважение, любовь и чувство благодарности к своим учителям, а позднее и к коллегам, которое он сохранил и пронес через всю жизнь. Для нас, естественно, особенно значимы воспоминания о том поколении ученых-классиков и просто преподавателей древних языков, которое сформировалось еще в XIX в., и было призвано восстановить отвергнутую в революционном пылу науку. Я думаю, что из ныне живу-

щих только единицы помнят «живого» Сергея Ивановича Соболевского, да и более «молодые» классики того поколения: М.Е.Грабарь-Пассек, А.Н.Попов, С.И.Радциг, Ф.А.Петровский, И.М.Тронский и многие другие, о которых пишет Ярхо, большинству наших коллег известны сейчас только по их печатным трудам, а о некоторых они и вовсе узнают только из книги Ярхо. Поэтому она представляет столь же несомненную ценность, как и его научные труды.

Итак, жизненный путь Виктора Ноевича Ярхо – это блестящий пример совмещения в одном лице серьезного ученого, педагога и руководителя кафедры. При этом он был ярко выраженной харизматической личностью; все, кто знал его, особенно коллеги по кафедре, которой он руководил, всегда будут помнить о нем с любовью и благодарностью.

РАЗДЕЛ III: НЕДАВНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

ГАЛИНА ИВАНОВНА ШЕВЧЕНКО

Галина Ивановна Шевченко закончила исторический факультет Белорусского государственного университета по специальности «история – античная история и археология».

В 1986 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Фразеологические кальки с греческого и латинского в русском языке».

С 1995 г. является заведующей кафедрой классической филологии, организованной благодаря ее усилиям.

Галина Ивановна – автор нескольких учебников латинского языка, монографии «Фразеологизмы античного происхождения в славянских языках», многих статей.

Г.И.Шевченко пишет о Брониславе Адамовиче Тарашкевиче, который стоял у истоков грамматической мысли в Белоруссии.

БРОНИСЛАВ АДАМОВИЧ ТАРАШКЕВИЧ

В истории каждого народа есть знаковые имена. В белорусской к таковым, без сомнения, можно отнести Бронислава Адамовича Тарашкевича – человека неординарного во всем, жизнь которого отражает искания и сомнения индивидуума XX в.

В нем уживались и наблюдательность ученого, и твердость политика, интеллигентность соседствовала с непримиримостью; но главное, что выделяло его и двигало его поступками и идеями, – это огромная любовь к своему народу, его культуре, языку, к стране по имени Белая Русь. Именно поэтому свою книгу – первую грамматику белорусского языка он завершает прекрасными, полными боли стихами отечественного классика Янки Купалы:

«А хто там ідзе, а хто там ідзе, у агромістай такой грамадзе? – Беларусы.

А чаго ж, чаго захацелася ім, пагарджаным вякі, ім, сляпым і глухім? – Людзьмі звацца».

Идеи белорусской толерантности, национальной аутентичности прошли через всю его жизнь, короткую, но яркую. Потомки оценили его самоотверженность и старания. После обретения Беларусью независимости Б.Тарашкевич стал символом примирения и объединяющим началом белорусской нации. Его именем названы улицы в городе Молодечно Минской области и в городском поселке Радошковичи Молодеченского района. В 2003 г. именем Бронислава Тарашкевича названа улица в Столичном районе Большая Степянка. В республике Польша имя автора первой белорусской грамматики носит лицей с белорусским языком обучения в городе Бельск-Подляски.

Биографию Бронислава Тарашкевича можно соотнести с биографиями большей части патриотически настроенной национальной интеллигенции прошлого столетия. Бронислав Адамович Тарашкевич – известный белорусский филолог, публицист, переводчик, политик, руководитель народно-освободительной борьбы в Западной Белоруссии, антифашист. Родился в деревне Матюлишки Виленского уезда 20 января 1892 г. в крестьянской семье. Из многодетной семьи он один смог получить достойное образование. В 1911 г. Бронислав Тарашкевич с серебряной медалью закончил 2-ю Виленскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, который успешно закончил в 1916 г., и был оставлен на кафедре русского языка и литературы для подготовки к профессорскому званию. Его филологическую подготовку курировали академик Александр Александрович Шахматов и Евфимий Федорович Карский. Известно, что молодой преподаватель в звании приват-доцента в 1917 г. в родной alma mater читал курс латинского и древнегреческого языков.

Однако первой своей задачей Б.Тарашкевич считал создание грамматики белорусского языка. Тем более что предпосылками для ее создания были труды его учителя Евфимия Федоровича Карского.

В 1918 г. в Вильно была опубликована его «Беларуская граматыка для школаў». Эта грамматика переиздавалась 6 раз. В учебнике содержится описание фонетической системы, орфографии и грамматического строя белорусского языка. Опираясь на живую народную речь, Бронислав Тарашкевич также закрепил в своей грамматике письменные традиции и литературные стили, характерные для белорусского языка того времени, учитывая при этом достижения тогдашней лингвистической науки, опираясь на труды своих учителей А.Шахматова и Е.Карского. Известно, что

Б.Тарашкевич разрабатывал синтаксис белорусского языка, с целью издать его отдельной книгой, но его рукопись погибла.

Особый интерес для развивающейся классической филологии Беларуси представляет переводческая деятельность Б.Тарашкевича. Известно, что, находясь в польской тюрьме, Бронислав Адамович перевел на белорусский язык гомеровскую поэму «Илиада», а также поэму А.Мицкевича «Пан Тадеуш». В белорусской филологии считается, что «до настоящего времени текст этих переводов не подвергался анализу с точки зрения типологического соотношения средств белорусского и греческого...» (См.: М.Г.Булахов. «Восточнославянские языковеды». – Мн., 1978. Т. 3. С. 227). Однако в 1999 г. выпускник кафедры классической филологии БГУ Вячеслав Кулевец в своем дипломном проекте «Адекватность перевода «Илиады» Гомера на восточнославянские языки» сопоставил существующие переводы и пришел к выводу, что автор перевода на белорусский язык самобытен, его перевод подчеркивает богатство белорусского языка, способного передать с достаточной смысловой точностью все нюансы оригинала. К сожалению, автор дипломного сочинения не располагал переводом всей поэмы Гомера, а только фрагментами, опубликованными в белорусской печати в 1930-е гг. Жизнь автора оборвалась 29 ноября 1938 г. в Москве, в застенках НКВД. Судьба переводов неизвестна.

Белорусская интеллигенция обращалась неоднократно в ФСБ России о возвращении интеллектуального наследия Бронислава Адамовича Тарашкевича.

Основные вехи биографии

- 1917 – лидер Белорусской социалистической громады
- 1918 – руководитель культурно-просветительского отдела Петроградского отделения Белорусского национального комиссариата (Белнацком)
- 1919 – преподаватель белорусского и греческого языков в Минском педагогическом институте
- 1920 – заведующий белорусским сектором департамента просвещения Срединной Литвы
- 1921 – директор Виленской белорусской гимназии
- 1922 – член польского сейма
- 1925 – создатель и председатель клуба Белорусской крестьянско-рабочей громады
- 1926 – член Компартии Западной Беларуси
- 1927 – арестован польскими властями
- 1928 – осужден на 12 лет заключения
- 1928 – избран действительным членом АН БССР

1930 – досрочно освобожден из тюрьмы

1931 – арестован польскими властями

1932 – осужден на 8 лет каторги

1933 – в результате обмена политзаключенными между Польшей и СССР стал жить в Москве. Работал заведующим отделом Польши и Прибалтики в Московском сельскохозяйственном институте.

6 мая 1937 г. арестован по вымышленному обвинению, в январе 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. 29 ноября 1938 г. Бронислав Тарашкевич был расстрелян в Москве. Реабилитирован 26 января 1957 г.

Памятью об известном белорусском филологе является утвердившийся в белорусском языкознании термин «тарашкевица» – классическое правописание, вариант белорусской орфографии, грамматики, языковой нормы, просуществовавшей до реформы белорусского правописания, осуществленной в 1933 г. После выхода книги «Белорусское классическое правописание. Свод правил» в 2005 г. была произведена современная нормализация тарашкевицы.

ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЕТРОВСКИЙ

Федор Александрович Петровский (10 (22) апреля 1890, Москва – 29 апреля 1978, Москва) – филолог-классик, переводчик, редактор и комментатор античных авторов.

Окончил Московский университет, ученик А.А.Грушка, М.М.Покровского и С.И.Соболевского.

Переводил Цицерона, Ювенала, Персия, Марциала, Сенеку, Сульпиция. Настоящую славу принесло ему издание труда Лукреция «О природе вещей» с параллельным русским переводом и обширными комментариями, ставшее наиболее авторитетным изданием (1946–1947).

После прихода Н.Ф.Дератани на должность заведующего кафедрой классической филологии в МГУ Ф.А.Петровский был уволен и перешел в Институт мировой литературы на должность заведующего сектором античной литературы, где проработал до самой смерти.

Ниже публикуется статья Ф.А.Петровского о Григории Филимоновиче Церетели²².

ГРИГОРИЙ ФИЛИМОНОВИЧ ЦЕРЕТЕЛИ

Григорий (Григол) Филимонович Церетели (12 марта 1870, Санкт-Петербург – 24 марта? 1938, Тбилиси) – филолог-классик, один из основоположников папирологии, основатель классической филологии в Грузии.

Родился в семье известного юриста Филимона Церетели. В 1893 г. закончил Санкт-Петербургский императорский университет. В 1914 защитил докторскую диссертацию и был избран профессором и заведующим кафедрой классической филологии Санкт-Петербургского университета. В 1917 г. Церетели был избран членом-корреспондентом Академии наук России, с 1925 г. – член-корреспондент АН СССР.

---

²² См.: Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Перевод, введение и примечания Г.Ф.Церетели. – Тбилиси 1964, с.337-346.

С 1920 по 1937 гг. являлся заведующим кафедрой классической филологии Тбилисского государственного университета, а с 1923 по 1931 гг. заведовал Научной библиотекой ТБГУ.

Г.Ф.Церетели – основатель классической филологии в Грузии, специалист по греческим папирусам. Опубликовал фундаментальный труд в пяти томах «Греческие папирусы российских и грузинских коллекций». Был почетным членом Пapiroлогического общества Германии и Берлинского археологического института.

Был арестован в 1937, умер (убит?) в 1938 г. (предположительно не ранее 24 марта).

ГРИГОРИЙ ФИЛИМОНОВИЧ ЦЕРЕТЕЛИ И ЕГО ПЕРЕВОДЫ АНТИЧНЫХ ПОЭТОВ

Как великий ученый, Г.Ф.Церетели известен филологам-классикам всего света. Его работы в области палеографии и по анализу творчества Менандра, равно как и прочие его труды, никогда не утратят своего значения для познания античного мира, изучению которого Григорий Филимонович посвятил всю свою плодотворную жизнь. И этот античный мир он не только изучал и знал, как специалист-филолог, он его любил и чувствовал так, что мог вновь оживить его в нашем сознании и заставить нас увидеть этот мир вечно молодым и полным свежих сил. Г.Ф.Церетели обладал удивительным дарованием: он не только открывал нам тайны этого мира как ученый, но давал нам возможность познать его во всем многообразии никогда не меркнущих картин и образов, потому что он был не только первоклассным ученым, но и высоко одаренным художником: он был истинным воссоздателем античного мира, великим его поэтом. Как счастливы те, кому привелось знать этого поэта, слушать его, беседовать с ним и наслаждаться его гением не только по его произведениям, но и общаясь с ним лично!

Велика заслуга Г.Ф.Церетели, что в своих работах над античными поэтами он не ограничивался историко-литературным их анализом, а разъяснял их тексты путем перевода, передавая их не только с предельной точностью, но и с истинным художественным мастерством. Будь то переводы комедий Менандра и мимиямбов Герода, будь то мелика Сафо и Анакреонта, элегии Мимнерма и Солона, мимиямбы Архилоха и Гиппонакта, – всегда это переводы истинного поэта и вместе с тем внимательнейшего исследователя, никогда не забывающего о той ответственности, какая лежит на человеке, взявшемся на живом языке воссоздать те творения, которые в подлинных текстах доступны лишь немногим. Не надо, однако, думать, что свои переводы Григорий Филимонович делал только для тех, кто не знает древних языков. Каждый его перевод – это такая же научная работа, как и его специальные филологические исследования: даже более того: важное значение его переводов в том, что они до-

водят до предельной ясности его интерпретацию всего того текста, какой он изучал; эти переводы – показатель его несравненной научной добросовестности. Ведь, действительно, давая перевод текста, нельзя оставить необъясненным никакое слово, никакое выражение подлинника; нельзя миновать и оставить без внимания ни одного места в подлинном тексте писателя. А как часто приходится сталкиваться в ученых комментариях с тем, что объяснено бывает само собой понятное, а наиболее трудное для понимания текста остается неразъясненным.

Главные произведения Г.Ф.Церетели в области поэтических переводов это: 1) перевод комедий Менандра, опубликованный сначала в отдельных номерах ЖМНП и в книге «Новые комедии Менандра» (1914), а затем в издательстве «Academia» в 1936 г.; 2) перевод мимиямбов Герода, вышедший в 1929 г., и 3) перевод поэмы об Аргонавтах Аполлония Родосского, публикуемый теперь впервые.

Таким образом, Г.Ф.Церетели впервые перевел произведения трех греческих авторов, до него никем на русский язык стихами не переведенных. Правда, в 1909 г. Б.В.Варнеке опубликовал полный перевод фрагментов четырех, открытых к этому времени, комедий Менандра, но его перевод сделан не стихами, а прозой. Следует особо отметить то, что с исключительным беспристрастием говорит Б.В.Варнеке о переводе комедии «Третейский суд», опубликованном Г.Ф.Церетели в 1908 г.: «Этот перевод представляет особую ценность. Я из стиха в стих сличил его с текстом (по изданию фон Лёвена) и с немецким переводом Роберта. Греческий текст передан в стихотворном переводе проф. Церетели на редкость удачно: по близости к оригиналу он значительно превосходит перевод Роберта и в то же время остается изящным и ясным» (Б.В.Варнеке. Новые комедии Менандра. – Казань, 1909). Всецело присоединился к оценке Б.В.Варнеке и И.И.Толстой, охарактеризовав Г.Ф.Церетели как «соединяющего в себе познания ученого с дарованием поэта». «Научная ценность труда, предпринятого Г.Ф.Церетели, несомненна, – говорит И.И.Толстой, – перевод, выполненный человеком, превосходно знающим греческий язык, чувствующим оттенки греческого оригинала, является уже сам по себе лучшей интерпретацией греческого текста. Много интересного и поучительного найдут для себя специалисты и в сопутствующих переводу замечаниях, которые касаются главным образом вопросов общей композиции комедий и реконструкции утраченных частей и содержат целый ряд тонких наблюдений. Но на переводы Г.Ф.Церетели хочется привлечь внимание не только людей, интересующихся античным миром, но и тех, чьи интересы стоят сравнительно далеко от классической древности... Перевод Г.Ф.Церетели очень близко подходит к подлиннику, и все, кому греческий оригинал почему-либо недоступен, могут составить себе верное представление о Менандре по этому прекрасному переводу. И многие бу-

дут благодарны ему за принятый им на себя труд передать Менандра живым русским словом».

Высоко оценив работу Г.Ф.Церетели над комедиями «Третьейский суд», «Самианка» и «Отрезанная коса», И.И.Толстой дополнил свой отзыв и в статье о книге Г.Ф.Церетели «Новые комедии Менандра»: «Прекрасный литературный перевод отличается большой точностью: передача подлинника, разумеется, не дословная, но переводчик всюду стремился выразить точно смысл не только мысли, но и самого оборота, той словесной формы, в какую мысль вложена».

В отзывах И.И.Толстого есть, однако, одна неточность. Он говорит, что Г.Ф.Церетели перевел комедии Менандра «размером подлинника», «размером греческого оригинала». Это, конечно, не так. Переводы, опубликованные в ЖМНП и в «Новых комедиях Менандра», сделаны размером подлинника только в тех частях, которые написаны усеченным на слог трохеическим тетраметром (септенарием), как, например, в первых явлениях действия второго «Отрезанной косы» (стихи 77 – 163, по изд. Кёрте):

«Буду ждать тебя у двери, буду здесь пока бродить».

Что же касается ямбического триметра, которым написана большая часть комедий Менандра, то этот размер Г.Ф.Церетели передавал не ямбическим триметром, а шестистопным ямбом с цезурой после третьей стопы и с чередованием мужских и женских окончаний (как в александрийском стихе). На это указывает и сам Г.Ф.Церетели в предисловии к «Образцам эпической и лирической поэзии» (1927), говоря, что «при передаче «Сатиры на женщин» Симонида Аморгского я, подобно тому, как это сделано мной в моей книге «Новые комедии Менандра» (1914), позволил себе заменить ямбический триметр александрийским стихом». «В этом, – как отмечает М.Л.Гаспаров в готовящейся к печати работе о русском триметре, – Г.Ф.Церетели следовал одной из традиций перевода триметра, начавших складываться у русских переводчиков к концу XIX века. По ритмической структуре этот стих естественно воспроизводил привычную для русских поэтов схему, рифмованного александрийского стиха».

Но эта традиция, которой следовал Г.Ф.Церетели в своем первоначальном переводе Менандра, все же уступила другой, а именно передаче греческого триметра (как и латинского ямбического сенария) пятистопным ямбом, доведенным до совершенства Пушкиным в «Борисе Годунове», «Каменном госте» и других его драмах. Пятистопный ямб приняли в своих переводах и И.Ф.Анненский, Ф.Ф.Зелинский, С.М.Соловьев и другие.

Однако в 1878 г. Н.А.Холодковский в переводе 2-й части «Фауста» Гёте убедительно показал, что русским стихом можно гораздо точнее передать триметр. И вот, в первой четверти XX века в русских переводах античных драматургов – Эсхила (в переводе Вячеслава Иванова), Аристофана (в переводе Адриана Пиотровского), Плавта (в переводе Артюшкова) и др. – передача античного триметра более близким к нему эквивалентом, представляющим собой по существу пятистопный ямб с дактилическим окончанием, завоевывает себе несокрушимые права.

Признает эти права и Г.Ф.Церетели и с неизменно присущим ему интересом берется за переработку своего Менандра, обращая прежние александрийские стихи перевода в триметры. Эту исключительно трудную и ответственную переработку он с успехом осуществляет и в 1936 г. публикует в издательстве «Academia» свой новый, снабженный превосходной вступительной статьей и комментариями, перевод комедий Менандра.

Для иллюстрации этой работы приведу небольшой пример этой переработки:

Прежний перевод:

Я свой рассказ начну не прямо с нашей ссоры,
А издали – тогда ты толком все поймешь.
В кустарнике густом, рукой подать отсюда,
Я пас свои стада, – пожалуй, тридцать дней
Тому назад, – о д и н, и вот нашел случайно
Ребенка малого: он там подкинут был.
При нем лежал браслет и разные вещички, –
Дрянцо.

Новый перевод:

Начну я издали, – а не со ссоры с ним,
Чтоб мог понять ты толком происшедшее.
Раз в зарослях, от этих мест поблизости,
Один стада я пас, почтеннейший,
Тому назад дней тридцать приблизительно,
И я нашел – он брошен был! – ребеночка,
И ожерелье с ним, а также разные
Безделки.

(Рассказ Дава Смикрину из «Третьейского суда», 77 с.)

Даже по этому небольшому отрывку видно, что Г.Ф.Церетели не только переделывал александрийские стихи на триметры, а заново переработал свой перевод, доведя его до еще большего совершенства. ...

Переходя к другой работе Г.Ф.Церетели, которая была издана дважды – в Тбилиси в 1929 и в Москве в 1938 гг., я должен сказать, что для суждения об этой работе – переводе мимиямбов Герода, можно, строго говоря, пользоваться лишь первым ее изданием, так как второе вышло, как указано на титульном листе, под редакцией Б.В.Горнунга и без имени автора перевода. Заглавие этой книги составлено так, что читатель, незнакомый с изданием 1929, никак не догадается, что это перевод Церетели: «Герод Мимиямбы. Перевод с древнегреческого, редакция и предисловие Б. Горнунга».

Что перевод Церетели, вышедший в 1938 г., подвергся редактированию, это несомненно, но какие изменения, сравнительно с изданием 1929 г., внесены Горнунгом, а какие принадлежат самому Церетели, мне установить не удалось. Существенное отличие последнего издания от первого, что в 1938 г. помещены не восемь, а только семь мимиямбов.

Опять я начну со стихотворного размера, которым написаны и переведены мимиямбы Герода, приведя слова самого Григория Филимоновича из предисловия: «Я перевел Герода размером подлинника, так называемым холиямбом (т. е. хромым ямбом), или иначе, ямбическим триметром, в котором удлинена предпоследняя слог. Хотя по-русски этого удлинения надлежащим образом передать нельзя, я полагаю все-таки, что приблизительную передачу подобного перебора в конце стиха воспроизвести можно, при условии, если предпоследнее слово будет иметь ударение на своем конечном, а последнее на своем первом слоге, или же, если слово, кончающее стих, будет по положению состоять из ямба и трохея:

Он разорил меня дотла игрой вечной;
Подумать я б могла, что гусь загопочет.

Другое дело, насколько красив этот размер. Но ни Гиппонакт, его «изобретатель», ни Герод, последователь Гиппонакта, и не имели в виду красоты. Они стремились к другому: как можно ближе подвести стихотворный размер к обыденной речи, подвести так, чтобы получилось нечто среднее между поэзией и настоящей прозой. Конечно, без труда можно было заменить холиямб обычным русским «белым» стихом, или же подлинным греческим ямбическим триметром. Но я намеренно не сделал этого, так как считал, что при подобной замене стих Герода утратит присущую ему терпкость и прозаичность. О том, правильно ли я поступил, судить не берусь. Пусть судит об этом читатель!»

И читатели, а тем более переводчики холиямбов, оценили этот своеобразный размер, став непременно им пользоваться при переводе как греческих, так и латинских холиямбов. В настоящее время вышел перевод басен Бабрия, отлично исполненный этим «хромым» стихом.

Хромой ямб Герода и Гиппонакта (несколько отрывков из которого также перевел Г.Ф.Церетели) до известной степени однороден знаменитым анапестам, отрывок из которых помещен эпиграфом к «Пиковой даме» Пушкина:

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули – бог их прости! –
От пятидесяти
На сто...

Надо, однако, иметь ввиду, что в таких анапестах, где за четырьмя анапестическими стопами должно непременно следовать одно трохеическое слово (или же такое тесное словосочетание, как «на сто»), перебой ритма звучит гораздо более резко, чем в греческом холиямбе. Холиямб греков, в силу фонетических и ритмических законов греческого языка отнюдь не должен непременно заканчиваться на одно двусложное трохеическое слово, или на сочетание двух односложных слов с ударением на первом из них. Иное дело в передаче холиямба средствами русского стихосложения: тут перебой ритма может быть вполне ясно выражен только в первом из указанных Церетели вариантов. Поэтому и наши поэты-переводчики, за исключением самого Церетели, при переводах холиямбов не пользуются вторым вариантом, и даже такие стихи, как:

Блеснет надежда на коварные деньги
Или

Обычно лижет; сам же как полунечу...
(Персий. Пролог. Пер. Ф. Петровского) –
являются для них редчайшими исключениями.

Но Григорий Филимонович Церетели относился к строению русского холиямба отнюдь не так строго. Должен сказать, что и я, хотя сам и налагал на себя гораздо более тесные узы при переводе холиямбов Марциала, не могу не сознаться, что холиямбы Г.Ф.Церетели звучат, на мой взгляд, гораздо живее, чем те, в которых постоянно резко подчеркивается перебой ритма. Надо лишь искусно произносить стихи перевода Герода, и впечатление особого перебойного ритма отлично получится. Для примера приведу начало второго мимиямба:

Вам, судьи, дела нет до нашего званья,
И до того, как говорят о нас люди,
И что вот он, – Фалес, владеет ладью,
Талантов в пять, а я – почти что без хлеба.

Вопрос совсем в ином: удастся ль Фалесу,
Обидев Баттара, верх одержать в тяжбе?
На вас надеюсь я: он горько бы плакал,
Будь он мне земляком, коль мне в земле отчег
Обиду бы нанес! Но здесь мы с ним оба, –
Здесь в городе, любви себе не стяжали...

Но Церетели с присущим ему чувством меры довольно редко допускал замены на предпоследней стопе ямба пиррихием, и поэтому особенности и своеобразие хромого ямба в его переводе в целом не нарушаются.

Что же касается передачи содержания комедий Менандра и мимий-ямбов Герода, характеров действующих лиц, особенностей их речи, то тут Г.Ф.Церетели тоже проявляет себя замечательным мастером. И если про Менандра было сказано «О Менандр, и Жизнь, кто из вас кому подражал?», то про переводы Церетели можно сказать: «Что же ближе к подлиннику, оригинал или перевод?» Я отнюдь не преувеличиваю значение Григория Филимоновича как переводчика. Ведь и И.И.Толстой и Б.В.Варнеке, оценивая работу Г.Ф.Церетели, не писали своих рецензий, стараясь его возвеличить, а подходили к его трудам как строгие критики, а Б.В.Варнеке даже был его соперником в исследованиях комедий Менандра. Если же сравнить перевод Менандра «Третьейского суда», сделанный Адрианом Пиотровским, с переводом той же комедии Г.Ф.Церетели, то превосходство перевода Церетели становится совершенно очевидно: оно видно и в целом, и в отдельных выражениях, которые в переводе Пиотровского в сравнении с переводом Церетели представляются очень неуклюжими, например, у Пиотровского:

Почтеннейший!
Досуга малость подари, пожалуйста!

У Церетели:
Почтеннейший!
Минутку удели ты нам, пожалуйста!

Не стоило переводить «Третьейский суд» после Церетели!

Твердо держась того мнения, что переводчик должен как можно точнее и ближе передавать оригинал, Г.Ф.Церетели осуществлял это правило в своих переводах. Это прекрасно видно и в тех переводах, о которых мы уже говорили, а также и в его переводах «Од» Горация, помещенных в издании 1936 г.

«Оды» Горация переводили много раз, и всегда перевод их размером подлинника представлял исключительные трудности. Во-первых, лишь немногие лирические размеры Горация прижились в русских стихах, и поэтому нелегко воспринимаются нами, из-за своей непривычности, а,

во-вторых, синтаксическое построение их далеко не просто. Поэтому читатели часто жалуются на то, что у нас нет до сих пор вполне удовлетворительных переводов лирики Горация. Но дело тут, в сущности, не в переводах (есть среди них и плохие, и хорошие), а в самом Горации, который постоянно как бы закручивает выражение своих мыслей и сознательно заключает их в запутанную синтаксическую сеть, распутать которую, наверное, порой было трудно и самим римлянам. Будь Гораций поэтом посредственным, не стоило бы, пожалуй, и трудиться над расшифровкой иных его строк – *si non vis intellegi – non debes legi*, – но ведь это поэт первоклассный. И вот Г.Ф.Церетели, переведивший его оды, насколько мне известно, далеко не в благоприятной обстановке, справился и с этой задачей. Текст перевода Горация во всех 33-х одах, помещенных в упомянутом издании, отлично передает оригинал, причем эта передача не формально точная, а точная по существу. Вот для доказательства этого перевод одной из од книги 3-ей (ода 12):

Дева бедная не может ни Амуру дать простора,
Ни вином прогнать кручину, но должна бояться дяди
Всебичующих упреков.
От тебя, о Небула, прочь уносят шерсть и прялку
Трудолюбницы Минервы – сын блестящий Кифереи
И блестящий Гебр Липарский,
Лишь увидишь, как смывает масло с плеч он в водах Тибра,
Конник, что Беллерофонта краше, ни в бою кулачном
Не осиленный, ни в беге.
В ланей по полю бегущих целым стадом, он умеет
Дрот метнуть и, быстр в движеньи, вепря, что таится в чаще,
На рогатину взять смело.

Многообразие таланта Г.Ф.Церетели ярко проявляется в переводах, помещенных в приложении к его «Истории греческой литературы». Здесь и гексаметры, и элегический дистих, и ямбы, и мелика, и хорика. Я не останавливаюсь на разборе этих переводов, хорошо многим известных, а приведу только два-три примера:

Я в тебя яблоко кинул... Коль любишь меня без притворства,
Яблоко это приняв, девство отдай мне свое.
Если ж колеблешься ты – чего да не будет! – то взявши
Яблоко, ты рассуди, сколь мимолетна краса!
(Платон)

На бедрах носят кони
Тавро, огня помету,

Парфян же распознаешь
Ты сразу по тиарам.
А я, взглянув, немедля
Влюбленных различаю:
У них в душе таится
Помета страсти нежной!
(из Анакреонта)

За слова свои, за песни,
Всем я буду вечно близок:
Я умею петь приятно,
Говорить умею складно.
Анакреонт)

Какими же путями подходил Г.Ф.Церетели к осуществлению своих задач в области поэтического перевода? Я уже говорил, что он требовал 1) точности и близости перевода к оригиналу и 2) соблюдения метрических особенностей подлинника. Надо сказать, что сам Г.Ф.Церетели признавал, что в иных случаях эти требования не совместимы (вспомним сказанное им о переводе Аморгского), но чем больше занимался он стихотворными переводами, тем все увереннее отстаивал принцип эквиметрического перевода, так что в конце концов всегда добивался осуществления обоих своих требований. О метрической стороне переводов Церетели сказано уже достаточно; постараюсь теперь вкратце наметить те пути, какими шел он, добиваясь близости к оригиналу со стороны смысла и содержания. Материал для выяснения этого дают его введения и комментарии, которыми он неизменно снабжал свои переводы.

Прежде, чем приступить к переводу, Г.Ф.Церетели самым тщательным образом изучал оригинал, начиная с правильного установления текста подлинника. А так как тексты основных его оригиналов (комедий Менандра и мимиямбов Герода) дошли до нас в далеко не совершенном состоянии, то легко можно себе представить, какой труд был положен на изучение папирусного текста и, наконец, нахождение наиболее близких слов и выражений на языке перевода к тем, какие стоят в оригинале. Вот здесь необходимо было обладать тончайшим чутьем и вкусом, чтобы 1) не умертвить перевод, сделав его дословным, но, по существу дела неверным и непонятным, а 2) не исказить его какими-нибудь невыносимыми для оригинала русскими идиомами или словами, не передающими оттенков мысли оригинала. Так, например, греческое *τί σὺ θεός πρός ἀνθρώπους*, никак нельзя было передавать нашим «как снег на голову» или даже «как с неба свалился». Поэтому Г.Ф.Церетели передает это греческое поговорное выражение «Совсем как бог к людям явилась ты», что и в русском языке звучит как поговорка, хотя такой поговорки у нас и нет.

Или ῥάλλεις τὸν δίφρον. Г.Ф.Церетели предпочитает более далекое по словам, но ближе передающее при данном контексте: «Ну, для чего сиднем сидишь, бедняжечка». Здесь хотя и совершенно русская идиома, но полностью в стиле подлинника. Или, как удивительно равноценно оригиналу, «он мухи не тронет» вместо дословного – «даже соломинки с земли не сдвинет».

Но в тех случаях, когда найти подходящее русское выражение оказывалось невозможным, не исказив оригинала, Г.Ф.Церетели предпочитал точно перевести оригинал, дав, однако, непременно объяснение его в примечании. Но и в таких случаях его перевод не теряет естественности и живости. Так, торопя учеников (в 3-ем мимиямбе Герода), учитель Ламприск кричит им: «Ну, поднять его живо. На плечи! Или ждать луны Акесея вы будете?».

Тщательно следит Г.Ф.Церетели и за передачей особенностей речи отдельных лиц. Это хорошо видно, например, при сравнении языка храмового служителя с болтовней кумушек в 4-м мимиямбе Герода, да и самой этой болтовни или окрика служанке в сравнении со словами Кинны, обращенными к богу Асклепию.

Скажу еще немного о том, с каким вниманием относился Г.Ф.Церетели к тем замечаниям, какие ему делали по его переводам. Будучи сам прекрасным редактором чужих работ, он был всегда и настоящим помощником переводчику, а когда высказывались критические замечания относительно его собственных переводов, относился к ним с исключительным вниманием и интересом, нередко изменяя текст своих переводов в соответствии с этими замечаниями.

Г.Ф.Церетели был не только замечательным ученым. Он был истинным поэтом в самом высоком значении этого слова. А какой искренней скромностью он отличался! И это вовсе не было «смирением паче гордости», это была скромность настоящего ученого и художника, которую он и выразил так:

Древней Эллады создання, под холодом северной ночи
Вы, что привыкли к теплу, сжали свои лепестки.
С трепетом к вам подхожу, аромат ваш вдыхая священный:
В Гиперборейской стране я стосковался по вас.
Дайте же мне насладиться игрою полуденной жизни:
В вас под налетом веков все еще дышит она!

ЮРИЙ ВАДИМОВИЧ ШАНИН

Юрий Вадимович Шанин (11 июня 1930, Киев – 8 июня 2005, Киев) – филолог-классик.

В 1953 г. Ю.В.Шанин получил диплом Киевского государственного университета имени Т.Г.Шевченко. В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Агонистика в древнегреческой поэзии». В 1970 г. стал доцентом кафедры классической филологии и общего языкознания КГУ имени

Т.Г.Шевченко, где вместе с профессором А.А.Белецким активно участвовал в становлении традиций классического образования в стенах КГУ.

В 1978 г. Ю.В.Шанин переходит в Киевский медицинский институт имени А.А.Богомольца (где он работал после окончания университета) и возглавил кафедру латинского языка.

Он написал и опубликовал более 500 научных и научно-популярных работ, среди которых «Герои античных стадионов», «Олимпийские игры в поэзии эллинов», «Мифы и люди Олимпии», «Олимпия. История античного атлетизма», «Не уставайте слушать стариков» (автобиографическая повесть в 2 книгах), «Русско-украинско-латинский словарь медицинских терминов», «Толковый стоматологический словарь» в 3-х томах.

Искромётный юморист, создатель афоризмов и поэтических пародий, он много лет работал в «Литературной газете», журнале «Вопросы литературы», газете «Киевские ведомости». Возглавлял страницу в Киевской медицинской газете «Крокодил в белом халате».

Публикуем отрывок из автобиографической повести Ю.В.Шанина – воспоминания об Андрее Андреевиче Белецком.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕЛЕЦКИЙ

Белецкий Андрей Александрович (12 августа 1911, Харьков – 10 апреля 1995, Киев) – филолог-классик, профессор.

Окончил филологический факультет Киевского университета по специальности «классическая филология». Во время войны работал на кафедре классиче-

ской филологии Томского университета. В 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию «Номинальная композиция в древнегреческом языке»; в 1950 г., после возвращения в Киев, защищает докторскую диссертацию «Принципы этимологических исследований».

Более 30 лет возглавлял кафедру классической филологии и общего языковедения Киевского университета. С начала 1980-х гг. там же возглавил кафедру романской филологии. На протяжении многих лет был вице-президентом Общества дружбы «СССР – Греция».

Перевел на украинский язык «Историю» Геродота с исчерпывающими комментариями и примечаниями. Кроме этого, переводил Гомера, Эзопа, Анакреонта, Фукидида, Горация, Вергилия.

Автор фундаментальных исследований: «Говоры греков на территории бывшего СССР», «Этимологические этюды», «Мифология народов Дальнего Востока» и др.

Он был моим главным Учителем и Наставником²³. Учителя не стареют. По крайней мере, в нашем представлении. И вероятно, не я открыл сей оптико-психологический феномен.

Так было и с моим Учителем – языковедом космического масштаба профессором Андреем Александровичем Белецким.

...В течение 1990-1994 гг. я довольно регулярно приезжал к нему в Бучу. Он сидел за рабочим столом или шел мне навстречу, тяжело опираясь на деревянный посох. Эта могучая палка казалась творением Сергея Коненкова (хотя происхождение ее было более скромным). И Учитель казался мне таким же, как и в 1948 г., когда я увидел его впервые.

При всей феноменальной необозримости филологических (и не только филологических) знаний Андрей Александрович общался с нами, первокурсниками, как с равными, как с коллегами. Не помню, чтобы он хоть с кем-то из нас говорил пренебрежительно, снисходительно или просто раздраженно. Хотя далеко не все мы были идеальными студентами (включая и автора этих строк).

Андрей Александрович был и добрым, и доброжелательным. Оценивал наши знания самое меньшее – на «хорошо». «Тройка» – исключительный раритет. «Двоек» не ставил никогда.

Что ж, как очень метко заметил один наш умный современник, «гении часто переоценивают возможности своих коллег». А в гениальности Андрея Александровича сегодня у разумных людей уже нет сомнений.

Врожденная интеллигентность органично и гармонично сочеталась в этом человеке с бесстрашием и твердостью, когда шла речь о научных и моральных принципах. Например, когда в языкознании царила «тео-

²³ Отрывок из книги Ю.В.Шанина «Не уставайте слушать стариков. Воспоминания пожилого киевлянина». Киев, 2000, С. 108–118.

рия четырех элементов» и «новое учение о языке» академика Марра, Андрей Александрович (тогда еще – сравнительно молодой ученый) осмеливался не соглашаться со всемогущим языковедом. И было это в конце 40 и начале 50-х гг. ...

Сотни ученых благодарны Андрею Александровичу как Учителю и как научному руководителю. Но немало диссертаций он отказался взять «под свое крыло», если ощущал профессиональную некомпетентность или напыщенную беспомощность автора. Как-то он отказался рекомендовать к защите работу, несмотря на сильное давление «сверху» (шла речь о директивной просьбе из отдела науки ЦК КПУ). А на одном роскошно изданном томе Андрей Александрович красным карандашом начертил: «Книга дышит здоровым невежеством». Да, кроме всего прочего, он был еще и мастером дефиниций.

Масштабы его знаний были поразительны: древнегреческий, новогреческий, санскрит, латынь, арабский, иврит, почти все современные европейские языки. И не только языки.

...Вечером 31 декабря 1994 года я приехал в Бучу, чтобы вместе с Учителем встретить 1995-й. Андрей Александрович предавался воспоминаниям: рассказал, например, о своих визитах к Максимилиану Волошину в Коктебель.

Время от времени, извинившись, поднимался из-за новогоднего стола и уходил в рабочий кабинет. Таких «рейсов» в тот вечер совершил пять или шесть. А уже после того, как мы благополучно встретили Новый год, неожиданно прочел нам только что созданное, еще «тепленькое» эссе – «Грань сознательного и подсознательного в “Незнакомке” Александра Блока». А за несколько месяцев до этого написал интереснейшие работы «Слова и числа в поэзии Николая Гумилева» и «”Silentium” Осипа Мандельштама».

С большим уважением и профессиональным вниманием относились к его работам не только филологи, но и археологи, биологи, историки, философы, математики...

Нашу кафедру классической филологии КГУ Андрей Александрович вел более 30-ти лет. А с начала 80-х гг. там же возглавил кафедру романской филологии. Думаю, если бы понадобилось, мог бы заведовать и кафедрой арабистики или, предположим, германистики.

Андрей Александрович родился 12 августа 1911 г. в Харькове – в семье учителей. Отец его, со временем академик, Александр Иванович Белецкий был литературоведом, известным далеко за пределами Украины. Сын избрал языковедение. Он был филологом милостью Божией...

Во время одного из визитов в уже упомянутый домик в Буче (профессор на пенсии прожил тут последние семь лет: здесь принимал коллег, зарубежных гостей, представителей издательств и, конечно, друзей)

на его рабочем столе я увидел «Русско-ивритский словарь» и монографию «Спорные вопросы грамматики современного китайского языка». Учитель сокрушенно сказал: «Что-то стал подзабывать японский и венгерский...»

Память до самого последнего дня имел прекрасную. Буквально «километрами» мог читать наизусть величественные строки Гомера или Еврипида, сцены из пьес Лопе де Вега, целые страницы санскритских и арабских текстов...

А в юности Андрей Александрович больше всего увлекался астрономией, географией, биологией. И лишь поздней занялся историей и литературой античного мира и древними языками. Немало занимался литературными переводами. Ему принадлежат первые переводы на украинский язык нескольких романов Жюль Верна и Вальтера Скотта. Профессор Андрей Белецкий подарил украинскому читателю многие произведения античных авторов – Гомера, Эзопа, Анакреонта, Архилоха, Фукидида, Горация, Вергилия...

Прекрасно рисовал. Иногда вырезал из дерева экзотические фигурки, умело их стилизуя. Потом – дарил друзьям. Одну из них старый знакомый неожиданно увидел в ...Берлинском этнографическом музее. Под скульптуркой стояла подпись: «Деревянное изображение Бога Солнца. Восточная Африка. Вторая половина XVIII столетия». Таковы шутки случая и судьбы. Но автор в сей мистификации не виноват.

На протяжении многих лет был вице-президентом Общества дружбы «СССР – Греция». Неоднократно посещал Грецию и Кипр. Последняя поездка состоялась в 1994 г. Тут он в прямом и переносном смысле почувствовал выражение «носить на руках», ибо в Греции авторитет ученого всегда и неизменно оставался предельно высоким. Ведь, кроме всего прочего, среди гостеприимных хозяев часто случались и его ученики, которых он тактично и последовательно приобщал к родной истории и культуре в стенах Киевского университета. «Нас, греков, он научил любить Грецию!» – сказал мне как-то Димитрис Баколас...

А первая поездка в Грецию состоялась еще в 1955 г. в приятном обществе Ильи Эренбурга и Бориса Полевого. А через три года – «в паре» с Патриархом всея Руси Алексием...

И не случайно, конечно, пожелал встретиться с профессором Белецким замминистра иностранных дел Греции, посетивший Киев в 1994 г. Прислал за Андреем Александровичем машину. Встреча переросла в интервью. Вернувшись домой, грустно сказал: «Что-то не припомню подобного внимания со стороны наших руководителей». Впрочем, это была скорей не грусть, а ирония... Что ж, «нет пророка в своем отечестве» – сказано еще задолго до нас. И не только сказано, а и записано.

Да, владея десятками языков, профессор Белецкий часто не находил общего языка с начальством. И, поверьте, не по своей вине.

...Встретил меня как-то словами: «Устал немного. Чтобы отдохнуть и отвлечься, перевел «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...» на древнегреческий, новогреческий, латынь, арабский, санскрит...А вот на иврит что-то не получилось. Попробую еще раз!»

В течение многих лет Андрей Александрович и его жена Татьяна Николаевна Чернышова (доцент той же кафедры – о ней речь впереди) осуществляли этнографические экспедиции в южные регионы Украины с целью исследования говоров и диалектов греков, живущих в Крыму, Приазовье, Донбассе.

Упорно, догматично и диктатурно осуществляя «стирание граней» между народами, советская власть лишила тех греков письменности. Сие – не фраза и не ораторская фигура. В 30-е годы типографские машины и кассы шрифтов демонтировались и торжественно сбрасывались в море... Как тут не вспомнить разрушение храмов в те же 30-е!

Заслуга возрождения греческой письменности, которая забывалась без материальной основы, и сохранения литературы причерноморских и приазовских греков принадлежит Андрею Александровичу и Татьяне Николаевне. Благодаря им культурному миру теперь известны имена поэтов и прозаиков – украинских и приазовских греков, пишущих на родном языке.

Вместе с самоотверженными супругами в экспедициях принимали участие и студенты. Они же посещали и кафедральный факультатив новогреческого языка. Так было подготовлено несколько десятков неоэллинистов. Лучшие из них работают сейчас преподавателями, переводчиками и сотрудниками дипломатических учреждений. Не могу не назвать самых преданных из них – нынешних профессоров КГУ Нину Клименко и Александра Пономарива (ныне возглавляет Общество дружбы «Украина–Греция») и сотрудника Института языкознания НАНУ Евгения Чернухина.

...Белецкий и Чернышова. Антонимичные фамилии талантливо неутомимой четы Андрей Александрович оригинально (как всегда) отразил в их общем семейном экслибрисе, который воплотил в виде панды (черно-белый бамбуковый медведь).

Да, рисовал профессор Белецкий прекрасно. К одному из его юбилеев в университете была устроена выставка графических работ Андрея Александровича – своеобразные и четкие представления о времени и пространстве. Репродукции некоторых из них были воспроизведены в московской «Неделе» (статья и комментарий к рисункам – Юрия Щербака, который был послом Украины в Америке и Мексике).

Очень любил Учитель держать в руке (или просто иметь перед глазами) что-то весомое, материальное, естественное. На его рабочем столе лежали деревянные и металлические брусочки (служили как пресс-папье), иногда – даже молоток или громадная шишка какого-то малоизвестного экзотического дерева. И обязательно – не только ручки, фломастеры и прекрасно отточенные разнообразными карандаши, а и малые и большие кисти. И на стене – огромная карта Греции и всего Архипелага. И – стеллажи с книгами. Но тут, в Буче их – до обидного мало. И об этом – тоже речь впереди...

В трудной, по-эдиповски трагичной жизни Андрея Александровича было немало прекрасного. Так, ему повезло с учителями. В царстве непосредственной филологии, кроме родителей (от Александра Ивановича – знание латыни и греческого, от Марии Ростиславовны – французского и немецкого языков), ученый многим был обязан известному индологу профессору П.Г.Риттеру, египтологу и профессору-классику В. М. Державину. Поздней, под влиянием акад. Л.А.Булаховского (руководитель его дипломной работы «Типология языков СССР») Андрей Александрович решил специализироваться в сфере сравнительно-исторического языкознания на базе индоевропейских языков. И было это еще в пору студенческую на гуманитарных факультетах харьковских вузов. Тут же начал (без отрыва от учебы) и свою трудовую деятельность: сначала – как библиотечный работник, а затем уже и как педагог.

...Пришла война. В сентябре 1941 г. семья Белецких эвакуировалась в Томск. Как преподаватель латыни, древнегреческого и античной литературы Андрей Александрович работал на кафедре классической филологии Томского университета. Летом 1943 года защитил кандидатскую диссертацию «Номинальная композиция в древнегреческом языке».

Кстати, это была уже вторая, совсем другая диссертация. Первая же, посвященная истории Древнего Египта, во время эвакуации была потеряна. Впрочем, как и авторский интерес к ней.

...Связи с томичами сохранились на всю жизнь. Уже в бытность председателем секции классической филологии Всесоюзного научно-методического совета по высшему филологическому образованию (возглавлял ее 12 лет), Андрей Александрович с особым почтением и любовью относился к Элизе Федоровне Молиной – профессору, образованнейшему лингвисту, которая заведовала кафедрой классической филологии и общего языкознания Томского университета. Ведь именно на этой кафедре Андрей Александрович «в полную силу» начал преподавать дисциплины, ставшие делом всей его жизни...

В 1944 г. он был принят в докторантуру в Москве. Одновременно преподавал новогреческий язык в Высшей дипломатической школе Министерства иностранных дел СССР.

После освобождения Киева семья Белецких переехала в столицу Украины. Тут в 1950 году Андрей Александрович завершает диссертацию и успешно защищает ее в Москве. Через два года выходит его монография «Принципы этимологических исследований».

Руководя кафедрой в КГУ, Андрей Александрович на общественных началах работает в Институте языкознания и в Институте археологии АН УССР.

Но возможность лингвистических публикаций открылась перед ним лишь после знаменитой дискуссии 1950 г., когда был поколеблен незыблемый дотоле авторитет академика Н.Я.Марра. Однако тут – не место для перечисления всех работ А.А.Белецкого. Тем более, что и невозможно перечислить (только перечислить!) все гуманитарные и гуманные интересы этого удивительного человека и многогранного ученого. Лишь за последние годы своей жизни он подготовил фундаментальные исследования: «Топонимика Крыма», «Говоры греков на территории бывшего СССР», «Этимологические этюды», «Мифология народов Дальнего Востока», учебник по языкознанию «Речь о языке» (который читается как приключенческий роман) и многое другое. Пока издана лишь последняя из названных работ. Остальные ждут издателей.

В доме Белецких (сначала на Крещатике, а затем – на Русановке) всегда была открыта дверь для тех, кто нуждался в поддержке и добром слове (не говоря уже о знаниях). Одинаково радушно принимали тут и иностранного дипломата, и робкого студента-первокурсника. Здесь бывали Юнна Мориц, Иван Драч, Юрий Щербак, Виталий Коротич, Мирон Петровский, Вадим Скуратовский и еще многие тогда молодые, имена которых теперь известны всем. И привечали их тут и в самые неласковые дни их жизни – во дни гонений.

Понятно, что начальство не жаловало Андрея Александровича и Татьяну Николаевну: в их жизни было немало «черных периодов». И еще печальней то, что в тяжкие дни коллеги по кафедре не осмеливались поддержать, защитить своих наставников. Но супруги не сдавались, не отступили ни разу.

Грустно и трагично и другое. Как верно заметил однажды Вадим Скуратовский, «Андрей Александрович Белецкий, гениальный лингвист и глобальный ученый, современным обществом оказался востребован, в лучшем случае, лишь наполовину».

...В один из самых нелегких периодов своей жизни Андрей Александрович предложил Киевскому университету купить его личную библиотеку. Реакции не последовало. Тогда он предложил библиотеку в дар родному вузу. В ответ – молчание. И тогда профессор обратился с этим предложением к грузинским коллегам.

Через некоторое время из Тбилисского университета приехали библиографы и с благодарностью приобрели уникальное собрание. И тогда у Андрея Александровича возникла реальная возможность купить домик в Буче...

Именно тут завершил он перевод на украинский язык «Историй» Геродота, снабдив бессмертный труд «отца истории» предисловием, исчерпывающими комментариями и примечаниями. А в самые трудные минуты Андрею Александровичу помогало прирожденное чувство юмора гармоничного интеллектуала.

Семье Белецких, к сожалению, пришлось вдосталь общаться с медиками. Как-то обратились даже к модному экстрасенсу. Но, увы, не помог...

После очередной бесполезной встречи Андрей Александрович горько усмехнулся и сказал: «Ну разве это экстрасенс? Нет, это какой-то экстрансенс!...». В конце 40 и начале 50-х гг. абсолютно от всех студентов-филологов требовали обязательных знаний по «военному переводу». И когда декан факультета обратился однажды к профессору с вопросом, занимаются ли студенты-классики военным переводом, Андрей Александрович, имитируя полную серьезность, ответил: «А как же! Как раз сейчас они переводят «Записки о галльской войне» Гая Юлия Цезаря». И декан был удовлетворен.

В период, когда в университете развернулась кампания борьбы «за каждую учебную секунду», Андрей Александрович однажды немного задержался в Академии наук. И был встречен у аудитории проректором, строго вопросившим: «Как же это Вы так, уважаемый профессор, опоздали на целых четыре минуты?!» Андрей Александрович в шутовском отчаянии развел руками и сказал: «Помилуйте, как я могу опоздать на свою собственную лекцию?! Когда я прихожу, тогда она и начинается!»

...Вечером 10 апреля 1995 г. профессор, как всегда, направился в кабинет, чтобы сделать традиционные дневниковые записи. Но не дошел до стола. Смерть наступила почти мгновенно.

...Остались десятки школьных тетрадей, исписанных его рукой: непревзойденно-каллиграфический почерк ученого, такой же неповторимый, как и он сам. Да, все редакции спокойно принимали его рукописи (именно рукописи), не требуя машинописного варианта, ибо это были современные манускрипты в самом высоком значении.

Вспомнился еще и такой эпизод. Волею Судьбы, а точнее – подчиняясь служебным интересам мужа-предпринимателя, оказалась в Киеве наша зарубежная коллега Патрисия Амабель Сакони – испанка итальянского происхождения, живущая в Аргентине. Написав диссертационную работу по идиллиям Феокрита (вспомните Евгения Онегина, который «брал Гомера, Феокрита...»), Патрисия решила защищаться в Киевском университете. И я был приглашен одним из оппонентов. Молодая испан-

ка высказала пожелание, чтобы ее диссертацию прочел Андрей Александрович. И, если сможет, выступил на защите. Но ни желания, ни сил ехать в Киев Учитель не имел. И даже на просьбу Патрисии – разрешить ей приехать в Бучу для беседы – сперва ответил отрицательно, мотивируя свой отказ тем, что, мол, давно уже не говорил по-испански. А изъясняться с гостьей на чужом для нее языке (немецком или английском, предположим) считал просто неприличным...

Пришлось мне мобилизовать все свои дипломатические способности. И в конце концов Андрей Александрович согласился, после того, как я напомнил профессору, что, между прочим, его первая научная публикация (еще в 1935 году!) была посвящена творчеству Лопе де Вега.

И в условленный день мы сели в машину (Патрисия, переводчица из Интуриста, профессор Ф.А.Никитина и я) и муж диссертантки повез нас в Бучу.

Первые минут десять «обе высокие разговаривающие стороны» чувствовали себя немного скованно. Однако разумные речи и приятная внешность диссертантки вскоре сделали свое дело. Андрей Александрович ожил, оттаял и заговорил на языке Сервантеса и Веласкеса, с каждой минутой все более воодушевляясь. А когда он на память стал читать целые сцены из Fuente Ovejuna («Овечий источник») Лопе де Вега, Патрисия вдруг упала на колени и, молитвенно воздев руки и с обожанием глядя на Учителя, воскликнула: «Потрясающе! Даже у нас, в Аргентине, никто так прекрасно не говорит по-испански!» А потом Андрей Александрович дал «добро» на защиту, написав лаконичный отзыв.

...В последние годы – полуслепой и полуглухой (очень неохотно порой все же пользовался слуховым аппаратом), Андрей Александрович Белецкий видел и слышал все гораздо лучше, чем тысячи его абсолютно здоровых современников. Ибо не только видел и слышал, но и прекрасно понимал. И не терял веры в жизнь, которую очень любил. Несмотря на всю неустроенность и жестокость этой самой жизни. И как-то не получается думать об Андрее Александровиче в прошедшем времени. И высочайшее счастье – иметь такого Учителя. Который остается Учителем навсегда.

ЫАНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОДОМОРА

Содомора Андрей Александрович – филолог-классик, кандидат филологических наук, профессор, переводчик, писатель, член Национального союза писателей Украины, лауреат литературной премии им. М.Рыльского. Отдельными книгами вышли его переводы на украинский язык преимущественно поэтических произведений древнегреческих, римских, а также латиноязычных авторов нового времени: Эхила (1990), Софокла (1989), Еврипида (1993), Аристофана (1980), Менандра (1962), Лукреция (1988), Горация (1982), Овидия («Метаморфозы», 1985; «Елегии», 1999), Сенеки (1996), Боэция (2002), Катона (2009), Галла, Овидия, Проперция, Тибулла («Римская элегия», 2009), песен вагантов (2007), Н.Бидло «Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре» (1979), и др.

Автор оригинальных произведений. В жанре новеллы и повести: «Сивий вітер» (2002), «Сльози речей» (2010). В жанре эссе, романа-мозаики, литературного портрета: «Жива античність» (1983, 2003, 2009), «Наодинці зі словом» (1999), «Під чужою тінню» (2000), «Лініями долі» (2003), «Студії одного вірша» (2006), «Аппо Дотіні» (2008). Поэтические произведения: «Наодинці зі Львовом» (2005), «Пригорща хвилин» (2007).

Публикуем статью А.А.Содомора об Иосифе Устимовиче Кобове, специально переработанную автором для настоящего издания.

ИОСИП УСТИМОВИЧ КОБОВ

Иосип Устимович Кобов (10 января 1910, Львов – 22 ноября 2001, Львов).

В 1929–1934 гг. – студент отделения классической филологии Львовского университета. Получив диплом магистра, работал профессором латинского языка в Перемышлянской гимназии на Львовщине. С 1945 г. начал работать во Львовском университете преподавателем кафедры классической филологии, затем старшим преподавателем, а с 1953 г. – доцент кафедры. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию «Учение античных грамматиков о надежах». В 1958–1966 гг. – заведующий кафедрой классической филологии. Был первым редактором респу-

бликанского межведомственного сборника «Вопросы классической филологии». В 70-х гг. написал докторскую диссертацию «Система грамматических понятий и терминов древнегреческого учения о языке» и опубликовал ее автореферат. Но вследствие организованной коммунистическим режимом в 1973 г. широкомасштабной акции преследования творческой интеллигенции на Украине, в частности, во Львовском университете, к защите не был допущен и уволен с работы. И только в 1991 г. после приобретения Украиной независимости был восстановлен на работе в университете, где проработал до выхода на пенсию (1996). В 1992 г. был избран действительным членом Научного общества им. Т.Шевченко, а в 1993 г. ему было присуждено ученое звание профессора.

Иосип Кобов – автор многочисленных статей по вопросам классической филологии, в частности, античной теории языка, опубликованных в украинских и зарубежных научных журналах, предисловий к переводам произведений античных писателей, авторов средневековой латыни и неолатинистики, соавтор учебника латинского языка для медучилищ. Известен как переводчик с классических языков, лауреат переводческой премии им. Максима Рыльского Союза писателей Украины за 1993 г. Ему принадлежат переводы «Поэтики» Аристотеля, речей Демосфена, Цицерона, «Повести о Херее и Каллирое» Харитона, «Метаморфоз, или Золотого осла» Апулея, «Сатирикона» Петрония, «Писем темных людей», «Утопии» Т. Мора и «Города солнца» Т. Кампанеллы, «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, «Диалогов» Платона и других произведений. В последние годы жизни перевел с латинского языка ряд канонических произведений, среди которых «Кодекс Канонов Восточных Церквей» – колоссальный труд объемом более 800 страниц.

«ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ»: КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИКИ И ЖИЗНИ (штрихи к портрету Иосипа Кова)

Лишь только вспомню Иосипа Устимовича, сразу же будто вижу его, и в то же время – слышу: «До-о-обрий де-е-нь!»²⁴ – скорее пропеваает, чем проговаривает. В руке – высоко поднятая над головой старенькая шляпа (в ней – даже в трескучие морозы). И кого бы не встретил, то ли уборщицу, то ли профессора, – такое же, нараспев, приветствие, на ту же высоту поднятая шляпа: «До-о-обрий де-е-нь!» («Saluta libenter», – вспоминаем наставление Эразма, выдающегося античника новых времен). Далее – «пожатие» руки: Иосип Устимович своеобразно пожимал руку: просто держал ее в своей руке, как-то мягко держал, не выпуская даже во время разговора (впрочем, долог ли разговор при случайной встрече?..). Когда же выдавалось несколько свободных минут, то из пространства настоящего времени непременно делал шаг в прошлое: «А знаєте, що тут було раніше?» – кивал головой на какое-нибудь примечательное своей архитектурой здание (знания-

---

²⁴ Некоторые фразы для сохранения колорита приводятся на украинском языке.

ми старого Львова удивлял даже профессиональных историков). Но относительно одного здания это «що тут було раніше» наполнялось для Иосипа Устимовича особым смыслом. Это – Львовский университет, носящий имя Ивана Франко. Здесь, постигая классическую филологию (1929 – 1934), Иосип Устимович шагнул в пространство уже не ближайшего, а далекого прошлого, вне которого себя не мыслил.

Как-то, лет десять тому назад, собирая материал для литературного портрета Иосипа Устимовича, я зашел к его другу еще с университетской скамьи – львовскому библиографу Александру Кизлыку. В тихой, опрятной комнатенке, где особо чтили книгу, улавливалось веяние античности (хозяин и хозяйка, ласковые и гостеприимные, напоминали Филемона и Бавкиду из Овидиевых «Метаморфоз»), ощущалась атмосфера университетской молодости пана Александра. Радуюсь возможности выговориться (к старику редко навевались гости), собеседник так и сыпал фамилиями, датами, названиями трудов и дисциплин: Ежи Мантойфель, из курляндской шляхты, – папирология; Тадеуш Зелинский, умер в Баварии... Ежи Курилович, по отцу – украинец, по материнской линии – поляк... Константы Хилинский – историк Древнего Востока... Доцент Францишек Смолька – папирология, история Египта... Написал статью по экономике Египта. А профессор Рышард Ганшинец (его отец – шахтер), прочитав изложенное, сказал: «Все хорошо, только списано с работы профессора Ростовцева...»

Дождавшись момента, я деликатно напомнил Александру Даниловичу о своем интересе к университетским студиям Иосипа Кобова. И вот рассказ уже в новом русле: «Это был человек утемперированный, симпатичный тем, что у него не было популистских замашек; спокойный, правдивый, дело свое знал отменно... Вместе с Кобовым я посещал греческий семинар, которым руководил профессор Станислав Витковский. Читали, между прочим, «Лисистрату». Витковский спрашивал, а Кобив всегда давал точные и исчерпывающие ответы... А познакомился я с ним в 30-м г. при таких обстоятельствах: он потерял свой индекс (зачетную книжку), а я нашел и вернул ему. Так мы подружались... У него была отличная гимназиальная подготовка. Посещал Четвертую польскую гимназию имени Яна Длугоша. В этом ему очень повезло. Там политики было меньше, науки – больше. Ян Щепанский преподавал латынь... Станислав Пильх... Николай Щербанский (украинец – Щербанюк)... Это была действительно классическая гимназия. Ее закончил Ян Парандовский, автор «Алхимии слова», «Мифологии»...».

Я смотрел на густую серебристо-белую шевелюру Александра Даниловича и едва успевал схватывать имена, комментарии, оценки. Даже усомнился в правоте Вергилиевых слов: «Omnia fers, aetas, animum quoque...» Но хоть и остается память о людях, к сожалению, развеива-

ется атмосфера, которую они создавали вокруг себя, – как и та, которую ощутил, к которой, кажется, прикоснулся (не зря же говорят о психической ауре, оседающей на вещах) в радушной комнатенке Александра Даниловича... Позже я неоднократно вспоминал, да и теперь вспоминаю, разговор с седоголовым библиографом. «Это был человек утёмперированный...», – чаще всего всплывают в памяти именно эти слова, в которых – самый выразительный штрих к портрету Иосипа Устимовича. Эта «утёмперированность», из которой прорастают все другие добродетели, *virtutes*, – не что иное, как «...умение человека соизмерять все свои действия с законами природы» (из латиноязычного учебника философии, изданного в Московском университете в начале XIX в.). Тут-то и вспоминаем Сенеку: «Того порядка, что в природе, мы изменить не можем, но можем в себе воспитать достойную безупречного человека силу духа, что поможет нам мужественно претерпеть все случайное, пребывая в согласии с природой». И еще, того же философа: «Разве есть что-то такое, чего не смог бы преодолеть упорный труд и напряженное, усердное старание?»... «Не для современников – для грядущих поколений работаю», – сознавался автор «Моральных писем к Луцилию». А ведь правда: воспитанники гимназии, представители старой школы, чертами характера, принципами своей жизни доказывали истинность слов выдающегося римского стоика, сконденсированных в известной сентенции: «*Vivere est militare*».

Иосип Устимович, тот, которого я знаю не из рассказов, – идеальный пример человека действия. «*Vita activa*» – образ его жизни. Был человеком, которого выбрали шестидесятые годы – время короткой «оттепели». Теплые дуновения почувствовал и Львовский университет, пребывавший под особым прицелом соответствующих органов. Тут пора бы и мне, подобно Александру Даниловичу, рассыпаться именами, фактами, комментариями. Но вспомнить всех близких и далеких филологов, с которыми Иосип Устимович общался непосредственно или письменно, особенно в годы своего руководства кафедрой классической филологии (1958–1966), едва ли возможно. Разве что – перечислить направления его деятельности, но и тут сказать с уверенностью, какое из них больше всего приходилось ему по душе, было бы рискованно: преподавательское? методическое? научное? организаторское? переводческое?.. Не ошибется лишь тот, кто скажет: все эти направления соприкасались и взаимодополняли друг друга.

Аудитория, кабинет заведующего, письменный стол, научная библиотека... Да в каких бы ситуациях ни представить себе Иосипа Устимовича – в действии он или весь в книге – правдивыми будут слова: *homo inter homines*. Постоянно находился в кругу людей – и среди тех, с кем общался в реальной жизни, и среди тех, с кем беседовал в духовном пространстве –

чьи труды изучал, переводил. Всемирно известный эллинист профессор Соломон Лурье, блестящий знаток классических языков, в частности – греческого, Иван Андрейчук (придерживался эпикурейского принципа «проживи незаметно»), легенда Львовского университета, феноменальной памяти филолог, переводчик Юрий Мушак (со студентами – запросто, на «ты»), переводчик «Энеиды» Михаил Билык («Зевс»), возглавлявший кафедру до Иосипа Устимовича, – вот лишь несколько фамилий тех, кто был, так сказать, «на расстоянии руки».

Но и дальних Иосип Устимович делал близкими: Львовский университет посещали известные филологи – М.С.Грабарь-Пассек, В.Н.Ярхо, А.А.Тахо-Годи, А.В.Урушадзе; неоднократно бывал здесь переводчик Гомера Борис Тэн; декламировал Гомера для университетской аудитории Ираклий Андроников; частым гостем бывал известный ученый-грецист Андрей Белецкий со своей супругой, тоже одаренным филологом, Татьяной Чернышевой и немало других. Местом встреч, пусть даже виртуальных, был и республиканский сборник «Питання класичної філології» (Иосип Кобив, первый редактор сборника, писал на его страницах о своих учителях: С.Витковском, Р.Ганшинце, Е.Ковальском...). А еще – переписка, тоже своеобразные встречи. Если бы на карте бывшего Советского Союза, определив исходным пунктом Львов, провести линии – направления писем, которые рассылал Иосип Устимович, то всю карту испестрили бы линии, достигавшие Камчатки, уходившие за пределы Союза (Германия, Италия, Польша, Румыния, Швейцария...); писал знакомым, коллегам, бывшим выпускникам (никогда никого не забывал); письма поздравительные, деловые, иногда – целые научные исследования... Вижу Иосипа Устимовича в своей скромной (три комнатки и кухня) квартире на улице Черешневой сидящим над письмами. Пишет размашисто, энергично, так что даже перо шуршит по бумаге (любил писать обыкновенным пером, макал его в чернила).

Самое время рассказать еще об одном виде деятельности Иосипа Устимовича – его постоянной помощи всем, кто к нему обращался (преимущественно аспиранты): переписывал в библиотеке целые страницы научных трудов и отправлял каждому, кому недоступна была научная литература, консультировал, собирал библиографию. До сих пор храню исписанную почерком Иосипа Устимовича ученическую тетрадку: конспектировал для меня немецкоязычную статью по поводу интересовавшего меня лагинского причастия на -igus. Помогал, как говорится, и словом, и делом. Так было с выходом в свет переведенной на украинский язык, тогда недавно найденной в песках Египта, комедии Менандра «Угрюмец» (Dyskolos); я перевел ее по совету и под руководством профессора Соломона Лурье сразу же после окончания университета, в начале 60-х. Но с изданием возникли проблемы: нужна была министерская «бу-

мага» из Киева. Поняв, что ее можно и не дожидаться, Иосип Устимович, не теряя времени, отправился к тогдашнему ректору Евгению Константиновичу Лазаренко, который всячески благоприятствовал филологии, поддерживал украинское слово. Он мгновенно понял важность будущей публикации, мгновенно и решение принял, хотя и рискованное, но единственно верное.

Сразу же, в присутствии Иосипа Устимовича, позвонил цензору, в его кабинет на улице Ватутина.

– Если только министерство разрешит, – послышалось в телефонной трубке.

– А если такое решение есть? – и глазом не моргнув, спросил ректор.

– Тогда и визу поставим, – только и осталось ответить цензору.

– Слава, – Евгений Константинович к секретарше, – надо срочно напечатать документ. Пока, изготавливая импровизированное «разрешение», стрекочет «Optima», ректор – уже водителю:

– Вася, бери профессора – и на Ватутина, в обллит. Иосип Устимович прячет «разрешение» в портфель и спешит за Васей.

– Вася! – уже на выходе настигает водителя голос Евгения Константиновича. – Профессора не забудь доставить обратно...

Одним словом, по «Угрюмцу», только что вынырнувшему из песков Египта, так и не ударил цензорский штамп «не разрешено» – он все же вышел в свет в переводе на украинский язык («Відлюдник»), к тому же впервые в Радянському Союзі (так был озаглавлен в газете «Літературна Україна» отзыв Григория Кочура о переводе).

Но пришли, воспользуемся словом изгнанника Овидия, *tempora pubila* – и для Евгения Константиновича, и для Иосипа Устимовича, и для Григория Кочура (да и счесть ли всех, кто искренне послужил родной культуре?)... – зловещие семидесятые, идеологические чистки кадров. За порог университета вынужден был шагнуть и Иосип Устимович. Самый болезненный удар – недопуск к защите докторской диссертации. Два тяжелых тома, более 800 страниц, – как и напечатанный уже автореферат – «Система грамматических понятий и терминов древнегреческого учения о языке», – стали скорбным напоминанием не об одном истраченном на изучение этой темы десятке лет... «Мы все очень ждем именно Вашей защиты. Пожалуйста, Иосип Устимович, обрадуйте нас», – голос из письма А.А.Тахо-Годи (до нее еще не дошли отголоски «чистки»). «Мы все» – это те, с кем львовянин поддерживал деловые дружеские отношения, – плеяда «античников»: Виктор Ярхо, Мария Грабарь-Пассек, Наталья Чистякова, многие другие из разных городов бывшего Союза.

Трудно в это поверить, но на следующий же день после «выхода» на пенсию Иосип Устимович, как обычно, появился в читальном зале библиотеки (сюда заходил чуть ли не ежедневно) и, по обыкновению со

всеми поздоровавшись, принялся изучать заказанную накануне литературу. Библиотека в какой-то мере заменяла аудиторию. Проходя студенческим читальным залом, он действительно никогда не хмурился, не потуплял взор, с интересом смотрел на молодежь. Как только кто-нибудь из выпускников изъявлял желание продолжить учебу, помогал, как и в былые времена: советами, литературой, методологическими указаниями; никто лучше Иосипа Устимовича не мог сориентировать в необозримой библиографии, посвященной античным авторам, – был здесь незаменимым «навигатором».

Продолжал обширнейшую переписку, в частности, с переводчиками, литераторами: Григорием Кочуром, Борисом Тэном, Андреем Белецким, который со своей женой Татьяной Чернышевой всегда поддерживал репрессированных тоталитарным режимом.

Приходит время, и человек нуждается в опоре для тела – посохе. Иосип Устимович, кстати, даже в преклонном возрасте не согнулся (в молодые годы занимался спортом, любил прогулки в горах), да и очки никогда не носил. А вот когда приходят *tempora nubila* – человек нуждается в опоре для души, для духа, дабы он не пошатнулся «*rebus in arduis*».

Такой опорой, многим людям не давшей оскудеть душой или даже упасть духом под ударами судьбы, было Слово. За него держался и Иосип Устимович – за переводное слово. Так держался когда-то Петро Нищинский (Петро Байда), а спустя некоторое время – Борис Тэн, переводя Гомера, Микола Зеров (на Соловках!), переводя «Энеиду», Григорий Кочур, тоже ссыльный (переводил из 25 языков и 30 литератур) – Архилоха, поэта, который впервые призвал к равновесию духа как в счастье, так и в горе; так – гениальный Микола Лукаш (его тоже наказывали власть имущие), будто бы за всех сказавший словами Дамона из Шиллеровой «Поруки»: «Хай знає тиран собі на біду, / Що друга я зроду не підведу...»

Сколько литераторов, столько и разных определений перевода. «Переводим не слово словом, а красоту – красотой», – заметил Клод Гельвеций, вспоминая, очевидно, Горация. («Не пытайся слово переводить тем же словом»). Можно и одним словом сказать: перевод – это «переживание», ведь переводя, мы как бы еще раз живем тем, что написал автор, а пережив – своим языком излагаем все это на бумаге – пере-создаем. Украинские переводчики, галичане старшего поколения (такowymi были исторические условия этого края) плохо владели литературным украинским языком. Кто брался за перевод, должен был совершенствовать знания родного языка. Иосип Устимович и в этом был образцом. В вагоне, помню (ехали мы на конференцию в Полтаву), когда все, как обычно в дороге, беседовали, шутили, он, листая кого-то из украинских писателей (кажется, Павла Загребельного), выписывал в тетрадку слова – пополнял лексический запас родного языка. Именно в эти безутешные «пенсион-

ные» годы – размах переводческой деятельности Иосипа Ковова (таки нет худа без добра). Именно размах: от Аристотеля – до латиноязычных писателей-гуманистов Возрождения (Платон, Геродот, Плутарх, Лукиан, Цицерон, Плиний Старший, Петроний, Апулей, Эразм Роттердамский, Томас Мор, Томмазо Кампанелла). Припоминаю, какие стилистические трудности преодолевал, переводя «Письма темных людей». Не только свои, но и переводы многих других интерпретаторов, оснащал обстоятельными предисловиями, комментариями.

«Генетически Кобив был выходцем из деревни... Был украинцем», – слышен голос Александра Даниловича. Вспоминаю, сколько дало село украинской литературе, искусству в целом («Поэт пахнет землей», – заметил Гете). Вспоминаю и слова уроженца Черниговщины Опанаса Лобысевича, пытавшегося еще до Ивана Котляревского переводить «Вергилиевых пастухов»; пытался потому, что «запах мыслей», высказанных на родном языке, «есть наисладчайший». Вижу Иосипа Устимовича согнувшимся не столько под тяжестью лет или ударов судьбы, сколько под тяжестью рюкзака, – когда идет, неся весь дачный инвентарь (обрабатывал лоскуток земли за Львовом); Софья Ивановна, жена, – позади. Слышу его голос: «Rebus rusticis delector».

Но вижу и иного Иосипа Устимовича – в праздничной одежде, с бокалом красного вина в руке (готовится произнести первый тост – за гостей). За скромным праздничным столом поздравить хозяина с днем рождения, 10 января, собрались ближайшие его друзья, приятели. Еще пахло Рождеством: елка, кутя, коляда... Так вот (всегда нас опережал) первый тост, от хозяина, – за гостей. И в этом же первом тосте – латынь. Всегда – тот же знаменитый пассаж из «Заговора Катилины» Саллюстия: «Omnis homines, qui sese student praestare ceteris animalibus, summa ope niti decet, ne vitam silentio transeant veluti pecora, quae natura prona atque ventri oboedientia finxit...» – *Каждому, кто стремится стать выше всех прочих существ, нужно прилагать всяческие усилия, дабы не прожить жизнь в безмолвии, подобно скотине, которую природа создала потупленной и покорной чреву...* Потом уже – наши пожелания, беседа, коляда, воспоминания о тех, кто вдалеке от Львова, кто отошел в мир иной...

Приглашать гостей к угощению Софье Ивановне помогал сын Юрий с невесткой Валеи (вот-вот должна была родиться Юлиана – была «в пути»). Такими были одни из ежегодных наших январских посиделок, оказавшиеся последними, – 10 января 2001 г.

Пожалуй, память о человеке – не что-то абстрактное, это образы; изображенные на бумаге или полотне – это уже портреты или штрихи к портретам. А впрочем, каждый штрих – образ, ведь деталь в тот же миг становится целым. Так и моя память об Иосипе Устимовиче – в образах, «фотоснимках»:

Иосип Устимович, ведущий во Львовском университете латинист и методист, – в аудитории, у доски. Спортивной осанки, среднего возраста человек; темная линия галстука подчеркивает безукоризненную белизну воротничка. Римляне сказали бы: «Ad unguem factus homo» (Действительно: хоть ногтем проведи – не найдешь зазубрины). *Lectio quinta*. Десятый день сентября 63-го г. Тема занятия: *Imperativus praesentis activi...* Размашистый, но аккуратный почерк; расставлены все точки над «i», обозначена долгота гласных – все в точности на своих местах...

Иосип Устимович в Зеркальном зале университета. Здесь, в конце февраля 1993 г., из рук ректора Ивана Александровича Вакарчука, который продолжает гуманистические традиции Евгения Константиновича Лазаренко (латынь теперь – на всех факультетах университета), Иосип Устимович, уже за порогом своего восьмидесятилетия, получает диплом профессора. Не стесняется слез растроганный ректор, задрожал голос даже «утемперированного» Иосипа Устимовича. Между датами 1973 и 1993 – 20 лет. Человек на пути возвращения – к своей Итаке, своей *Alma mater*. «Справедливость – дочь времени», – повторил бы по этому поводу Еврипид. Иосип Устимович – на лавочке в осеннем скверике рядом с Черешневой (кстати, звоня по телефону, всегда представлялся: «Це Йосип Устимович з Черешневої»). Осыпаются листья. Город живет своей жизнью. Город, который он так любит, в котором родился, из которого недавно, так неожиданно, ушла в Вечность его жена – Софья Ивановна. «Самый тяжелый удар для меня – то, что не могу читать», – как-то открылся Иосип Устимович (последние переводы делал, слушая текст, который читали ему то жена, то сын Юрий). Иосип Устимович – в больнице. Здесь сверкнула еще одна его добродетель – *patientia*: ни на кого и ни на что не жаловался. Разве что, когда ослабевало сознание, – на больничную стену: ударял по ней рукой, словно перед ним была не стена, а те зловещие, лишавшие горизонтов, – семидесятые.

Иосип Устимович, на фото, еще мальчик, с игрушечным ружьем в руке – наверное, единственный момент, когда держал в руках оружие (в военном билете запись: «рядовой необученный»). Иосип Устимович, юноша, – на вершине Говерлы, Галицкого Монблана. Иосип Устимович – за книжкой, весь в тексте, но не расслабленный: взглянуть со стороны – напоминает бегуна на старте. *Homo legens, homo scribens, homo docens, homo agens...*

Но над всеми этими образами (Вот что такое – *viva vox!*) – *homo salutans*: «До-о-обрий де-е-нь!» и слышу Иосипа Устимовича, и вижу его с высоко поднятой старенькой шляпой в руке, с таким же, уже не новым, набитым книгами и записями портфелем. «До-о-обрий де-е-ень!».

ДВЕ КАФЕДРЫ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Две фотографии, сделанные почти в одно и то же время (конец 60-годов XX века), побудили напомнить в контексте данного сборника о двух старейших кафедрах классической филологии в России: петербургской (ленинградской) и московской.

Кафедра классической филологии филологического факультета Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета.

С самого основания Санкт-Петербургского Университета (в 1724г.) классические языки (древнегреческий и латинский языки) были обязательным предметом изучения, но на различных кафедрах. С 1819 г. на историко-филологическом факультете были основаны две кафедры – греческой словесности и древностей и латинской словесности и древностей, которые позже (1884 г.) были объединены. Эта объединенная кафедра просуществовала, уже в составе филологического факультета, до 1921 года. (ее заведующим до 1926 г. был А. И. Малеин). Далее судьба кафедры была полна превратностей вплоть до 1937 года, когда она вошла в состав созданного в Ленинградском университете филологического факультета.

Заведующие кафедрой классической филологии:

Ольга Михайловна Фрейденберг (1937 – 1950, с некоторыми перерывами)

Яков Маркович Боровский (1950 - 1955)

Борис Васильевич Казанский (1955 – 1957)

Аристид Иванович Доватур (1957 – 1971)

Юрий Владимирович Откупщиков (1971 – 1992)

Валерий Семенович Дуров (с 1992)

На фотографии (слева направо):
Юрий Владимирович Откупщиков, Елена Ивановна Чекалова, Галия Галустовна Анпеткова-Шарова, Александр Константинович Гаврилов.

На фотографии (слева направо):
Марина Николаевна Славятинская, Валентина Иосифовна Мирошенкова, Аза Алибековна Тахо-Годи, Ирина Михайловна Пикова, Николай Алексеевич Федоров, Сергей Иванович Радциг – Клара Петровна Полонская – Валентина Петровна Завьялова.

Кафедра классической филологии филологического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова.

С 1755 года, с момента учреждения Московского университета императрицей Елизаветой, здесь изучались дисциплины, относящиеся к классической филологии – греческий язык, латинский язык, латинская стилистика, греческие и латинские древности. В 1804 году в университете было создано отделение словесных наук, включившее, помимо других, и две кафедры, целью которых было преподавание классических языков и античных древностей: кафедра греческого языка и греческой словесности и кафедра латинского языка и римских древностей. После различных реорганизаций в 1884 году был принят новый устав Московского университета, и на основе двух вышеуказанных кафедр была создана кафедра классической филологии, которая просуществовала до 1922 года. Только в 1934 году она была вновь открыта на литературном факультете ИФЛИ (Института истории, философии и литературы) и ее заведующим стал Михаил Михайлович Покровский (с 1934 по 1939 гг.), а затем заведующим был Дмитрий Григорьевич Коновалов (1939 по 1941 гг.).

В 1941 г. было принято решение о слиянии МГУ и ИФЛИ и создании филологического факультета. Заведующим кафедрой классической филологии стал Сергей Иванович Радциг (1941 – 1949). В 1949 году кафедра была разделена на кафедру классической филологии (филологический факультет) и кафедру древних языков (исторический факультет).

Заведующие кафедрой классической филологии:

Николай Федорович Дератани (1949 – 1958)

Александр Николаевич Попов (1958 – 1962)

Аза Алибековна Тахо-Годи (1962 – 1996)

Андрей Александрович Россиус (1996 – 2006)

Алексей Иванович Солопов (с 2007)

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

(филологи-классики о филологах-классиках): Сб.статей

Сост. М.Н.Славятинская

Тексты печатаются в авторской редакции

Отдел издательства учебной литературы

Заведующая *В.И. Ивановская*

Технический редактор *Л.В. Жигульская*

Верстка *Т. А. Саввушкина*

Корректор *Е.Н. Сергеева*

Подписано в печать 19.. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$

Гарнитура Minion

Усл.печ.л. 12 печ.л. Тираж 400 экз.

МГХПА им. С.Г.Строганова

Москва, Волоколамское шоссе, 9

Тел.: (499)158-68-57

